

В. А. Розинский

**Очерки
по истории
гражданской
войны**

1917-22

Владимир Розинский

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

**Мельбурн — Австралия
1977 год**

ВСТУПЛЕНИЕ

Назовем ли мы наступивший после падения монархии период нашей истории революцией или смутой или даже бунтом, мы должны признать, что это было, в сущности, время какой-то агонии демократии.

Революция вклинилась в войну, „сменила шофера на полном ходу машины” (из сравнения депутата Думы Маклакова) и полетели под откос, в пропасть ...

Произошла не только смена правящих кругов, смена монархии народоправством, произошло нечто иное, были поколеблены все общественные устои, поставлены под вопрос все основания общественного строения России. Через анархию, хозяйственную разруху и политический хаос Россия докатилась к Октябрьскому перевороту большевиков, а далее — к диктатуре коммунистической партии (а не к диктатуре пролетариата, т.е. рабочего класса, к чему призывал Карл Маркс и к чему призывал Ленин до переворота), к господству, точнее говоря, верхушки партии, Политбюро из 10–12 членов, а затем — и к единоличной диктатуре в лице „отца народов” Сталина.

Здесь следует кратко остановиться на этих сдвигах, которые привели нас к Октябрю.

А „Октябрь”, точнее, Большевицкий переворот 25-го октября 1917-го года, является ведь прелюдией к гражданской войне 1917–20 годов, так: в обнародованных целях Добровольческой армии (21 декабря 1917-го года) провозглашается, что вся Россия должна подняться всенародным ополчением, как в старину 300 лет тому назад, на защиту своих оскверненных святынь и своих потерянных прав против узурпаторов—большевиков.

Без рассмотрения хотя бы вкратце этого бунта „безжалостного и беспощадного”, не ясно будет при изложении гражданской войны следующее: о вождях Белого движения, о вождях революции, о роли крестьянства, рабочих, интеллигенции и служилого класса — офицерства в перепетиях гражданской войны.

Но ведь „Октябрю” предшествовал „Февраль”, стало быть, вкратце приходится упомянуть и о Февральской революции и о последующих сдвигах.

Мировая война 1914—1918 г. смела Австро-Венгрию, как „лоскутную” империю, разбила монархию Гогенцоллернов в Германии и, прежде всего, потрясла Россию до основания. На место монархии дома Романовых пришло Временное Правительство, а массы простого народа угрожали, улица требовала, была угроза анархии и вот вспоминаю:

Будучи юнкером Константиновского артиллерийского училища, пишущий эти строки пережил февральскую революцию, сначала в стенах училища, а затем был свидетелем потрясающих сцен. Один лишь отделенный офицер К-в велел запрягать лошадей в училище и выезжать легкой артиллерийской батарее для поддержания порядка 27-го февраля. Но начальник училища генерал Бутыркин запретил его выезд с батареями и орудиями. На улицах еще шла стрельба, кое-где постреливала еще полиция, как утверждали, с чердаков и крыш. Я видел сам, как разъяренные солдаты поднимали штыки над захваченным полицейским, а когда одна курсистка воззвала к ним: „Что вы делаете, не убивайте сами, не творите самосуд, а ведите его к начальству”, то разъяренные солдаты заорали на нее, обложив ее последними словами. Любопытные тут же получали возмездие в виде ранений от шальных пуль при еще не затихшей перестрелке. Я видел торжествующих солдат с селедками в руках, после разгрома каких-то лавочек, говоривших: „Ничего, теперь свобода!” Юнкера должны были идти к Гос. Думе, заявлять о своей готовности защищать завоевание революции, как и прочие воинские части, и я видел уставших, охрипших думских депутатов, без конца приветствовавших солдат, но чувствовалось, что не они хозяева положения, а улица ...

Да, хозяином положения стало не Временное Правительство, а разнузданная солдатня, окопавшийся в Красном Питере гарнизон, распропагандированные рабочие. Им противостояла интеллигенция, офицерство, юнкера. Государств. Дума или комитет ее обратилась в говорильню ... особенно по началу, санкционирующую происшедший февральский переворот.

Скоро, очень скоро иллюзия достигнутой свободы рассеялась; налицо стала угроза разнузданной толпы, угроза погромов, анархии.

Мы не будем здесь останавливаться на вопросе: кто виноват в безвременной революции (революции во время войны) — левая ли беспочвенная, потерявшая чувство здорового патриотизма интеллигенция, паралич ли власти, министерская чехарда, отсталость и темнота народа (крестьян,

рабочих, их усталость от войны), или германское золото и пораженческая пропаганда. Мы только констатируем факт разрухи, безначалия и бунта солдат гарнизона и низов населения столицы Петрограда.

Следующим сдвигом после февраля является 18 апреля 1917 года, когда имели место демонстрации в Петрограде со стрельбой и жертвами, когда начавшие свою ленинскую линию большевики столкнулись с демонстрантами патриотического направления. К этому мы пришли через путаницу двоевластия, которая началась с первых шагов Февральской революции, когда, фактически, власть разделилась между Временным Правительством, имеющим некоторое преемство с Гос. Думой еще императорской России, и Советом рабочих и солдатских депутатов, возникшим самопроизвольно в первые же дни февраля — марта 1917 г.

Если П.Н. Милюков (министр иностранных дел первого состава Временного Правительства) стоял за безоговорочную поддержку Антанты, т.е. союзников, за победоносное окончание войны и почетный для России мир, то социалисты и Советы противопоставили этому лозунг „мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов”. Начался со стороны большевиков призыв к братанию в окопах с врагом. Армия стала разлагаться, особенно повлиял приказ №1 Совета (а не Правительства, как иногда ошибочно заявляли некоторые лица при общественных выступлениях) и проч. ...

Милюков вынужден был 22 апреля выйти в отставку, ибо демонстрации и беспорядки в апреле были вызваны во многом той нотой союзным державам, которую поддерживал Милюков.

Правительство становится коалиционным, т.е. допускаются в его состав министры социалисты и между ними начинаются трения ...

С 3-го апреля, — дня приезда Ленина в Петроград из Швейцарии через Германию в „запломбированном вагоне вместе с его свитой”, — начинается вторжение его в политику, способствовавшее утрате русской армией и без того подорванной боеспособности, а также его проповедь „грабь награбленное”, его демагогические обещания и посулы земли и мира. Земля то действительно была национализирована во время коллективизации 1928—30 гг.

Не обманул как будто Ленин и граждан с заключением мира ... Действительно, его сподвижник Троцкий заключил с немцами в Бресте мир — только не победоносный, а позорный для России или, как тогда в газетах писали: „похабный мир”

с громадными уступками врагу. В государственном строении был брошен лозунг „вся власть советам” — тоже не без обмана, ибо после Октябрьского переворота Советы стали лишь марионеткой, куклой партии большевиков.

Следующим моментом было июльское восстание большевиков, как бы репетиция Октябрьского большевистского переворота, 3-го июля большевистские части вышли с винтовками и запасом патронов на улицы Петрограда из особняка балерины Ксешинской, где заседал штаб большевиков, двинулись к месту заседания Советов рабочих и солдатских депутатов; и ворвавшись в это здание, избили „селянского” министра Чернова (с.р.). На улицах шла стрельба. Когда же 5-го июля подошли к Петрограду верные правительству войска, снятые с фронта, восстание было подавлено несколькими пушечными выстрелами. Вожаки восставших — Троицкий и Стеклов — были арестованы. Ленин и Зиновьев скрылись. Победила т.о. демократия; подрывная деятельность большевиков была как будто ликвидирована.

Но не долго радовались патриоты-оборонцы. Вскоре последовал провал наступления на фронте, где патриоты были в меньшинстве, а большинство были разложившимся и неустойчивым. Целые дивизии обратились в паническое бегство когда наше наступление захлебнулось или было отбито немцами. Бежавшие солдатские массы устремились в глубокий тыл, производя по пути грабежи, насилия и даже убийства.

Популярность Временного Правительства и Керенского падала.

И вот на фоне страшных событий вырисовывается фигура генерала Корнилова. Его знали как мужественного генерала и несомненного демократа. Кто, как не он, был способен восстановить армию, создать правительство, которое прекратит разруху в тылу и доведет страну до Учредительного Собрания?

(Краткую биографию ген. Корнилова см. в очерке 2-ом гражданской войны — южный фронт 1918 г.)

АГОНИЯ ДЕМОКРАТИИ ПЕРЕД ЕЕ КОНЦОМ

Личность генерала Корнилова имела притягательную силу для российских патриотов. Эта сила основывалась на действительной воле Корнилова к восстановлению армии, к победе. Никаких возражений и отговорок Корнилов не хотел терпеть и когда правительство уклонялось от принятия жестких мер по поднятию дисциплины, Корнилов грозил ...

и вот тут то произошел конфликт у Корнилова с главой Правительства Керенским. Расхождения и междуусобие дошли до того, что Керенский выпустил воззвание, обвиняя главнокомандующего в измене революции ... Корнилов ответил обвинением Керенского в измене России.

21—29 августа 3-ий конный корпус под командой ген. Крымова был двинут к Петрограду. Но корпус подвергся агитации, солдаты стали митинговать и в результате ген. Крымов застрелился.

Удар Корнилова жестоко поразил Временное Правительство. В министерских рядах началось разложение.

Кадетов (членов партии Народной Свободы) стали обвинять в конт-революционности. Ленин из своего убежища в Финляндии уже нацелился на Керенского. Он изображает события так, что „Керенский — Корниловец, рассорившийся с Корниловым случайно”.

Формы правительства меняются как перчатки: то 2-ое Коалиционное Правительство (социалисты и кадеты) то Директория (наподобие Директории во время Французской Революции 1789-го года), то 3-ье коалиционное Правительство. Приближается срок созыва Учредительного Собрания, усиливаются схватки (гл. образом словом и в печати) между „революционной демократией и правительственными кругами:

7-го октября открылся Временный Совет республики или, как его называли в газетах „предпарламент” — скорее совещательное, чем управительное учреждение. Дискуссии были бесплодны, ибо ни у правительства, ни у парламента после Корниловского провала не было никаких средств для восстановления армии. Министр Верховский заявил о невозможности продолжать войну и был „уволен в отпуск”, а через неделю правительство было свергнуто большевиками.

Появился еще особый орган — „Демократическое Совецание” из представителей городов, земств, профсоюзов, от Совета рабочих и солдатских депутатов. Открылось это совещание 14 сентября, но увязло в вопросе о коалиции в правительстве. Совещание это закрылось 22-го сентября, ничего не сделав и не дав ожидаемой помощи правительству. Имела место и кооптация в правительстве из цензовых элементов (из которых по цензу — избирательному, имущественному, и образовательному — проходили депутаты при выборах в Гос. Думу до революции), такими были Третьяков, Бурьшкин, Коновалов. Наконец и Директория (состоящая из Керенского, адмирала Вердеревского, Терещенко и Никитина) самоликвидировалась 25 сентября, просуществовав немного меньше месяца — с 28 августа до 25 сентября 1917 г.

Надо заметить, что цензовые „буржуи“ были люди значительной культуры и большой деловитости, но они не могли найти контакт со своими социалистическими коллегами, им никто не хотел повиноваться, да к тому же оставались какие-то „малые недели“ до Учредительного Собрания. У правительства оставалось мало времени для каких-либо больших преобразований.

Все патриотические силы в армии были рассеяны и парализованы окружающей разнузданной солдатской массой, проявлявшей бессмысленное и подозрительное своеволие. Керенский боялся большевиков, но не доверял и генералам, а потому и не допускал стягивания активных патриотических сил в один кулак. Так 3-ий конный корпус, на который правительство рассчитывало опереться в случае нового выступления большевиков, был децентрализован и размещен малыми соединениями на огромной территории, что и послужило одной из причин неудачи наступления после Октябрьского большевистского переворота на Петроград.

Все это понижало и моральную устойчивость тех, кто еще готов был стать на защиту права и свободы. „Они не видели центра, вокруг которого они могли бы объединиться“

Корнилов сидел под арестом, а Керенский не только не сумел договориться с Корниловым, не только арестовал и дискредитировал опору патриотических сил, но высвободил для действия именно ту силу, которая являлась главным источником развала армии (т.е. большевиков), главным источником попрания прав и свободы.

Мрак и отчаяние вселялись в души. Когда верные своему долгу войска будут двинуты против большевиков для защиты Временного Правительства, им придется в походе глотать свою ненависть к тому, которого они пойдут защищать”.

— Такова оценка историка.

ПОДГОТОВКА БОЛЬШЕВИКОВ К ВОССТАНИЮ

Все это знали, учитывали и использовали большевистские вожди. Ленин обвинял Временное Правительство во всех смертных грехах и коварстве, как-то: сдать Петроград немцам, сорвать Учредительное Собрание и пр. „Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания”, — восклицал Ленин.

— „Как злы бывают шутки истории, музыки Клио” — восклицает по этому поводу Суханов в своих „Записках”, имея в виду разгон большевиками Учредительного Собрания, после прихода их к власти.

Также лжив был и другой лозунг Ленина — „Вся власть Советам”, — ибо после захвата власти большевиками Советы стали пешкой, марионеткой в руках Политбюро партии. Также лживы были обещания социализации земли и скорого мира на справедливых условиях.

К октябрю Ленин был прямо-таки одержим идеей вооруженного захвата власти. Вот его призывы: „Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить недели, а недели и даже дни решают теперь все”. („Кризис назрел”). А на заседании ЦК 16 октября 1917 г. он же изрекает: „Именно потому, что хлеба только на день, мы не можем ждать Учредительного Собрания”. 24 октября он писал „из прекрасного далека” (где-нибудь в Финляндии) членам ЦК: „Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и Ко. до 25-го, никоим образом”. В статье „Удержат ли Советы государственную власть?” Ленин полагал, что если даже до революции 1905 г. Россией управляли 130.000 помещиков, то неужели Россией не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков?” Какой цинизм!!! Не даром же их прозвал народ новыми дворянами или „красными дворянами”. Опасаясь за свою жизнь и свободу, Ленин тщательно скрывался в Финляндии и только 2 раза обритым и загримированным являлся на заседания ЦК партии 10 и 16 октября в Петроград, когда большинством 10 против 2 (Зиновьева и Каменева) был решен вопрос о неотложности восстания и незамедлительной подготовки к нему. Отсутствующему Ленину нашелся „заместитель”, его прежний политический враг — Лев Троцкий.

Троцкий — Бронштейн

Лев Троцкий (Бронштейн) родился в 1877 году в семье зажиточного хуторянина на Юге России (нарушается марксистский принцип: бытие не определяет в данном случае сознания, ибо Троцкий не был „потомственным пролетарием”, равно как и Ленин (собств. Ульянов), который был сыном учителя, школьного инспектора и дворянином. По профессии Троцкий стал журналистом. Долго он не поддавался Ленинской ассимиляции в рядах соц. демократов и приближался по взглядам к меньшевикам. В 1905 г. он оказался председателем первого в России Совета рабочих депутатов. Десятилетие перед 1917 г. Троцкий провел в скитаниях за границей. Во время войны 1914-18 гг. был интернационалистом. В Петрограде к июлю 1917 г. он уже полностью разделял большевистские взгляды и, в частности, признавал, что цель оправдывает средства, что с успехом и беззащитно проводил на практике.

В июле он был арестован, но вскоре выпущен. Он отличался недюжинным ораторским и литературным даром, чем далеко оставлял за собой всех остальных „вождей” большевизма; был конечно циничен и жесток. Ему удалось и теперь занять место председателя в Президиуме Петросовета, как и 12 лет назад (в 1905 году). Затем был использован Комитет Обороны (от немцев по первоначальному замыслу) и был превращен в Военно-Революционный Комитет с направлением его против „контр-революции”. Правительство к этому времени потеряло возможность распоряжаться войсками в столице, что подтверждает в своих воспоминаниях Троцкий и Суханов, замечая, что переворот был уже на три-четверти выполнен и правительство было принципиально свергнуто в тот день, когда полки столичного гарнизона отказались выступить на фронт. Чтобы завуалировать свою трусость и не возбудить против себя негодование фронтовых частей, было постановлено „Поставить себя под контроль Советов”. А Советы уж их не выдадут, думали солдаты. Далее Совет постановил, что никакие постановления военного округа не будут выполняться без скрепления подписью комиссара Петроградского Совета.

Наконец Троцкий явился в Петропавловскую крепость за Невой против Зимнего Дворца, в котором находилось Временное Правительство и овладел ею без выстрела. Гарнизон принял революционного комиссара. Троцкий летал по заводам и казармам Петрограда, убеждая солдат и рабочих; его влияние в массе было подавляющим.

Из всех партий только левые эсеры поддерживали большевиков, но их впоследствии постигла плачевная участь (тюрьмы и ссылки).

ВОССТАНИЕ

Временное правительство долго не сознавало возрастающей серьезности положения. Наконец в 20-ых числах октября стала ощущаться подготовка к восстанию.

Надо было насилью противопоставить силу, но где она? В непосредственном распоряжении Правительства были юнкера и казаки и где-то, в 100 км. от столицы, 3-й конный корпус. Из надежных частей был еще батальон самокатчиков — тоже где-то возле столицы. Дальнейшее промедление было равносильно капитуляции.

23-го октября Военно-Революционный Комитет объявил о назначении им комиссаров в воинские части: „никакие распоряжения властей не должны выполняться без одобрения

комиссаров Ревком-а". Обращение адресованное ко всему населению, явочным порядком лишало Правительство всех административных прав.

В тревожном ожидании вооруженного восстания я вот что писал Максим Горький в своей „Новой жизни“: — „Все настойчивее распространяются слухи о выступлении большевиков. Могут быть повторены отвратительные сцены 3—5 июля ... Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть эти слухи, если он является не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков". Вот как реагировал русский человек, хотя бы и блуждавший в тенетах марксовой теории.

Наконец, Правительство очнулось от состояния безволия и оцепенения и 24 октября выпустило целый поток приказов и распоряжений. Было постановлено закрыть большевистские газеты „Солдат" и „Рабочий путь", а редакторов привлечь к судебной ответственности. Юнкера очистили помещения и опечатали их. Но пару часов спустя две роты наиболее активных повстанческих частей сорвали печати и редакции возобновили работу.

Изданы были приказы об уголовном преследовании членов Военно Рев. Комитета за возвания, призывающие к неповиновению властям; приказ об аресте выпущенных недавно участников июльского путча, приказ об невыходе солдат из казарм, о предании суду лиц, выступающих с оружием в руках. Все это были правильные мероприятия, но с ними сильно запоздали.

Были вызваны ударные батальоны, юнкера и артиллерия из окрестностей столицы. Было приказано развести мосты на Неве. К Зимнему Дворцу были вызваны юнкера и женский батальон. В наличии оказались одни юнкера, которые не были достаточно сильны на всей территории Петрограда. Мосты разводились, а повстанцы оттесняли редкое охранение и снова их наводили. Невозможно было арестовать всех солдат, их было во много раз больше, чем юнкеров.

В ночь на 25 октября большевики заняли мосты, вокзалы, электрическую станцию, телефон. И только теперь Председатель Правительства Керенский разоблачил „в Предпарламенте" заговорнические цели большевиков и требовал поддержки Правительству в подавлении мятежа и в переговорах с союзниками о мире и раздаче земли крестьянам. Большевики вынесли нелояльную резолюцию по отношению в Правительству Керенского. Он грозил отставкой и уехал утром 25 октября к „верным войскам", чтобы вести их на столицу. Замести-

телем его в столице остался министр торговли А.И.Коновалов. Тогда обратились за помощью к казакам: Казачьи полки в столице вели себя спокойно и к правительству были лояльны. „Загвоздка” получилась из-за отсутствия пехоты. Были юнкера пехотные, но это был „не народ”, по мнению казаков. Только уральцы старших призывов усовестились и явились в Зимний Дворец.

Утром 25 октября большевиками была занята телефонная станция, в 2 часа был разогнан Предпарламент, вечером, под угрозой бомбардировки из Петропавловской крепости, сдался штаб военного округа. Держался только Зимний Дворец под защитой юнкеров, роты женского батальона, и двух сотен казаков и 40 инвалидов под командой ротмистра. Затем казаки ушли, им не понравились юнкера, не понравились „бабы”, не понравились и члены Правительства.

Командующие осадой Подвойский и Антонов-Овсенко давали торжественные обещания взять штурмом дворец то в полдень, то в 3 часа, то в 6 часов. К вечеру обстановка осложнилась, дело не ладилось. К большевикам прибыло подкрепление — тысяча пять матросов. Троцкий к ним присчитывает до 20 рот гарнизона, способных биться в 1-й и 2-й линии. Остальной гарнизон Петрограда держал „нейтралитет”. В Зимнем было едва ли более 1000 человек. К вечеру Зимний был наглухо обложен с суши, а на Неве стоял крейсер „Аврора” с шестидюймовым орудием и 4 миноносца. После ультиматума в 8 часов вечера начался артиллерийский, пулеметный и ружейный обстрел дворца. Стрельба была мало действительной.

Настроение в Зимнем становилось все более подавленным, хотя защитники его с упорством отчаяния в большинстве своем не думали о капитуляции. Вся надежда сосредоточивалась на войсках, которые могли прийти извне, а на город уже не надеялись. Из Ставки доносились обнадеживающие обещания — войска двинуты к столице, но в Зимнем о них не было ничего слышно. Очевидно на пути движения большевики позаботились, чтобы эти войска не дошли.

Генерал Черемисов, командующий Северным фронтом, оказался не на высоте положения. Зато командир 3-го корпуса ген. Краснов собрал около 1000 всадников и с этой горстью двинулся к столице. Перед ним бежали тысячные отряды большевистской пехоты, десятки казаков разоружали целые эшелоны, многотысячные гарнизоны сдавались, разоружались или объявляли „нейтралитет”, но наступление неизбежно захлестывалось, и все это произошло, когда Правительство уже „пало”. В Зимнем об этом ничего не знали, тоска накапливалась, бездействие душило.

И вот, вдруг, произошел взрыв — не то истерики, не то героического порядка. Распространился слух, что в здании Главного Штаба большевиками захвачен генерал Алексеев. Тогда женщины-солдаты решили сделать вылазку — идти отбивать генерала. Сотня женщин бросилась в темноту под огонь винтовок и пулеметов ... Через некоторое время было доложено министрам, что вылазка ударниц кончилась их гибелью.

Хотя судьба Временного Правительства была уже т.о. предрешена и часы защитников Зимнего сочтены, но оттяжка захвата последнего оплота Правительства волновала уже делегатов 2-го съезда Советов. В это время Ленин, пробравшийся в Смольный (здание института благородных девиц), где заседал съезд Советов, — еще не разгримировался. Ленин пробрался 25 октября в 2 часа дня в здание Петроградского Совета. На трибуну в Смольном институте Ленин появился лишь 26 октября, т.е. сутки спустя после ареста Временного Правительства. Во время заседания съезда Советов вечером 25 октября в зал глухо доносились выстрелы с „Авроры” и тогда делегаты меньшевиков и эсеров ополчились:

„Политические лицемеры предлагают решать вопрос о власти. Между тем он решается за нашей спиной”, говорил один оратор, меньшевик Хараш, другие ораторы его поддерживали. „Съезд Советов, поставленный перед фактом вооруженного восстания, не правомочен”.

Постепенно уходят меньшевики, правые эсеры и др. Остались в Смольном только левые эсеры, отныне спутники большевиков, и небольшая группа с.д. интернационалистов — „для наблюдения”. Из источника новой власти, съезд Советов превращается в безгласное орудие Ц.К. большевистской партии.

Между тем, защита Зимнего Дворца переживает свою агонию. Надежд на помощь больше никаких. Всякая связь с внешним миром прекратилась. Матросы стали ближе подходить к дворцу. В незащищенные проходы стали проходить группы матросов, красногвардейцев и солдат. Матросы распространяются по анфиладам пустых зал и коридорам, сталкиваются с группами юнкеров, сдаются ... Одиночных юнкеров сами берут в плен. Связь рвалась. В одном месте не знали, что творится в другом. Все перемешалось, невозможно было стрелять, не попадая в своих.

Русские люди еще не привыкли убивать друг друга, колебались ...

Во 2-ом часу ночи Комендант пришел к заключению, что дальнейшая борьба бессмысленна и сдал дворец. Но не все еще юнкера собирались сдаваться. Перед дверьми зала,

где находились министры, стояли юнкера в боевой готовности со штыками вперед и бомбами под рукой. Антонов-Овсеенко, предводитель нападавших, остановил своих в некотором отдалении и в сопровождении министра Пальчинского прошел в министерскую комнату для переговоров.

Офицер перешептывался с юнкерами:

„Кто сзади, зайдите в кабинет и просите разрешения открыть огонь. Еще несколько минут и этого нельзя будет сделать. Живо!” — было так брошено в темноту ниши приказание юнкерам. „Слушаюсь”, донесся ответ.

Но из кабинета вместе с Антоновым вышел Пальчинский и передал юнкерам решение министров о сдаче — подчиняясь силе ...

— „Нет!” раздавались ответы „подчиняться силе еще рано! Мы умрем за правительство! Прикажите только открыть огонь!”

Были же все-таки русские мальчики, готовые на безумный подвиг. Но вмешался подоспевший Председатель Совета министров А.И. Коновалов:

„ ... Слагать оружие для сохранения наших жизней мы не имеем права требовать, но убеждать вас сохранить свои — мы должны и мы вас просим отказаться от дальнейшего сопротивления.”

Юнкера сложили винтовки ...

А. Овсеенко торжественно арестовал министров и под командой „лучших вооруженных товарищей” отправил их в Петро-Павловскую крепость. Министерство Свободной России шло в тюрьму ...

Миллионы последовали за ними и далее — к стенке ... Среди этих жертв последуют и „краса и гордость революции”, Кронштадтские матросы, овладевшие ночью Зимним Дворцом.

Материалы, использованные для книги:

- 1) „Воспоминания том 1.” П.Н. Милюкова.
- 2) „Из воспоминаний”. В.А. Маклакова.
- 3) „Пути российской революционности”. Б.Т. Кирюшина.
- 4) „Записки о революции”. Николая Суханова (Гимера).
- 5) Собственные воспоминания.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ

(1917-й год)

60 лет назад 2 ноября 1917 г. (15 ноября по н.ст.) через неделю после большевистского переворота в Москве (25 октября — по ст. ст. — 1917 г.) к Донскому атаману ген. Каледину прибыл бывший начальник штаба Верх. Главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, а за ним и заключенные главой Врем. Правительства Керенским в Быховскую тюрьму генералы Корнилов, Деникин, Марков, Романовский и др.

Так было положено начало великого белого похода во имя освобождения Родины от тирании большевиков, утвердившихся в Москве.

Зарождение Алексеевской добровольческой организации на юге

Генерал Алексеев в Новочеркасск прибыл со своим адъютантом Шапрон де Ларе, в штатском. В группе было всего 12 человек. Генерал Алексеев прибыл к Донскому атаману ген. Каледину, а остальные были помещены в здание пустующего лазарета по Барочной ул. № 39, который стал колыбелью Добровольческой Армии. К 4 ноября (ст. ст.) у ген. Алексеева было уже 40 человек добровольцев. Т.об. было положено начало сводно-офицерской роте, первой воинской части под командованием штабс-кап. Парфенова.

Срок обязательства добровольцев первоначально был в 4 месяца, но добровольцы удивлялись, — они ведь явились служить бессрочно до освобождения родины от большевиков.

Первоначально добровольцам давались задания группами по 5 человек под командой донских офицеров, с винтовками и патронами, на разные узловые станции, для водворения порядка и борьбы с дезертирами.

Что касается материальной помощи, то от богатых людей ген. Алексеев получил всего 400 руб. при значительном обесценении бумажных денег!..

Формирование шло своим чередом в Новочеркасске, в Екатеринодаре — туго, в Минеральных водах ничего не выш-

ло. Во второй половине ноября м-ца 1917 г. в Добровольческой Армии уже были следующие части: Сводно-офицерская рота в 200 чел., юнкерский батальон в 150 чел. и Сводно-Михайловская Константиновская батарея в 250 человек. Всего около 600 человек. Затем из них образовалась офицерская ген. Маркова дивизия и Георгиевская рота из георгиевских кавалеров-офицеров и солдат. Офицеры составляли треть всех добровольцев, 50% были юнкера, учащиеся светских и духовных училищ — 10%. Остро встал вопрос прокормления солдат (600 чел.).

Во всех концах России прошел слух о создании свободных от большевизма воинских частей на казачьих окраинах. Стекались на Дон офицеры, юнкера, гардемарины, студенты, кадеты, постепенно увеличивая новую армию, т.н. Алексеевскую Организацию, а с прибытием из Быховской тюрьмы генералов появилось и командование. Выборный атаман Каледин сильно помогал новой организации. В конце концов, образовался т.н. триумvirат: ген. Корнилов, ген. Алексеев и ген. Каледин.

19 ноября 1917 г. быховские узники ген. Корнилов, 20 чел. офицеров и генералов, в том числе и переведенные из Бердичева ген. Деникин и ген. Марков оставили Быховскую тюрьму и направились на Дон, а 22-го ноября в Быхов прибыл ставленник Советов на пост Верх. Главнокомандующего, прапорщик Крыленко, а матросы его сопровождавшие растерзали ген. Духонина, поставив ему в вину освобождение из тюрьмы упомянутых узников. Ген. Корнилов шел с конным отрядом текинцев и прошел 350 верст за 7 дней, а затем после обстрелов, переделся и прибыл в Новочеркасск 6 декабря 1917 г.

Начались и первые боевые выступления. Так уже 20 ноября 1917 г. белыми были разоружены запасные полки в предместьях Новочеркасска. Затем 26 ноября 1917 года началось восстание большевиков в Ростове. Добровольцы, совместно с казаками-пластунами, вели с ними борьбу. 1 декабря 1917 г. красные, оказав слабое сопротивление, бежали в Ростов, где и рассеялись.

Ростов был взят белыми. Матросы уплыли на судах. Произошли переформирования и пополнения. Были организованы: студенческий батальон из 2-х рот — 280 человек, юнкерский, офицерский батальоны, присоединилась школа прапорщиков в Таганроге — 400 человек.

Ген. П.Н.Врангель

Ген. А. И. Деникин

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

В середине декабря 1917 г. на конспиративном собрании генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Деникина и др. было вынесено постановление общими силами вести борьбу против большевиков, причем ген. Алексееву поручалось гражданское управление, внешние сношения и финансы, ген. Корнилову — власть военная, ген. Каледину — управление Донской областью. Верховная власть была в руках триумvirата.

Но это постановление не удалось осуществить полностью. Дон был ревнив к своей свободе, он оставил за собой право иметь свою армию. Это привело к тому, что 26 декабря 1917 г. все вооруженные силы Алексеевской Добровольческой организации были официально переименованы в Добровольческую Армию, во главе которой стал генерал Корнилов. 27 декабря 1917 г. впервые были обнародованы цели Добр-армии:

1) Создание организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся полной анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих потерянных прав.

2) Первая непосредственная цель Добрармии противостоять вооруженному нападению на юг и юговосток России.

3) Но рядом с этой целью ставилась и другая — Добрармия должна быть той действительной силой, которая даст возможность российским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России. Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли Русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного Собрания свою державную волю ... Ей одной будет служить создаваемая армия. В заключение воззвание призывает стать в ряды российской рати всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа исполнилась к ней сыновней любовью.

В первый период существования Добрармии в ней было 3 полка: 1) Офицерский полк, сформированный из офицеров, прибывших на Дон, 2) Корниловский Ударный полк, просуществовавший крепкой неразложившейся частью до ноября и командир его полк. Неженцев посодействовал ему собраться на Дону; более четверти состава полка добрались до Новочеркаска, где полк и был восстановлен. Третьим полком был Партизанский. Он сформировался из мелких партизан-

ских отрядов на Дону. Этот полк состоял поэтому из местных уроженцев и по преимуществу из молодежи.

Позднее, 25 апреля 1918 года, к Добрармии присоединился отряд полк. Дроздовского, численностью до 1000 человек, с победным боем у Новочеркасска (конечно дроздовский отряд, численностью в 1000 человек, в подчет Добрармии в конце 1917 г. не входит). Всего тогда можно было считать численность Добрармии в 4000 чел. Стало быть к концу 1917 г. она была значительно малочисленнее.

В книге "Марковцы в боях и походах за Россию" констатируется, что "из-за красного террора Алексеевская организация по комплектованию кадров Добрармии вынуждена была ослабить свою деятельность и нужно было быть добровольцем по духу, сметь отдать „приказ себе", чтобы дерзнуть ехать на Дон, и таковых нашлось очень мало. Так было в октябре и ноябре 1917 г." Проезд на Дон добровольцев был сопряжен с большими опасностями, опознанных в пути извлекали из вагонов и тут же их ожидала свирепая расправа ...

Биографию генерала М.В. Алексеева, зачинателя Белого движения, прекрасно излагает в своем письме его дочь В.М. Алексеева-Борель. Письмо это было любезно предоставлено ротм. В.Э.Тайрих пишущему эти строки. Приводим его в подлиннике:

Генерал М.В. Алексеев родился 1 сентября 1857 г. в семье капитана 64-го пехотного Казанского полка Василия Алексеевича Алексеева. Отец его был участником Севастопольской обороны, женат был на Надежде Ив. Балаховой, которая умерла, когда М.В. было 15 лет. Семья Мих. Вас. жила в Твери. Отец жил на маленькой пенсии. Михаил Васильевич учился в Военной гимназии (реформой гр. Милютина — корпус был переименован в военную гимназию), которую не закончил по недостатку средств и, по поданному на Высочайшее имя прошению, в ноябре 1873 г. был зачислен во 2-ой Гренадерский Ростовский полк.

В сентябре 1874 г. унтер офицера Алексеева командируют в Московское Юнкерское пехотное училище для прохождения курсов. Алексеев заканчивает училище портупей юнкером и выходит в офицеры в родной для него 64 пех. Казанский полк. Производство застает его уже в полку. 1 декабря 1876 М.В. Алексеев надел погоны прапорщика. Этот день, столь памятный каждому офицеру, был для вновь произведенного прапорщика Алексеева, по собственному его признанию, не весел, одинок, полон острой нужды.

28-го апреля 1877 г. началась для М.В. походная жизнь: в этот день его полк выступил для следования в действующую

армию на Балканы. Полк вошел в отряд ген. Скобелева и М.В. был постоянным от полка командированным ординарцем Белого генерала. Война ждет воинов, личный пример учит и воодушевляет, а личным примером для юного Алексеева был Скобелев. Так военное дело стало для Алексеева делом жизни, делом служения царю и отечеству до последнего вздоха, до последних дней жизни.

Первое боевое крещение Алексеев получил в боях у Ловчена, затем в боях и тесной осаде Плевны с 12 октября по 28 ноября 1877 г. вплоть до сдачи Плевны. В Сочельник этого года в мороз и вьюгу вместе со Скобелевым и полком Алексеев ~~перевалил~~ перевалил Балканы в обход Шипки, участвовал в боях 26,27,28 декабря у дер. Шеиново и Шипки и в пленении армии Веселл-Паши.

За бои под Плевной и Шипкой Алексеев был награжден орденом Св. Анны и Св. Станислава 3-ей степени с мечами и бантом. После Турецкой войны Казанский полк был квартирован в запас. Время проходит в Могилеве, Белостоке, Кобрине. Постепенно производится Алексеев в подпоручики, поручики и 15 мая 1883 г., за отличие по службе — в штабс-капитаны.

В эти годы Алексеев был полковым адъютантом, а 24 октября 1885 года получил в командование роту, одновременно состоя членом полкового суда.

Обучение новобранцев, стрельба и маневры. Он переживает тяжелые неудачи и радуется успехам своей роты. Солдат любит, о них заботится, хотя строго требует.

Но тесно в этих рамках однообразной армейской жизни. Ум ищет другой пищи и весной 1887 г. он едет в Вильно держать при округе экзамены в Императорскую Николаевскую Академию генерального штаба. За спиной — 10 лет строевой службы, не легко вновь взяться за книги; наступила угрюмая действительность — зубрежка к экзамену, вслед за которой, Алексеев смело и стойко вступает на новый путь. "Слава Богу! Я принят в Академию". Экзамен при округе и Академии выдержан, если и не блестяще, но благополучно.

Потекли годы академической жизни, полные труда, т.к. курс большой, а срок малый, поэтому „приходилось итти на быстрых „аллюрах“". Быстрые аллюры это — занятие по ночам! Поступлением в Академию Алексеев „все поставил на карту" и должен был постараться „раз начатое довести до конца". Зимой напряженные занятия, летом — бесконечные съемки в окрестностях Петербурга.

На 3-ем курсе Алексеева ждало разочарование. В 1889 г. Академию принял ген. Леер и вместо одной темы были введе-

ны три, что очень огорчило слушателей, особенно курс, на котором был Алексеев и оттянуло на 3 месяца выпуск, состоявшийся в апреле 1890 года.

Алексеев окончил Академию первым и мог выбирать любой округ, куда выйти. Алексеева привлекает Петербург, между прочим потому, что нигде больше нет такой богатой библиотеки военных книг.

13 мая 1890 г. за отличные успехи в науках в Академии он произведен в капитаны; таким образом Алексеев пробыл 7 лет штабс-капитаном. Летом лагерный сбор, практические испытания по службе ген. штаба. Кроме того, этим же летом началась педагогическая деятельность Алексеева, ему через Академию предложили вести съемки и практические занятия в поле с юнкерами Николаевского Кавалерийского Училища и эта первая проба удостоилась лестного отзыва со стороны инспектора классов училища, а с осени Алексеев начинает преподавать в Константиновском Артиллерийском Училище и читает администрацию в Николаевском Кавалер. Училище.

Осенью 1890 г. неожиданно открылась вакансия старшего адъютанта штаба 1-го армейского корпуса, на которую был назначен Алексеев. Эта особенная удача обеспечивает скорый перевод в Ген. Штаб. В ноябре того же года начальник Академии ген. Штаба ген. Леер пригласил только что окончившего кап. Алексеева импонентом на разбор одной из тем дополнительного курса. С 1893 года началась его профессорская деятельность в Академии — сначала лектором, а затем — экстраординарным профессором. Сперва он читает лекции по тактике, а став экстраординарным профессором, получил кафедру истории военного искусства. 26 ноября 1890 г. на Георгиевский праздник, состоялся перевод в Генеральный штаб и исполнилось личное пожелание кап. Алексеева „быть и в новой коллее полезным и нужным, а не только терпимым”. Желание и старание налицо, вопрос — найдется ли в данной мере — умень”.

9 января 1891 г. кап. Алексеев женился на дочери своего бывшего батальонного командира и боевого соратника Николая Гавриловича Пирецкого — Анне Николаевне. Служба в Генер. Штабе и преподавание как в военных училищах, так особенно в Академии, выработали из молодого армейского офицера будущего военачальника. Он учился сам, готовясь к каждой лекции, много для этого читал, пользуясь не только военной библиотекой, но много и интересной военной новейшей литературой, ибо кто хочет совершенствоваться в военном искусстве, тот должен постоянно следить за развитием армий и военной мысли своей и своих соседей. Весной 1894 г. капи-

тан Алексеев назначен младшим делопроизводителем Военно-Ученого Комитета, ведавшего тогда боевой подготовкой армии, научным исследованием недочетов как своих, так и чужих армий.

5 апреля 1898 г. Алексеев произведен в полковники за отличие по службе. 25 января 1899 года назначен старшим делопроизводителем того же Военно-Ученого Комитета, а лагерный сбор отбывал в лейб-гвардии Гренадерском полку, командуя батальоном. В 1900-м году Военно-Ученый Комитет расформирован; была вновь сформирована при Главном Штабе Генерал Квартирмейстерская часть и полк. Алексеев Высочайшим приказом был назначен начальником оперативного отдела этой части.

Став начальником этого отделения, являющегося „мозгом армии”, полковник Алексеев работал не просто по боевой подготовке войск, а над тем, главным образом, как привести эти войска к победе. В 1900-м году он был пожалован орденом Св. Владимира 4 степени с бантом „За 25-летнюю в офицерских чинах беспорочную службу”. Продолжая лекции в Академии с февраля 1901 г. уже как ординарный профессор, полк. Алексеев был избран в Комиссию по вооружению крепостей. Лето обычно проводит в съемках со слушателями Академии и подготовке к осенним маневрам, а осенью — малые и большие маневры.

26 января 1904-го года началась война с Японией. Полк. Алексеев подал рапорт о назначении его в Действующую Армию, но просьба его не была уважена. 28 марта 1904-го года произведен в генерал-майоры. 6-го июня 1904 г., за десятилетнюю профессорскую деятельность, утвержден в звании заслуженного ординарного профессора. 30-го октября 1904-го года, Высочайшим приказом Алексеев назначен генерал-квартирмейстером 3-ей Маньчжурской Армии. Командующим этой армии был назначен ген. барон Каульбарс, а нач. штаба ген. Мартсон, который прибыл значительно позднее с другими чинами штаба. Его заменял ген. Алексеев, который писал: „испытываю всю неприятность тянуть на себе то, что должно было лечь на плечи многих”. Ген. Алексеев прибыл в Маньчжурию в начале декабря 1904 г. На фронте затишье, боев нет. Идет штабная работа и объезд позиций. В Сочельник 1904 г., когда ген. Алексеев вернулся в штаб армии после осмотра позиций, было получено известие о падении Порт-Артура. На бесконечных совещаниях у Главнокомандующего ген.-майор Алексеев знакомится с генералом Куропаткиным, как вождем русской армии, высказывавшим на этих

совещаниях свои пожелания, „не установившиеся, без широты и мысли, в которых за мелочами исчезала та общая идея, которая должна проникать всюду”. Эти совещания не внушают ему веры в руководителей: — „размениваемся на мелкую монету, задаемся крошечными целями”.

В бою под Сандепу 3-ья армия не участвовала, но о ней ген.-майор Алексеев отзывался так: „Раз нет настойчивости, решительности у главного руководителя нам впереди предстоят одни неудачи без утех крупных побед”. После боев под Сандепу ген. барон Каульбарс принял 2-ую армию, куда предлагал перейти и ген. Мартсону и ген. Алексееву, но оба они остались в 3-ей армии, которой временно командовал ген. Бимдерман. Ген.-м. Алексеев считал, что японцы — „противник (который) не превосходит нас ни качеством ни силами”.

На 12 февраля 1905 г. было назначено наступление 2-ой армии, а 11 февраля японцы атаковали 1-ую армию, расположенную в горах. Ген. Куропаткин немедленно отменил наступление 2-ой армии и резервы и часть войск 2-ой армии „как угорелые овцы шарахнулись сегодня к левому флангу”. 15 февраля началось наступление японцев на реке Ляохэ. Ген. Алексеев высказывает генералу Б. свои мысли, что необходимо дать бой для отражения наступления японцев, для победы. Написанная по приказу генерала Б. докладная заметка, отправлена Главнокомандующему. „Но разве она изменит положение дел, когда в душе у этого человека (ген. Куропаткина) нет веры в войска, нет той храбрости, которая нужна полководцу. В его глазах есть только один маневр — убежать”, — писал Алексеев из Мукдена.

Все армейское снабжение не эвакуировано, а 19 февраля 1905 г. главнокомандующий приказал отходить, склады жгли, 24-го февраля отход на Телину, войска перемешались с обозами, 25-го февраля русская армия пережила день бедствия и позора, имея право рассчитывать на победу. После поражения под Мукденом, ген. Куропаткин отставлен и главнокомандующим назначен ген. Линевич. После Мукдена бесконечные поиски подходящей для армии позиции. Ген. Алексеев в бесконечных рекогносцировках по трещинам Маньчжурии. Армия в это время пополняется, отдыхает, восстанавливает дух, боеспособность, но офицеров мало и они слабы. Ген. Линевича ген. Алексеев определяет так: „милый, любезный человек, но как воин — это батальонный, в лучшем случае, полковой командир, чуждый всяких знаний и сведений, необходимых для старшего начальника”.

Приходили сведения о революционных беспорядках в России: все русские люди будто сговорились топтать

свою отчизну в тяжелую для нее минуту”, писал Алексеев.

Ген. Алексеев считает, что к лету 1905 г. армия вполне оправилась и способна к наступлению и победе, но у нее нет полководца и ген. Линевиц не рискует начать наступление, хотя для всех ясно, что противник истощен. Алексеев в это время был награжден золотым орденом.

О революции 1905 г. он высказался так: „У нас берут верх элементы, для которых целью действия является выставление идей национализма. При таком направлении государственных сил — армия является бельмом и расшатать и развратить — заветная мечта всего ползущего и тянущегося к власти, к руководству”.

После японской войны ген.-майор Алексеев был назначен во впервые в России созданное Главное Управление Генерального штаба, начальником которого был назначен ген. Ф.Ф.Палицын — в военном деле он был высокообразованным человеком. Одной из главных его забот было поднятие культурного уровня командного состава армии, в частности, офицеров Генерального Штаба. Он постоянно объезжал военные округа, особенно пограничные с Германией и Австро-Венгрией, и производил там военные игры, полевые поездки под личным своим руководством, а также маневры и разбор их. Ген.-майор Алексеев по возвращении из Маньчжурии был назначен 1-ым Оберквартирмейстером Главного Управления Генерального Штаба и стал непосредственным и ближайшим сотрудником ген. Палицына, сопровождал его во всех поездках или был командирован ген. Палицыным для самостоятельных работ. Первое Оберквартирмейстерство имело задачей разработку плана войны и стратегическую подготовку к будущим возможным столкновениям, которые уже тогда намечались на Западе. Ген.-майор Алексеев продолжал лекции в Академии Ген. Штаба, участвовал в лагерном сборе 1907 года, командовал 1-ой бригадой 22 пехотной дивизии. 30-го августа 1908 г. был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником штаба Киевского военного округа. Командующим войсками был генерал В.А. Сухомлинов, назначенный в декабре 1908 г. начальником Ген. Штаба, а его заменил ген. ад. Н.У. Иванов. Здесь продолжалась та же работа, что в 1-м Оберквартирмейстерстве. Работа была сосредоточена гл. образом на Австро-Венгрии, а также шла подготовка войск и командного состава. Эта должность поставила Ген.-лейт. Алексеева очень близко к офицерству и его нуждам. Работу штаба Киевского Военного Округа ген.-лейт. Алексеев определил словами:

„Ничего идейного давно, по-видимому, не затрагивалось. Не давалось никаких руководящих указаний войскам для ведения занятий и боевой подготовки ни зимнего, ни летнего периода. Никого не интересует, что же представляет из себя Австрийская армия, какими военными идеями она живет! Как обучена, какие у нее начальники. Я не говорю о своих собственных соображениях”. Чтобы все это разбудить, заинтересовать, вдохнуть „душу живую” в свои войска — составляет главную работу и заботу ген.-лейт. Алексеева. Главная же обязанность и работа начальника штаба, как непосредственного помощника командующего войсками — боевая подготовка войск и подготовка к мобилизации. Часто производили пробные мобилизации по местам. В 1909 году ген.Сухомлинов был назначен военным министром. Генерал Палицын был смещен с должности начальника Главного Управления Генерального штаба и его заменял постепенно ряд других генералов. Много менялось, упразднились крепости, а с ними уничтожился наш передовой театр, менялся глубоко продуманный план войны, составленный генералом Обручевым. Ген.-лейт. Алексеев не мог согласиться с этими новшествами, считая их губительными для России. В феврале 1912 г. в Москве состоялось совещание начальников штабов военных округов. Ген.-лейт. Алексеев подал докладную записку об изменении плана войны, сводившегося в общих чертах к прежним идеям, положенным ген. Обручевым. Проект ген.-лейт. Алексеева был принят и вошел в мобилизационный план. В августе 1912 г. ген.-лейт. Алексеев был назначен командиром 13-го армейского корпуса. Будучи командиром, всегда посещал войсковые части, беседовал с офицерами, составлял планы корпусных и дивизионных маневров и постоянно следил за армией противника и готовил себя к разработке планов военных действий против Австро-Венгрии, что было поручено ему после Московского совещания. (К сказанному выше могу добавить, со своей стороны, как воспоминание, что в 1912 г., в год окончания мною Тверской классической гимназии, наш учитель по русской литературе Андреев, на одном из уроков в нашем классе высказался т.о.:

„Много в нашем гимназическом актовом зале на стенах развешено досок, на коих золотыми буквами на черном фоне отмечены фамилии учащихся, окончивших с золотой медалью нашу гимназию. Но я не знаю из них ни одного выдающегося человека, впоследствии проявившего себя блестящей деятельностью в сфере гражданской или военной службы или в области культуры и вообще так обстоит дело с тверяками. Впрочем есть одно исключение, — внезапно добавил он, — это наш

земляк — генерал Алексеев, бывший ученик военной гимназии, ныне блестящий начальник штаба Киевского Военного округа”.

Он уже и в те годы стал весьма популярен в широких кругах русской общественности. — Прим. В.Р.).

20 июня 1914 года началась великая война; по мобилизации ген.-лейт. Алексеев был назначен начальником штаба Юго-Западного фронта, опять-таки к ген. ад. Иванову. Этот фронт был им глубоко и всесторонне изучен и ген.-лейт. Алексеев стал фактически руководителем операций Юго-Западного фронта. План Галицийской битвы был составлен им и, в связи с менявшейся обстановкой на фронте, изменен уже во время действия, о чем свидетельствует ген. Головин. (Головин считал Алексеева „крупным стратегическим талантом, способным интуитивно поступать в реальной обстановке“).

За Галицийскую битву ген.-лейт. Алексеев был произведен в генералы от инфантерии, получил Георгиевский крест 4-ой степени. После взятия Перемышля 9 марта 1915 г. генерал от инфан. Алексеев был назначен главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта с подчинением ему трех-четвертей всех русских сил.

В апреле 1915 г. началось немецкое наступление на наш Сев.-западный фронт огромными силами, с огромным количеством тяжелой артиллерии. К этому времени обнаружился уже катастрофический недостаток вооружений. Русской армии пришлось отступить. К осени 1915 г. наступление немцев было остановлено.

15 августа Государь принял на себя верховное руководство всеми русскими армиями и начальником генерального штаба оставил около себя ген. Алексеева. Генерал Алексеев разрабатывает план наступления на лето 1916 г.

На совещании Государь утверждает план Алексеева. Главная задача Западного фронта — наступление на Берлин. Генерал Эверт, команд. Юго-Западным фронтом оттягивал наступление и наконец отказался. Ген. Алексеев разрабатывает план на весну 1917 года. В 1916-м году ген. Алексеев был пожалован Государем чином ген.-адъютанта. В ноябре 1916 г. ген. Алексеев тяжело заболел и уехал на лечение в Севастополь. Его заменил ген. Гурко. Вернулся Алексеев полубольным 19 февраля 1917 г. для подготовки к весенним наступлениям. О начале революции Правительство и Военное министерство извещало Ставку очень скудно, уверяя, что справится самостоятельно. Государь дал диктаторские полномочия Председателю Совета министров, но Правительство самовольно вышло в отставку. Тогда было дано распоряжение генералу Алексееву о посылке войск с фронта. Ген. Алексеев просит

Государя о назначении энергичного генерала. По совету свиты назначен престарелый ген.-ад. Иванов. Несмотря на колено-преклоненные мольбы ген. Алексева, Государь ночью 28-го февраля 1917 г. отбывает в Царское Село. Наступают 48 часов тревоги и неизвестности — где пребывает Государь. Оказывается Государь в Пскове. Ставка никакого контакта с революционным правительством не имеет. Все распоряжения идут из Пскова, откуда и были посланы телеграммы главнокомандующим. Генерал Алексеев все это время болел с температурой 40 град. и болями в почках.

После отречения Государя за себя и за сына, в Ставке воцарилось общее уныние.

Ген. Алексеев становится Верховным главнокомандующим. Он ведет энергичную борьбу с приказом № 1 и с разложением армии. Но события сменяются с калейдоскопической скоростью: — создание — по идее полк. Пронина и Лебедева — Офицерского союза, увольнение с должности верховного, борьба за армию, московское совещание, Корниловское выступление, восьмидневное возвращение на пост нач. штаба Верховного при Керенском, ради спасения ген. Корнилова; работа в Предпарламенте; кандидатура ген. Алексева от разных учреждений в учредительное собрание; большевистский переворот; отъезд на Дон и формирование 2-го ноября 1917 года Добровольческой Армии; первый поход; полный надрыв сил; возвращение; второй поход; Екатеринодар; совещание ... Воспаление легких! Конец!”.

(Составила Вера Михайловна Борель,
дочь генерала Алексева.).

Использованная литература и материал (к 1-му очерку по Истории Гражданской войны) :

- 1) А.А. Лампе Генштаба ген. майор
„Пути верных” сборник статей.
- 2) Письмо г-жи Алексеевой—Борель.
- 3) „Марковцы в боях и походах за Россию том 1-й”
полк. В.Е. Павлов.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ – 1918-ый ГОД

Мы не будем здесь подробно останавливаться на процессе формирования Добровольческой армии. О начале формирования (офицерского батальона, юнкерского батальона, студенческого батальона) было упомянуто в предыдущем (в 1-м очерке). Перейдем к командованию и началу боевых действий Добровольческой Армии.

Генералу Корнилову принадлежала власть военная. По первому впечатлению от ген. Корнилова, он походил на рабочего, будучи одетым в штатское платье. Обычно, он, поздоровавшись, собирал вокруг себя офицеров и тогда начинал говорить с ними о формировании армии, о необходимости борьбы с большевиками. „В моей армии место всем от правых до левых. Здесь нет места только большевикам”, говорил он, формулируя т.о. политическую платформу Белой Армии. Его простые призывы, его искренность в голосе, больше действовали на слушателя, чем эффективные приемы записных ораторов. Чувствовалась всепокоряющая личная сила.

Легендарный герой, о котором большинство только слышало, в простой обстановке обыденными словами сумел вдохнуть в окружающих его офицеров свою жизненную волю к борьбе. Ген. Корнилов заставил слушателей предать забвению их политические взгляды и суждения ради единственного всеобъемлющего – „За Россию!”.

К этой характеристике героя считаем необходимым добавить краткие биографические данные:

Лавр Георгиевич Корнилов родился в 1870-м году в Усть-Каменогорске (ныне центр Восточно-Казахстанской области) в семье сибирского казака. Еще в детстве Лавр Корнилов обнаружил исключительное упорство и настойчивость в достижении своих целей. Он самостоятельно готовился в кадетский корпус, куда поступил 13 лет от роду, закончил же военное учение и образование Академией Генерального Штаба в 1895 году. Корнилов избрал службу в Варшавском округе, в непосредственной близости с войсками, в предполагаемом театре военных действий в случае войны. Затем он меняет места службы и всюду активно участвует в предприятиях, опасных даже в мирное время. В Русско-Японскую войну

Корнилов отличается в боях под Мукденем. После этой войны Корнилов — в Главном Управлении Ген. Штаба. В первую мировую войну Корнилов прославляет русское оружие во главе создавшей себе славу 48-ой пехотной дивизии. В апреле 1915 г. Корнилов попадает в плен в окружении у перевала Дуклы на венгерской границе. В июне Корнилов бежит (вторично), на этот раз удачно, и, после долгих скитаний по неприятельской территории и Румынии, возвращается в Россию и получает в командование 25-ый Армейский корпус. В мартовские дни (Февральской революции 1917 г.) Корнилов назначается главнокомандующим войсками Петроградского округа, затем командующим 8-ой армией, командующим армиями Юго-Западного фронта и, наконец, 16 августа 1917 г. — Верховным Главнокомандующим, а после столкновения с Керенским, после так называемого „корниловского мятежа“, после его падения и заключения в крепость в Быхове, — происходит его побег оттуда и проезд на Дон.

ФОРМИРОВАНИЕ И СНАБЖЕНИЕ АРМИИ

Скажем все же несколько слов о снабжении армии оружием, об ее формировании, о темпах, ибо от них зависел главным образом успех всего дела, как это будет показано далее.

Хозяин Донской области атаман Каледин всячески стремился, но безуспешно, убедить комитеты выдать добровольцам оружие, т.к. не хватало винтовок, ни патронов к ним. И вот добровольцы, организованные в отряды человек по 20—35 вынуждены были отбивать у красных орудия и снаряды. Так, например, в селе Лежанка Ставропольской губ. они глубокой ночью отбили 2 орудия и 4 зарядных ящика. В Таганроге же эшелон в 40 офицеров разоружил гарнизон города и два запасных полка; вернее — „герои революции“ разбежались при появлении этого маленького отряда в Таганроге. Были забраны пулеметы, бомбометы, винтовки и большое количество патронов.

ФОРМИРОВАНИЕ В г. РОСТОВЕ

Многочисленное офицерство г. Ростова и Нахичевани, не пришло к серьезному пониманию положения и к выводам отсюда. И если простолюдины говорили: „Мы—рязанские, до нас враг (немцы) не дойдет“, то многие офицеры в городе Ростова в 1918 г. говорили, что они еще согласны вступить

в отряд для несения службы по охране города, но вступать в Добровольческую армию общегосударственного значения они в массе своей не желали: за две недели в г. Ростове записалось лишь 300 человек, между тем как улицы и кафе города были полны людьми в форме и количество этих людей в десятки раз превышало цифру в 300 человек. Большинство оказалось „нейтралистами”, которых впоследствии большевики или мобилизовали или заключали в тюрьму и расстреливали. Эти „нейтраллисты” говорили, что только — учащиеся „зеленая молодежь” идет в ряды белых.

НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Красные отряды еще в декабре 1917 года стали наступать к югу от Воронежа и в Донецком бассейне. Защищались донцы партизанскими отрядами Чернецова, Грекова и др.

Есаул Чернецов с 2 сотнями защищал Новочеркасск с севера Донской области, отбиваясь от наступающих от Воронежа красных. Ген. Корнилов выделил ему в помощь 4-ую офицерскую роту под командой подполковника Морозова в количестве 50 человек, взвод батареи с пулеметом и орудие. После ряда боев с переменным успехом отряд Чернецова, юнкера и артиллерия попали в безнадежное положение; четверть состава выбыла из строя, ранен был и сам Чернецов. И вот войсковой старшина Голубев, командовавший полком, заверяет Чернецова честным словом офицера, что пропустит его после сдачи оружия в станицу Каменскую; но Голубев не сдержал своего слова, пленные были направлены под конвоем, под командованием подхорунжего Подтелкова, на станцию Глубокая. По дороге Подтелков зарубил Чернецова. Была ночь, часть пленных спаслась, остальные были зарублены, — в том числе партизаны и 16 юнкеров и офицеров. Так закончилось первое боевое выступление героических офицеров и юнкеров совместно с партизанами отряда Чернецова. 4-ая рота добровольцев 3 недели сражалась, выдержала 16 боев и из 50 бойцов остались 30, несмотря на пополнения. Командир роты подполковник Морозов снискал себе славу, любовь и доверие подчиненных добровольцев, позднее ставших „марковцами”. Также отличился в боях 1-ый офицерский батальон (150 человек) с 10—12 офицерами. Он бился на ст. Гуково с красными, силы которых достигали 2000 бойцов. В результате боя красные бежали. Потери добровольцев составили 7 убитых, 20 раненых, а потери красных достигали 500 убитыми. Это произошло 21 января 1918 года.

СМЕРТЬ АТАМАНА КАЛЕДИНА И ВОПРОС ОБ ЭВАКУАЦИИ г.РОСТОВА

К началу 1918 года стало невозможным продолжать формирование армии на Дону, т.к. успешно наступавшие части большевиков подошли вплотную к Донской области. Поэтому генерал Корнилов решил покинуть в феврале м-це Донскую область и идти на Кубань, где в г.Екатеринодаре, столице Кубанской области возникла новая антибольшевистская военная сила.

Ген. Каледин не мог оставить своего поста выборного атамана Донской области. Он дал согласие на уход Добровольческой армии и 29 января 1918 года покончил свою жизнь выстрелом в голову.

Дело обстояло т.о.:

Ген. Каледин на совещании правительства осветил обстановку, свою вынужденную беспомощность и закончил речь так: „Положение наше безнадежно. Население к нам враждебно. Сил у нас нет (т.к. Добрармия перешла уже в Ростов, а свои части были крайне не надежны) и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я слагаю”. Разговоры все же продолжались. Атаман перебивает: „Господа! Короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!” Тщетно. Атаман Каледин ушел с заседания и застрелился.

Его смерть тяжело переживалась добровольцами, ибо он был первым добровольцем на Дону. Его имя стояло наряду с именами генерала Алексеева и ген. Корнилова. Вновь избранный атаман Назаров кликнул клич: „Все на борьбу!”

В Новочеркасск потекли тысячи добровольцев, но увидев в городе моральное разложение, полную дезорганизацию, они стали расходиться. Но после смерти атамана Каледина ген. Корнилов все же не оставил Ростов без согласия атамана Дона. Наконец, 7-го февраля 1918 г. Донской атаман Назаров сообщил ген. Корнилову, что он более не задерживает Добрармию и было решено оставить г. Ростов в ночь с 9 на 10 февраля 1918 г. с переходом через Дон у станицы Аксайской.

ЭВАКУАЦИЯ г.РОСТОВА

Весь день 9 февраля 1918 года штаб ген. Корнилова находился в г. Ростове, а вечером перешел в Лазаретный город,

где сосредоточились силы армии из 3000 бойцов, в составе 3-х полков, это составляло менее, чем пехотный полк военного времени. В рядах этой армии шли рядом с солдатами, в качестве рядовых, украшенные высокими боевыми орденами, покрытые ранами полковники, а рядом — пятнадцатилетние кадеты-мальчики, скрывавшие свой возраст из страха, что их по молодости не примут в армию. Было мало оружия, винтовок, мало патронов и только 2 пушки, взятые у разложившихся частей гарнизона. За ними шли сестры милосердия — как девушки из лучших русских фамилий, так и простые крестьянки. Медицинского материала не хватало, как не хватало даже простых бинтов. За армией следовал обоз, который растягивался на десятки верст. Этот обоз сильно затруднял армию, особенно при пересечении жел. дорог, т.к. большевики располагали бронированными поездами, а потому такой переход армии, особенно с обозами, представлял трудную операцию. В обозах следовали те штатские люди, которые не могли остаться в ожидании прихода красных, ибо их ожидала мучительная смерть. Эвакуация Ростова вылилась в отступление перед наступающими красными силами. Армия добровольцев уходила, в сущности, в полную неизвестность, особенно в отношении направления, — точного пути не было. Впереди были трудности и лишения, зима в степях с морозами, оттепелями и непролазной черноземной грязью.

Покидая г. Ростов, ген. Алексеев оставил письмо: „Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия, но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы”.

Колонна шла на станицу Аксайскую. По выходе из Нахичевани порешили идти тяжким путем — дорогой со снежными заносами на пути. Ген. Корнилов пошел пешком, а за ним — генералы Деникин, Романовский и др. Тут же ехал в коляске ген. Алексеев — он был нездоров, ему было уже 60 лет, он вез всю кассу Добрармии, около 2 мил. рублей (при обесценении валюты против мирного времени, по крайней мере, в 10—20 раз). 10 февраля 1918 года армия в полном порядке по льду переправилась через Дон. Красные не преследовали армию. 10—11 февраля армия отдыхала в станице Ольгинской, где была произведена реорганизация армии: 1) Сводный офицерский полк под командой ген. Маркова, 2) Корниловский ударный полк, 3) Партизанский полк, 4) Особый юнкерский батальон, 5) Чехословацкий инженерный батальон, 6) Техническая рота, всего 3000 бойцов пехоты, 7) 2 дивизиона конницы, 400 сабель, 8) Артиллерийский дивизион — 8 орудий, 9) Конвой ген. Корнилова из текинцев,

10) Армейский и санитарный обозы. Общая численность армии (с придатком беженцев) едва достигала 4000 человек.

Следует отметить, что Добрармия не искала в своем движении в степи только спасения. Вынужденная оставить Дон, она не стремилась только где-то выжидать изменения обстановки к лучшему. Она соединилась впоследствии с Кубанским отрядом таких же патриотов, увеличилась после этого вдвойне, пыталась взять Екатеринодар, заставив всеми этими дерзновениями далеко по России разноситься слухам об ее борьбе и возбуждать у лучших русских людей патриотизм.

1-ый Кубанский поход продолжался 80 дней, Добрармия прошла свыше 1000 верст и провела 12 тяжелых сражений, не считая множества малых. После последней Донской станицы (Егорлыцкой) Добрармия переходит в Ставропольскую губ., а оттуда на Кубань. Пришедшей депутации от Ставропольцев ген. Корнилов сказал: „Если пропустите, будьте спокойны, а если встретите с боем, то за каждого убитого жестоко накажу”. И вот 21 февраля 1918 г. у Ставропольского села „Лежанка” был сильный бой, после боя было взято село. Красные бежали „как куры”. Пленных не брали. Пленных офицеров артиллерии судили, не оправдали, но простили и влили в части Добрармии, а на следующий день Добрармия перешла в Кубанскую область. В первой Кубанской станице Плоской казаки встретили добровольцев приветливо и радушно — в противоположность крестьянам села Лежанка. Крестьяне были не беднее казаков, но здесь имела значение иная психика населения, а вовсе не экономика. Казачки резали кур и не брали денег за угощение, а в другой станице (Незамаевской), где казаки говорили по-украински, население дало даже пополнение в пешую и конную сотни.

В своем романе „Конь рыжий” Роман Гуль образно дает ряд описаний из этого похода Добрармии по Кубани: „Наше продвижение по Кубани трудно, почти каждую станицу брали с бою. Из Екатеринодара большевики бросили на нас крупные силы во главе с гл. ком. войсками Сев. Кавказа, бывшим солдатом Сорокиным; передают будто бы ген. Алексеев полушутя сказал, что „после Людендорфа он боится больше всего Сорокина”. И далее там же: „Сорокин нам сильно сопротивляется, но все-таки мы тесним красных. Станицы Березанскую и Журавскую взяли с бою, на станцию Выселки ворвались на плечах большевиков”.

После сильных боев с неприятелем у станицы Кореновской 4 марта 1918 г. с противником превосходившим белых почти в 4 раза с бронепоездом и матросами, когда противник был побежден, но не разбит как при Лежанке и Выселках,

а отошел лишь на 4-5 верст, после пополнения рядов казаками, ген. Корнилов решил идти на соединение с Кубанским отрядом казаков патриотов, надеясь также, что перейдя через Кубань, армия выйдет из окружения превосходящих сил красных, сбережет силы и отдохнет.

После боев у станицы Усть-Лабинской 8 марта 1918 г. перешли через реку Лабу. Там, за Кубанью, жили хуторами крестьяне, казаки, черкесы. Жили сытно. Красные были отбиты от аулов. 13 марта в ауле Шенджий произошло соединение с отрядом казаков под начальством ген. Покровского, пришедшего из закубанской станицы Калужской. Добрармия удвоилась, общая численность армии достигла 6000 бойцов.

Далее следует так называемый Ледяной поход из аула Шенджий в станицу Ново-Дмитриевскую; приводим его описание: — Рассвет, низкие, серые быстро несущиеся облака, пронизывающий ветер, мелкий холодный дождь. Люди промокли, температура падала ниже и ниже. Шла уже не крупа, а мелкий сухой снег, а затем закрутил снежную пургу. Дороги не видно. Колонна идет в белую кружащую мглу ... Свирепствует норд-ост. В захваченной врасплох станице Ново-Дмитриевской полузамерзшие воины стали расходиться по домам погреться. Генерал Деникин вспоминал: „Этот бой — слава Марковцев и слава офицерского полка, гордость Добрармии”. Одна мед. сестра сказала про этот поход: „Это был настоящий ледяной поход” и это словечко осталось определением для всего 1-го Кубанского похода. (см. „Марковцы в боях и походах за Россию”, т. 1).

АТАКА ЕКАТЕРИНОДАРА

Переправившись опять через Кубань, Добрармия атаковала город Екатеринодар с северной стороны. Атаки происходили 28, 29, 30, 31 марта 1918 г., причем белые врывались со стороны вокзала Черноморской жел. дороги в город и доходили во главе с ген. Казановичем вплоть до Сенного базара. Потери Добрармия несла большие. О тяжести положения Белой Армии свидетельствуют слова, сказанные в разговоре ген. Корнилова с ген. Казановичем: „Конечно, мы можем при этом погибнуть, но лучше, по-моему, погибнуть с честью. Отступление теперь равносильно гибели. Без снарядов и патронов это будет медленная агония”.

31 марта рассветало. Картина ночного боя ужасна (атаковали красные). Красные ведут ружейный и артиллерийский обстрел. Роковая музыка для Добрармии.

„Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии в 7:30, 31-го сего марта убит генерал Корнилов. Пал смертью храбрый человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора”, — так гласило краткое донесение.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью и энергией, верой в успех дела отдал он все на служение Родине. Приводим более подробное описание гибели ген. Корнилова: „Его штаб стоял в небольшой хате у рощи, на высоком берегу вытянувшейся далекой лукой Кубани. Уж давно красные вели пристрелку по этому белому трехконному домику и адъютанты уговаривали генерала бросить, но занятый безнадежным роковым штурмом, он уже не обращал внимания на уговоры и на гранаты, изрывающие рощи.

Последняя граната, пробив стену, попала под стол, за которым сидел ген. Корнилов. Его подбросило кверху, ударило об печь: ему раздробило висок и переломило бедро. Из дымящейся хаты адъютанты вынесли генерала на воздух, Корнилов умирал”. (Роман Гуль „Конь рыжий”).

1-го апреля 1918 г. в полночь армия пошла быстрым маршем в ночной темноте. Впереди — офицерский полк, в арьергарде — Корниловский. Другая часть армии потянулась из станицы Елизаветинской. Главная задача была выйти из окружения. Ген. Деникин решил, что следует избегнуть прижатия армии к морям и плавням, а следует пробиться в восточном направлении в Ставропольские степи и далее — на Кавказские горы. Пошли на станицу Медведовскую.

В степях в эту темную ночь (3-4 апреля 1918 г.) у железнодорожной станции Медведовской решалась судьба. Здесь генерал Деникин наметил попытку вырваться из красного кольца;” и здесь же, в сети железных дорог, Сорокин хотел нас нагнать, чтобы добить, уничтожить. Эта черная ночь решала все: прорвемся — затеряемся в степях, не прорвемся — смерть!” повествует Роман Гуль. И захватив снаряды, оставленные красными в вагонах, среди горящих вагонов с патронами — под команду — обоз рысью вперед!

„Мы уже у жел. дороги, вырываемся из кольца, здесь залегли наши цепи, отстреливаются на обе стороны и вправо и влево; захваченными у красных снарядами наши орудия бьют по красным прямой наводкой; и в открытые „вороты” из кольца, из паники, из смерти летит прорывающийся обоз.

Падают убитые, раненые, лошади, люди, на путях кричат, бегут, машут винтовками ... на мертвых не обращают внимания, под дождем пуль, с гиком, криками, лазарет уже переле-

тает железную дорогу и дальше скачет карьером по степи. Прорвались ... живы ... ушли ...” (Роман Гуль). Таков был решающий бой у станицы Медведовской — за переход через линию железной дороги на простор степей.

Далее, чтобы оторваться от противника, ехали на подводах с 5 по 9 апреля переменным аллюром, 2 раза переезжали жел. дорогу. Вечером 9 апреля прибыли в станицу Ильинскую, проехав за 4 суток 150 верст и наконец, была объявлена ночевка, а 12-го апреля были уже в станице Успенской, это было уже как прогулка. 15-го апреля с Дона для связи прибыли казаки, а затем через Ставрополье воссоединилась Добрармия с донцами южных станиц Донской области, которые вошли в подчинение ген. Деникину. Теперь есть тыл. Наступление красных стало выдыхаться. На Пасху 21, 22, 23 апреля в Донской области, в местности при движении к Батайску, предместью Ростова, был отдых и праздник; и наконец, 30 апреля 1918 г. можно назвать датой окончания Корниловского Ледяного Кубанского Похода Добрармии. Занялись пополнениями рядов армии и вопросом размежевания от немцев, оккупировавших в то время Украину, Крым и соседние с Доном области.

Этот факт с одной стороны, помогал, конечно, Добрармии в спокойном состоянии пополнять свои ряды а с другой стороны, создавалось своеобразное положение: ген. Краснов, выбранный атаманом Войска Донского, стал союзником немецких оккупантов, и в тоже время он просил ген. Деникина выступить на помощь против наступающих красных в Царицынском направлении. Добрармия, в свою очередь, продолжала считать себя союзником Антанты и продолжательницей политики национальной России и секретный наказ Добрармии посланцам-вербовщикам гласил: „Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственное приемлемое положение — уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых”.

ВТОРОЙ ПОХОД НА КУБАНЬ

Было решено, прежде всего, обеспечить тыл на Кубани от большевиков; Добрармия ведь в это время состояла наполовину из казаков. Кроме того, была и другая цель: создать на Кавказе хорошую конницу, — ее роль в гражданской войне была огромна.

Теперь в Добрармии, после пополнений и реформирований, было 5 полков, инженерные роты, пластунские батальоны (казаки-пехотинцы) и не менее 6 конных полков; а всего — не более 10.000 штыков и сабель. Силы противника превышали эту цифру во много раз. Зато преимущества Добрармии состояли в качестве командного состава, в его инициативе и в настроении добровольцев, в вере в себя и вождей.

Следует упомянуть еще, что Белая Армия была пополнена отрядом полк. Дроздовского, который сформировал его в Румынии из офицеров и солдат бывшего Румынского фронта. Он привел отряд из Ясс в Ростов в Пасхальную ночь. И произошло „чудо“: — (см. А.Н.Толстой „Хождение по мукам“) „... Красные казаки новочеркасского гарнизона и подоспевшие из Ростова большевики стали одолевать донцов. Но дело решил фантастический случай. Из Румынии пешком шел добровольческий отряд полковника Дроздовского. 22-го апреля он неожиданно ворвался в Ростов, держал его до вечера и был выбит. Дроздовцы шли в степи — искать корниловскую армию. В пути 25-го апреля, услышали под Новочеркасском шум битвы. Не спрашивая, кто, почему и зачем дерется — повернули к городу, врезались с броневиком в резервы красных и произвели отчаянный переполох. Увидя с неба свалившуюся помощь, донцы перешли в контратаку, опрокинули и прогнали красных. Новочеркасск был занят. Власть от ревкома перешла к Кругу Спасения Дона.

2-ой Кубанский поход начался 9 июня 1918 года. В самом начале похода, 12 июня, в бою у станицы Шаблиевской был смертельно ранен и скоро скончался ген. Марков. Было осколочное ранение в левую часть затылка и вырвана часть левого плеча. Снаряд попал с бронепоезда в то время, когда ген. Марков наблюдал за сражением в месте сильного обстрела с бронепоезда.

Ген. Сергей Леонидович Марков в штабе 10 армии был отличен высшими боевыми наградами. В 1915 г., в составе Железной дивизии, участвовал в наступлении в Галиции и блестящими атаками разбил противника (австро-венгров) 16 и 17 сентября, причем частью уничтожил, частью взял в плен. Позднее участвовал в прорыве (20 октября) и имел другие заслуги ...

Из Донской области Добрармия перешла в Ставропольскую губ. с направлением на узловую станцию Тихорецкая, по взятии которой Добрармии достались 3 бронепоезда, составы со снарядами и патронами, десятки орудий. Наступление против армии Сорокина пошло в 3-х направлениях, а именно:

в западном — на Екатеринодар, на юг — на станцию Кавказскую (узловую) и на север в тыл Сорокину. 8 июля 1918 г. Ставрополь был взят большим партизанским отрядом ген. Шкуро, влившимся затем в состав Добрармии; фронт растянулся на 250 верст и Добрармия увеличилась до 20.000 бойцов, но всюду уступала в численности противнику.

После сильных боев с превосходящими силами красных, в ночь с 2 на 3 августа был взят Екатеринодар. Толпы народа приветствовали входившие войска. Неописуема была радость населения и добровольцев. Поход на Екатеринодар велся под командой ген. Кутепова и ген. Казановича.

Затем было освобождено от большевиков Черноморское побережье.

13 августа 1918 г. отряд полк. Колосовского вступил в Новороссийск. Отступила Красная Таманская армия из частей красных партизан и матросов всего до 10.000 чел. (Подробности см. в „Железном потоке” Серафимовича).

Между тем в Екатеринодаре было народное ликование; добровольцев (марковцев и др.) обильно угощали, дарили белье, гимнастерки, бриджи, обувь, мыли, гладили и пр., т.к. добровольцы сильно обносились и покрылись потом и грязью в походах. Роты марковцев возвращались в город с песнями, как бравурными, так и полными скорби:

„Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал,
И каждому, кто Руси сын,
На бой кровавый путь один.

Молись о нас Святая Русь,
Не надо слез, не надо.
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада”.

Но грусть и скорбь всегда идут вслед за радостями. Скоро узнали все, что в Екатеринбурге 17 июня был расстрелян Государь, царица и вся царская семья. Это злодеяние произвело на всех ошеломляющее впечатление, а 25 сентября 1918 г. другое несчастье — скончался после болезни

(воспаления легких) 60-ти лет от роду ген. М.В.Алексеев и к генералу Деникину перешло бремя власти. (Краткая биография его будет изложена в следующем очерке, основанном на его труде „Путь русского офицера“).

АРМАВИРСКИЕ И СТАВРОПОЛЬСКИЕ БОИ

Сильные бои велись за город Армавир (узловая станция главный город Армавирского отдела Кубанской области). Силы красных — Сорокина и Таманской красной армии — достигли здесь 50.000 человек при 65 орудиях. Против них предполагалось двинуть 2-ую пехотную дивизию, затем дивизию генерала Шкуро, 3-ю пехотную дивизию и, наконец, из города Майкопа Кубанскую дивизию генерала Покровского. Но 2-ую пехотную дивизию пришлось отправить в город Ставрополь, где находилась другая красная армия в 40.000 бойцов при 60 орудиях. Поэтому в Армавир был двинут резервный офицерский генерала Маркова полк в составе 2-х батальонов. После 2-х месяцев упорных боев, 25 октября 1918 года Армавир был очищен от красных. Эти бои были жестокими и велись с крайне упорным противником. Было очевидно, что большевики могут хорошо организовать свою армию, ввести суровую дисциплину, поднять ее дух, хорошо руководить боевыми действиями и принимать быстрые инициативные решения. Поэтому и Добрармии следовало довести все до крайнего совершенства в практике военного дела.

Город Ставрополь был занят в первых числах ноября 1918 г. Там отличились части конного дивизиона ген. Врангеля и марковцы. Исключительно тяжелым был зимний поход в Ставропольскую губ. — с ноября 1918 г. по 7 янв. 1919 г. Белых было 6000 против 30.000 красных.

Сражался корпус генерала Врангеля и дивизия ген. Покровского. Из 2000 марковцев в начале похода к концу похода осталось 800 бойцов. 150-тысячная Сев. Кавказская красная армия (9-ая) отступала по всему фронту от Кавказских гор до реки Маныч и через несколько месяцев остались лишь жалкие отряды, искавшие спасения в бегстве. Исключительную заслугу в одержанной победе ген. Деникин приписывал ген. Врангелю, которого 10 января 1919 г. назначил командующим Добрармии. Т.о. маленький светоч, зажженный ген. Алексеевым год назад, разгорелся в огромный факел, не только светивший на всю Россию, но и грозивший испепелить ее

врагов. Была освобождена от врага большая территория, создан обеспеченный тыл, открыто окно в Европу и установлена связь с союзниками. Белая идея была выражена в следующих строках песни или стиха:

„Так с песнями смерти навстречу,
Мы шли и в сраженьях мечтали о том,
Когда мы в свободной Москве созовем
Великое Русское вече.

Вперед же, братья, на врага,
Вперед полки лихие!
Господь за нас! Мы победим!
Да здравствует Россия!”(см. „Марковцы в боях за
за Россию”. Том 1).

Использованная литература и материалы:

1. Марковцы в боях и походах за Россию. т.1 подп.В.Е.Павлов
2. Пути верных. Образование белых фронтов. А.А.Лампе
3. Очерки Русской смуты. ген. Деникин
4. Пути российской революционности. Б.Т. Кирюшин
5. Конь рыжий. роман Романа Гуля
6. Хождение по мукам. роман А.Н. Толстого

ЮЖНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ
1919-й ГОД

После того, как весь Северный Кавказ был очищен от большевиков, был сделан поворот на Север в направлении Москвы. Теперь Добармия уже называлась — "Вооруженные силы на Юге России" и находилась под командой генерала Антона Ивановича Деникина.

Приведем ниже краткие автобиографические данные, заимствованные из книги генерала Деникина "Путь русского офицера" и некоторые иные данные из его биографии.

А.И.Деникин родился 4 декабря 1872 года в Варшавской губернии близ города Влоцлавска в пригороде его, в деревне Шпеталь Дольный; отец его происходил из крестьян Саратовской губернии, который после 22 летней военной службы в царствование императора Николая I уже в звании фельдфебеля был допущен к экзамену, был произведен в прапорщики и служил далее офицером Пограничной Стражи в Польше, а выйдя в отставку, он женился на польке Вржесинской, матери А.И.Деникина. Отец его по выходе в отставку получил маленькую пенсию (36 руб.), а после смерти его пенсия еще была уменьшена до 20 руб. в месяц, так что семья долгое время жила в нужде и 15-летний Антон Деникин должен был стать репетитором и помогать матери; никакого досуга для себя не было. По окончании реального училища и Военного училища А.И.Деникин, произведенный в офицеры, поступает во 2-ю Артиллерийскую бригаду, квартировавшую в Седлецкой губернии (в Польше). Затем осенью 1895 г. он поступает в Академию Генерального Штаба и по окончании ее, после ряда "зажимов" со стороны придирчивого и несправедливого начальника Академии генерала Сухотина, личного друга военного министра генерала Куропаткина, А.И. Деникин все же добивается причисления к Генеральному Штабу. Во время Русско-Японской войны Деникин уже в чине капитана был назначен на должность начальника генштаба 3-ей Заамурской бригады, затем — начальника штаба Забайкальской Казачьей дивизии и, наконец, начальника штаба дивизии генерала Мищенко. За "отличие в делах против японцев" был произведен в полковники 25 июня 1905 г. Далее, в 1910 году, Деникин был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка в г. Житомире Киевского Военного округа и пробыл на этом посту 4 года. 23 марта 1914 года Деникин был назначен исполняющим должность генерала для поручений при коман-

дующем войсками Киевского округа, а 21 июня, "за отличия по службе" был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности.

В 1-ю Мировую войну Деникин, назначенный генерал-квартирмейстером 8-й армии, погрузился в изучение и развертывание задач, стоящих перед 8-й армией. Командующим 8-й армией был генерал Брусилов, а командующим всем Юго-Западным фронтом был генерал Н.И. Иванов, у которого начальником штаба был М.В.Алексеев, большой авторитет в стратегии и главный участник разработки плана войны на Австрийском фронте. 26-28 августа 1914 года армии генерала Рузского и генерала Брусилова нанесли австрийцам жестокое поражение, а в сентябре, по личной просьбе, Деникин был назначен командующим 4-й Стрелковой бригады, названной "Железной", прославленной еще в Русско-Турецкую войну 1877-1878 годах, совершившей под командой генерала Гурко переход через Шипкинский перевал.

В течение 2 лет судьба связала генерала Деникина с Железной бригадой на полях кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись великой войны. Железная бригада была ударной частью (из 3-х полков), бросаемых из резерва на выручку в самое пекло боя, и названная поэтому "пожарной командой" 8-й армии. Рядом стояла 48-я пехотная дивизия, которой командовал генерал Корнилов. За доблесть Железной бригады генерал Деникин был награжден Георгиевским оружием.

Впоследствии, наряду со сближением с генералами Алексеевым и Корниловым, генерал Деникин сблизился также на кровавых полях сражений (уже в 1915 году) с начальником своего штаба полковником Марковым; чувство, соединившее генерала Деникина с ним в сражениях в Галиции и на Карпатах, впоследствии связало их судьбы — до самой смерти полковника Маркова.

Не будем здесь перечислять все высокие боевые награды, которыми был отмечен генерал Деникин в Великую войну, скажем лишь в заключение, что закончил генерал Деникин 1-ю Мировую войну Главнокомандующим Юго-Западного фронта, а когда разразилась революция, генерал Деникин открыто говорил о гибельности пути, по которому новые правители повели столь горячо любимую им Родину.

16 июня 1917 года он мужественно и прямо говорил в Ставке на совещании главнокомандующих и министров: "Есть Родина, есть море пролитой крови, есть слава былых побед. Но вы втоптали в грязь наши знамена. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними! Если у Вас есть совесть..."

В дни смуты, не колеблясь связал свою судьбу с генералом Корниловым, прошел через глумление черни в Берди-

че, попал в Быховскую тюрьму, а о дальнейших событиях в его судьбе мы уже писали.

—X—X—X—

Описание похода 1919 года начнем с того факта, что создается общий фронт донцов и Добрармии с общим командованием, и еще в конце декабря 1918 года между генералом Деникиным и генералом Красновым состоялось соглашение о сосредоточении руководства общим фронтом в руках генерала Деникина. Тогда же подчиненные ему войска и получили наименование "Вооруженных сил юга России".

Но объединение это не было полным. Генерал Краснов оставил свою армию в полном подчинении себе и назначенному им командующему. Кроме того, Донская армия должна была действовать главным образом в пределах Дона, что не могло не вызвать кризиса, который и разразился в 1919 году (см. "Марковцы в боях и походах", т.2).

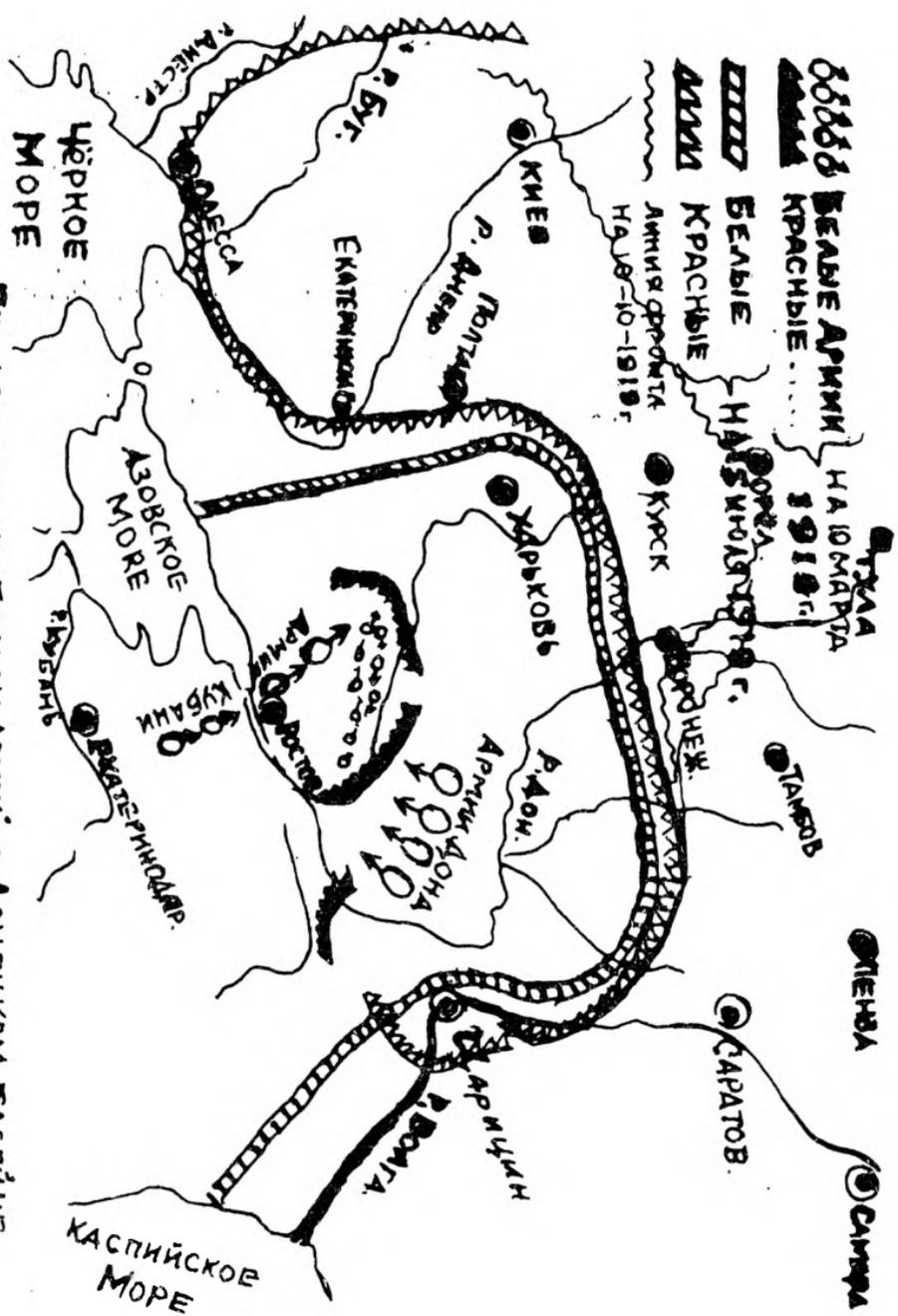
1919 год начинается с ориентировки к выходу на "широкую Московскую дорогу". С января 1919 года эшелоны Белых Войск стали двигаться на север.

В Донецком бассейне и в направлении на Харьков шли жестокие и упорные бои в течение первых 5 месяцев 1919 года. Здесь, после степей Дона и Кубани с редко расположенными громадными станицами, достигавшими населения в 20-30 и более тысяч человек, после глубоких балок и долин Ставрополя, белые вступили в слегка всхолмленную местность с близко расположенными поселками, в царство угля и заводов, с густопроведенной железнодорожной сетью. Была перемена и в характере населения и в отношении его к Добрармии. Если на Кубани, Тереке и на Дону казаки и казачки радушно встречали добровольцев и казаки охотно порой пополняли ряды Добрармии, то здесь, в Донецком бассейне, было замечено, что за внешним наигранным радушием скрывалось, если не прямая враждебность, то, во всяком случае, сильное и глубокое недоверие.

Это — район шахтерский, промышленный, густо населенный рабочими. Вопрос продовольствия армии здесь стал острее, не было обилия скота и хлеба, как в казачьих станицах и у ставропольских крестьян. Здесь жители имели одну корову, свинью, огород и это все, как правило.

Красные готовили здесь у узловой станции Дебальцево кровавую баню Добрармии, намереваясь прервать соединение обеих армий (Добрармии и Донцов) и с этой целью занять станцию Дебальцево, надеясь, что на стыке этих 2-х армий в 40 верст им удастся легко справиться с 1-м Плексеевским полком да полком марковцев в резерве. Они давили своей массой, т.к. у красных было здесь большое превосходство сил.

ПРОДВИЖЕНИЕ БЕЛЫХ АРМИЙ В ДОНЕЦКОМ БАСЕЙНЕ
 ЛЕТОМ 1919 ГОДА, И ЛИНИИ ФРОНТА НА 10 МАРТА И 10 ОКТЯБРЯ 1919 ГОДА

Марковцы и корниловцы защищались, но все же временно получился даже прорыв на стыке 2-х армий.

Добрармии удалось выйти на "Широкую Московскую дорогу" лишь в 20-х числах мая 1919 года. Кругом — простор, поля, леса, вместо степных балок Юга России и Донбасса, вместо ручейков — большие реки, вот переходят неглубокий Донец и далее вперед к Москве... вперед!

ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЛАСТИ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

К этому времени относится приказ генерала Деникина от 30 мая 1919 года № 45. Этот акт, изданный уже в период блестящих побед, войдет в историю как образец гражданского благородства и великодушной непритязательности — так характеризует его Гинс в своем труде о Сибири, союзниках и Колчаке. Приказ этот был издан генералом Деникиным в назидание кубанцам, грузинам, татарам, которые оставались в глубоком тылу, упорно искали независимость.

"Подвигами Добрармии, кубанских, терских, донских казаков и горцев освобожден юг России и Русские армии неудержимо движутся вперед, к сердцу России. Наряду с боевыми успехами, в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливавшихся перед расчленением Великой, единой России, Спасение Родины заключается в единой Верховной власти. Исходя из этого указывается... Я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему русскими армиями.

Генерал-лейтенант Деникин".

ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ДОБРАРМИИ

На 1 июня 1919 года полки идут уже в направлении на Харьков, в 15 верстах от Купянска, ведется наступление на Белгород, который был занят 10 июня 1919 года. Жители встретили белых с радостью после произвола и "строительства новой жизни" при советской власти. Всякое недоверие и следы пропаганды врага исчезли у населения и при виде того, как открывались базары и лавки, когда вместо скверного хлеба при красных, появился белый хлеб, мясо, дичь, яйца, овощи. В город возвращались покинувшие его жители.

25 июня в Белгород прибыл генерал Деникин, был смотр войскам, генерал Деникин обратился с речью к собравшимся о задачах Добрармии, об открытии широкой Московской дороги.

Вскоре был взят Добрармией и Харьков (25 июня). Все шло как бы во исполнение директивы генерала Деникина от 19 июня 1919 года: "Имея цель захват сердца России — Москвы приказываю... (опускается касательно Кавказской Добрармии и Донской) ... генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула..."

30 июня Белая Армия вытеснила большевиков из Царицына. До конца августа 1919 года Добрармия ведет бои на тех же местах, между тем как Кавказская Добрармия наступает на Север от Царицына; а на левом фланге 10 августа была взята Одесса, 17 августа пал Киев и фронт протянулся до Польской границы. Далее, часть Добрармии под командой генерала Врангеля, оказывая сильное давление на 10-ю Красную армию, теснила ее и с ожесточенными боями продвигалась в саратовском направлении. Наконец, 28 июня, был взят Камышин на Волге, но далее Камышина Врангель не двинулся.

У красных готовился план перехода в наступление и вот, может быть, в целях срыва этого наступления, было закончено формирование Мамонтовского конного корпуса с расчетом прорвать фронт и бросить корпус в глубокий рейд, по тылам красных армий. 7 августа в станице Урюпинской было сосредоточено 6000 сабель и 2800 штыков и 10 августа корпус генерала Мамонтова прорвался на стыке 8 и 9 красных армий, направившись от Ново-Хоперска на Тамбов. Разбив части встретившейся ему Красной Армии, он 18 августа налетел на Тамбов, занял его и прошел далее, наводя панику в тылах у красных, в Воронеже, Ельце и т.д., а после соединился с Добрармией. Корпус генерала Шкуро ушел на Воронеж.

ВЗЯТИЕ КРАСНОЙ КРЕПОСТИ КУРСК

Задержка наступления в центре произошла из-за Купянского прорыва красными, а после его ликвидации начались атаки на красную крепость Курск.

Наступала 1-я дивизия с танками, наступали корниловцы и марковцы при поддержке артбатареи и резерва. Укрепления были очень хорошо сооружены и оборудованы, с проволочными заграждениями, окопами, землянками на позиционный лад.

7 сентября 1919 года пал Курск. Героем дня был генерал Тимановский.

Все шоссе было забито идущими навстречу красноармейцами. Они шли с нескрываемой радостью возвращавшихся к себе по домам. "Они шли в тыл к нам, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас — горсточка". (Из воспоминаний участников похода) и далее: "После обеда мы вошли в Курск. Все улицы были полны народом, запружены им, нас шумно и радостно встречали. То и дело христосовались взаимно из рядов наших и из толпы. (Из книги "Марковцы в боях и по-

ходах за Россию” т.2). У большинства из нас и у жителей на глазах были слезы; у них — от радости спасения, у нас — от выполнения святой миссии освобождения Родины и народа”.

8 сентября был в Курске парад корниловцев и марковцев, который принимал генерал Кутепов.

СЕНТЯБРЬ 1919 ГОДА

Местность изменилась при наступлении в сентябре. Степная полоса осталась позади, равнина стала более изрезанной, волнистой, широкие балки сменились оврагами, кончался чернозем, его сменял суглинок. Села и деревни стали более частыми, но значительно менее населенными. Изменилось и население. Вместо опрятных малороссийских хат и мазанок виднелись закопченные трубы. Но зато здесь были доброта и отзывчивость, искренность к белым бойцам и ненависть к красной власти. Началось добровольное поступление крестьян в ряды белых армий. Все это пришло на смену несколько равнодушному отношению населения к белым на Украине.

Через уездные городки Орловской губернии стали тянуться подводы с эвакуированными исполкомовцами волостных комитетов.

В газетных сводках, призывах и воззваниях у советчиков обещания населению: ”мы не отдадим Красную Крепость Курск”, но он в скорости пал; ”Мы не отдадим красный Орел”, а 1 октября 1919 года Орел был взят корниловцами и марковцами.

Крепнут у белых надежды на скорую победу, считают в Добрармии — сколько переходов осталось до Москвы. А у красных, если и не паника, то гнетущее настроение и опять они подбадривают население: ”Мы не сдадим красную кузницу Тулу”, но население уже не верит этим заверениям, и ждет очередного падения ”красной кузницы”.

В городках к западу и северу от Орла и Севска каждую неделю, по очереди дежурят крестьянские подводы для спешной эвакуации ”работников исполкома, парткома и пр”. Открытых восстаний населения еще нет, но случаи расправы, самосуда уже имеют место. В одном городе, вблизи от Севска, например, (а именно в городе Трубчевске Орловской губ.) крестьяне линчевали уездного комиссара Ракова за то, что он выстрелил в икону, когда ее несли на руках крестьяне... Он спасался бегством, но по пути его перехватили крестьяне и расправились...

Крестьяне всюду жаловались добровольцам в местах, оккупированных ими (из книги ”Марковцы в боях и походах за Россию”): ”В деревнях нас замучили продналогами,

продразверстками, реквизициями и просто грабежами. А повезешь что продавать или что купить, налетят милиционеры: "Что везешь? Спекулируешь!" и все отбирают, и перестали мы возить в город и остались без сахара, чаю, соли, гвоздей, раздетые, босые. Дома все, что имели, прятали, чтобы не ограбили. А теперь — слава Богу! Свобода! Хотя бы сгинули эти большевики!" А иные добавляли: "не нужно нам советской власти. Была бы власть, которая дала бы нам свободу, жить так, как раньше жили мы".

Из разговоров выяснялось также, что крестьяне еще в 1918 году поднимали восстания против красных от Ливен до Ельца и дальше на восток от Волги. Было восстание в Тамбове, где мобилизованные крестьяне захватили город; к восстанию присоединились офицеры во главе с офицером Богдановичем. Красные стянули большие силы и рассеяли их. За 2 месяца до прихода марковцев в Орловскую губернию в район Ливен прошел рейдом корпус генерала Мамонтова, к которому присоединились сотни горожан и крестьян из Тамбова, Козлова, Ельца.

Наступала осень и зима, холодные дожди, чрезмерная сырость, а за ними придет холод, а белые были плохо одеты... Крестьяне говорили: "Зимой вы пропадете" и сами крестьяне в мешках тащили посильную помощь белым (зимнюю теплую одежду, рукавицы, носки, телогрейки и даже полушубки и валенки).

КРИЗИС НА ФРОНТЕ

Линия фронта при максимальных успехах в сентябре (как отмечено у генерала Лампе в его сборнике "Пути верных") шла от Волги у города Камышино через Воронеж — Орел и Киев до Могилева, Подольска, т.е. белые заняли всю южную Россию. Одновременно продвинулись к центру России с востока, севера и запада и другие белые фронты. Но полки белых были в непрерывных боях со дня их формирования — с февраля 1918 года до осени 1919 года, полки имели пополнения из новобранцев, но и несли огромные потери. Так, в Корниловском, например, полку за 40 месяцев боевой жизни полк имел 570 боевых столкновений и потерял убитыми 13.674 бойца, ранеными — 34.382, а всего — 48.002 бойца. Полк был развернут в дивизию (4 полка), а при неудачах опять свернулся в полк. То же было и с другими полками. Это продолжалось 3 года. Они почти не имели смены и не получали подкреплений, почему осенью 1919 года под напором превосходящих красных сил, начался их трагический отход на юг.

Неудачи начались после занятия Орла 1 октября 1919 года, ибо в это время в 60 верстах у города Карачева к северо-западу от Орла был сосредоточен ударный кулак в составе Латышской дивизии и кавалерийских частей и однако же штаб армии не сдерживал наступления корниловцев, а побуждал их скорее взять Орел. Корниловцы, испытав давление слева, оказались уже под угрозой обхода — им в тыл устремились латыши — и 5 октября Орел был оставлен. Таким образом, он был в руках белых всего 5 дней. Произошло сражение на Орлово-Кроменском направлении — видимо с теми частями красных, которые были в ударном кулаке сосредоточены под Карачевым. Дело окончилось поражением здесь Добармии.

Были и удачные для красных действия Буденновской конницы на Воронежском участке боев.

Положение Добровольческого корпуса стало критическим. Красное командование стремилось захватить Добровольческий корпус в клещи: с запада — ударной группой (латышей), с востока — конным корпусом Буденного, наступление которого шло весьма успешно.

О том, что представляли собой буденновцы, читатель может судить из книги И. Бабеля "Кон-Армия", где описываются события, правда годом позже (1920 .) во время войны с Польшей. Но характер вояк тот же, разумеется, со свирепыми расправами с пленными, когда польского полковника, взятого в плен, не расстреляли, как тот сам просил, а растоптали сапогами на полу. Впоследствии Буденный отрицал эти варварства. Но как бы то ни было, за истекшие 1918 и 1919 годы организаторам Красной Армии — Троцкому и др. — удалось создать ударные части, пусть даже "головорезов", вместо расхлябанных красноармейцев начала 1918 года, и создать таким образом сильный кулак прорыва фронта и вторжения далеко в тыл белым, у которых были уже исчерпаны все резервы.

Генерал Шкуро отступал перед подавляющими силами красной конницы. От него была взята Терская дивизия на подавление восстания Махно в тылу. Буденный подходил к станции Касторная (недалеко от Воронежа) более, чем на 50 верст к югу от правого фланга марковцев. Эта угроза заставила генерала Третьякова отвести туда 2-й полк.

И далее (стр.160 "Марковцы в боях", т.2): "Решительный поворот боевого счастья на участке Добркорпуса положили не столько местные неудачи, сколько появление Буденного на его правом фланге. Даже прорыв красных на г. Тим (Курской губернии) не мог сыграть решающей роли". Подходил ноябрь месяц. Была годовщина Октябрьского переворота (25 октября) и при соотношении сил у Буденного 7.500 сабель и 5.000 штыков, а у генерала Мамонтова и генерала

Шкуро, всего 6.000 сабель, разыгралась решающая битва. 3 ноября 1919 года кавалерия генерала Шкуро стала отступать и пехота была вынуждена последовать за ней. В декабре 1919 года белые оставили Киев и Харьков, в январе 1920 года были неуспехи у Одессы и Ростова, в марте 1920 года большевики овладели Екатеринодаром. Казаки, отступая из Новороссийска, продвинулись на юг до Сочи, откуда с большими трудностями перебрались морем в Крым, расставшись с лошадьми, в то время как Добармия оставила Новороссийск 14 марта 1920 года и морем перебралась в Крым. "В Крыму сосредоточились русские верные, которые дрались на юге России, здесь судорожно держали они своими усталыми руками русский национальный флаг, здесь должна была решаться их судьба" (см. "Пути верных" А.А. Лампе). Но об этих боях в Крыму под командованием генерала Врангеля будет изложено в последнем очерке истории Гражданской войны.

В настоящий момент попытаемся кратко изложить причины неудачи белых.

Как видно из предыдущего изложения о гражданской войне на юге России, главной причиной неудачи белых являлись растянутость фронта от Волги до Польши и недостаток сил, с истощением резерва. В то время как, имея в центре неограниченный запас оружия и людского состава, красной власти, путем жестокого террора, удалось организовать красную армию из мобилизованных и воспользоваться для комплектования командного состава многочисленным офицерством, демобилизованным после окончания войны с германцами.

Лучшая часть офицерства погибла в кровавых боях с австрийцами и германцами в 1914 — 1917 г.г. Из оставшихся меньшинство героически боролось в рядах Белой армии с красными захватчиками, а среди остальной части офицерства, даже в Ростове, Одессе и Харькове в начале 1918 года, не нашлось уже Гринева, капитанов Тушиных, Максимов Максимовичей... Преобладали "нейтраллисты". О простом народе, чиновниках и интеллигенции уже и говорить не приходится: одни были обмануты, другие возглашали лозунг: "Ни Ленин, ни Колчак!"

Использованная литература и материалы:

1. Марковцы в боях и походах за Россию. т.2 полк Павлова
2. Очерки русской смуты. Деникин
3. Путь русского офицера Деникина.
4. Пути верных. А.А. Лампе
5. Сибирь, союзники и Колчак. Гинс
6. Конармия. И. Бабель
7. Собственные воспоминания

ПОХОД НА МОСКВУ, ОТСТУПЛЕНИЕ И КРЫМ

К сказанному нами в предыдущем очерке (3-ем) попытаемся дать некоторые уточнения и дополнения, а именно, прежде всего: каково было соотношение сил обеих воюющих сторон? (Данные из книги "О русской революции" Вильяма Генри Чемберлена (1918—1921 г.г.) т.2, каковые данные взяты г.Чемберленом из труда генерала Деникина "Очерки русской смуты", из "Воспоминаний" генерала Врангеля, князя Оболенского "Крым при Врангеле" и некоторых других авторов, как то Егорова — командующего южным фронтом Красной Армии.

В исследованиях и мемуарах устанавливается тот факт, что в кампании южного фронта на протяжении 700 миль от Киева до Царицына и даже, более того, от Волги до Днестра 112.600 белых бойцов противостояли 186.000 красным бойцам. Причем, в Красной Армии было свыше 1000 артиллерийских орудий (пушек), 4500 пулеметов против 542 пушек и 2326 пулеметов у белых. Было почти двойное превосходство сил у красных в момент решающей фазы, т.е. ко времени конца сентября — начала октября 1919-го года. (Эти данные взяты из воспоминаний командующего южным фронтом Красной Армии Егорова; сомневаться в их достоверности в данном случае не приходится, ибо и генерал Деникин, сопоставляя силы сторон, считает, что на его армию в 98.000 бойцов приходилось до 160.000 красных, т.е. то же самое почти двойное превосходство красных).

Благодаря такому превосходству в силах, красные смогли сосредоточить ударный кулак к западу от города Орла к концу сентября 1919 г. из Латышского пехотного дивизиона, бригады Павлова и бригады Украинской кавалерии под командой Примакова, численностью в 10.000 пехотинцев и 1500 кавалеристов при поддержке Эстонского дивизиона и побудить белых эвакуировать Орел 20 октября (по н.с.) Удар был нанесен с юго-запада с угрозой отрезать железнодорожные сообщения с тылом.

Это и стало поворотным пунктом всей летней и осенней кампании 1919 года.

Некоторые стратеги полагают, что, возможно, этого срыва наступления генерала Деникина не было бы, если бы фронт был короче, с левым флангом на Днепре, а не на Днестре, и в этом случае большие силы возможно было бы сконцентрировать белым для прямого наступления на Москву по главной

железной дороге через Курск, Орел, Тулу. Но это — проблематично... Имело место отвлечение сил на Украину. Так: генерал Бредов еще 31 августа занял Киев, выгнав оттуда Петлюровские войска, которые вошли в город днем раньше...

Вследствие своего численного превосходства красные и ранее (напр., при наступлении белых по большой Московской дороге) то и дело переходили в контрнаступления. Так еще в августе 1919 года имело место такое наступление красных под командой Селивачева на Харьков и Белгород и временное занятие городов Волчанска и Купянска, наступление Шорина на Северный Дон и движение в Царицынском направлении. Эти наступления не удались, т.к. белые удачно парализовали их, а донские казаки отбили это наступление, которое красные повели опрометчиво во враждебной им среде казачества, стремясь прервать возможность соединения сил белых южного фронта с армией Колчака за Волгой, хотя к этому времени войска Колчака отступали к Уралу. В предупреждение наступления красных, возможно, был предпринят и известный, упомянутый в предыдущем очерке (3-ем) рейд генерала Мамонтова.

РЕЙД ГЕНЕРАЛА МАМОНТОВА

С 7000—8000 кавалеристами генерал Мамонтов прорвался через советский фронт близ Новохоперска 10 августа и быстро двинулся на Север, разрушая железные дороги, телеграф, рассеивая мобилизованных солдат Красной Армии, разгромляя и сжигая военные склады. 18 августа генерал Мамонтов захватил и Тамбов, где пробыл 3 дня; затем он двинулся на запад, захватил город Козлов, Елец, Раненбург и другие города. Когда численность красных сил, преследовавших его, сильно возросла, генерал Мамонтов повернул опять на юг, провел несколько дней в битве с гарнизоном города Воронежа и после 40 дней отчаянного лихого рейда, покрыв расстояние в около 500 миль, прорвался через кольцо преследовавших его красных сил и присоединился к Кубанскому кавалерийскому корпусу генерала Шкуро 19 сентября 1919 года.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Вернемся теперь к событиям поворотного пункта в походе на Москву генерала Деникина (точнее — генерала Маймаевского) у города Орла в начале 1919 года. Вспомним, что для оккупации Орла белыми были сделаны перемещения отдельных частей из других мест фронта, т.к. не было больше свободных резервов.

Зловещим и важным по значению фактом было то, что во время занятия Орла один город за другим в южной части Украины попадал в руки партизанских банд Махно и была серьезная угроза главной квартире (генерала Деникина) в городе Таганроге, поэтому пришлось отвести с фронта некоторые части для сражения с повстанцами в тылу. Слабые места фронта невозможно было своевременно поддержать подкреплениями, а потому корниловцы, дроздовцы, и марковцы вынуждены были отступать под давлением на левый фланг 14-й Красной армии, которая была к западу от Орла. В тылу так же успешно действовала Примаковская кавалерия. Таким образом, произошло отступление белых к Курску.

С другой стороны, красный кавалерийский корпус Буденного, бывшего вахмистра императорской армии, по происхождению — иногороднего Донской области, нанес поражение кавалерийским частям генерала Мамонтова и кубанцам во главе с генералом Шкуро и занял Воронеж 24 октября (по новому стилю). Части генерала Мамонтова были деморализованы, обремененные добычей после его рейда, упомянутого выше, в тылу красных, а силы генерала Шкуро были ослаблены тем, что накануне столкновения с Буденным некоторые части из его войск были отправлены на борьбу с Махно.

Захват Орла и Воронежа является поворотным пунктом всей этой кампании 1919 года и после этого инициатива переходит в руки красных.

Имели также место поражения у станции Касторная (15 ноября) и у Курска (17 ноября). По новому стилю, как и прочие календарные даты в данном очерке. И отступление пошло ускоренным темпом. Станция Касторная была узловым пунктом по линии Курск—Воронеж и захват ее помог Буденному вбить клин между Добр-Армией и Донской Казачьей Армией.

Тыл кишел партизанами. Думенко и Жлоба рвали коммуникации отступавших белых частей. В Донских частях было заметно падение боеспособности, желания сражаться, а Терских и Кубанских частей уже почти не оставалось.

Вообще же сражаться стало невозможно при почти полном отсутствии артиллерии и пулеметов. При таких обстоятельствах 3-е завоевание Украины Красной Армией весьма облегчилось. Харьков был занят красными 12 декабря 1919 года, а Киев — 16 декабря. Генерал Май-Маевский был отставлен или смещен, генерал Врангель, который был ранее переведен из Кавказской армии на Царицынский фронт, стал теперь командующим Добрармией.

Это был стратег темпераментный, волевой натуры, хладнокровный и, вместе с тем, способный к частым и энергичным выпадам и мы знаем — кумир добровольцев, лихой наездник

и бравый вояка. Генерал Мамонтов был заменен Кубанским генералом Улагаем. Принимались меры к поднятию дисциплины, но все же отступление белых продолжалось, Добрармия была сокращена в корпус и поставлена под команду генерала Кутепова "одного из самых стойких и самобытных" военачальников Белого движения. Врангель же направился на Кубань, где он надеялся получить подкрепления, но не успев в этом, направился в Новороссийск для наблюдения за укреплениями порта, а оттуда в Крым и, после некоторых трений с главнокомандующим, отправился даже в Константинополь, чтобы оттуда позже вернуться опять в Крым и стать там во главе Южно-Русского Белого Правительства.

Но события на фронте шли своим чередом. Временами счастье оборачивалось лицом к белым, так: донские казаки несколько оправились и вновь надеялись отбить у красных свои родные станицы. В первые недели 1920 года попытки красных перейти Дон у Батайска не удались, они были отброшены с большими потерями, попало как следует даже и пресловутой Буденновской кавалерии.

С потерей Ростова (после 3-дневной битвы) и Новочеркаска (6-8 января н.с. 1920 г.) военное положение генерала Деникина оставалось тяжелым, но не безнадежным. Деникинским войскам удалось даже 20 февраля 1920 года вновь захватить Ростов, но эта победа была кратковременной, ибо Буденный угрожал отрезать белых от Кубани, и позже, 9 марта, занял на Кубани важную узловую станцию Тихорецкую. Поэтому 2 марта белые окончательно эвакуировали Ростов. Кубанцы же не хотели больше сражаться, их настроение было совсем иное, чем в 1918 году. Екатеринодар, столица Кубани, был эвакуирован 15 марта 1920 года и вся лавина отступающих устремилась к порту на Черном море — в Новороссийск. Эвакуация Новороссийска имела место 26-го марта по н.с. 1920 года вечером в атмосфере значительного беспорядка. Не всем удалось поместиться на судах: до 22.000 пленных, много военных складов попало в руки Красной армии.

Кубанская армия, частью порвавшая, частью потерявшая связь политическую и военную с генералом Деникиным отступала через горы к побережью Черного моря вплоть до местечка Гагры и соединилась здесь с некоторыми донскими казачьими частями, которые не успели эвакуироваться на пароходах из Новороссийска. Часть их под влиянием голода и истощения была захвачена в плен Красной армией, а часть морем переправилась в Крым.

По прибытии в Крым у генерала Деникина имелось в распоряжении от 35.000 до 40.000 человек войска. Видя и чувствуя, что в армии, среди военных верхов и политических деятелей растет склонность к генералу Врангелю, генерал Деникин сначала согласился устранить начальника генерально-

го штаба генерала Романовского, а затем, чувствуя переутомление, пожелал уйти со своего поста и на совещании высших начальников в Севастополе была предreshена смена главнокомандующего вооруженными силами на Юге России: приказом генерала Деникина от 22 марта (по ст.ст.) 1920 года генерал-лейтенант барон Врангель был назначен главнокомандующим Вооруженными Силами на юге России.

Прежде чем перейти к описанию борьбы генерала Врангеля, как главнокомандующего на юге России, следует еще сказать несколько слов о генерале Деникине как политике, и о том, как его политика отразилась на исходе борьбы.

Генерал Деникин несомненно обладал большими способностями разбираться в военной обстановке и большой проницательностью стратега и никто этого отрицать не может, продолжает названный выше автор (Чемберлэн). Но другое дело, политика. Далее, названный автор полагает, что основной лозунг его о великой, единой и неделимой России — ничего не говорит сердцу рабочих и бедных слоев крестьянства и что многие его советники были значительно правее его и стремились, де, к реставрации политической, социальной и экономической и что пропаганда белых носила чисто отрицательный характер — антибольшевизма, без указания своей собственной политической программы (особенно в земельном вопросе). Указывалось, что Деникин страдал донкихотством, что он верил в абстрактные идеалы долга, чести, отечества, оставлял без ответа практические жизненные вопросы, на которые массы требовали немедленного ответа. Его идеалы компрометировались якобы его администрацией (с правым уклоном или дворянами — помещиками).

Но все эти утверждения весьма сомнительны, ибо его политическая программа была довольно либеральна по содержанию и по духу, так: он издал 2 декларации — одну о земле, другую — по рабочему вопросу (5 апреля 1919 года по новому стилю), в программе предвиделась охрана интересов рабочих и создание и укрепление малых и средних хуторов ("ферм") за счет фонда государственных земель и за счет фонда частных землевладельцев. Передача земли могла быть произведена добровольным соглашением или принудительным отчуждением, но с соблюдением принципов оплаты (здесь как бы продолжение столыпинской реформы о хуторах и отрубях). Главным пунктом декларации по рабочему вопросу было восстановление законных прав собственников фабрик и заводов и, вместе с тем, защита интересов профсоюзов и рабочего класса, установление государственного контроля над промышленностью в интересах национальной экономики, увеличение производительности труда и установление 8-часового рабочего дня на фабриках. Все это было в духе передового рабочего законодательства

Зап.Европы — Англии, Германии, США, Австралии и пр.

Вот некоторые подробности программы, за которую генерал Деникин призывал бороться:

1. Уничтожение большевистской анархии и установление в стране закона и порядка;
2. Восстановление могучей, единой и неделимой России;
3. Созыв Национального Собрания на основе всеобщего голосования;
4. Децентрализация власти через создание местной автономии и широкое местное самоуправление;
5. Обеспечение полной гражданской свободы и свободы совести;
6. Немедленное проведение земельной реформы и ликвидация земельной нужды трудового населения;
7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего рабочих от эксплуатации государством и капиталом.

Здесь налицо, как мы видим, ответы на животрепещущие требования масс, а не одни лишь отвлеченные призывы. А призывы к чести, достоинству человека и гражданина и пафос патриотизма — разве это не стремление к лучшему, что есть в человеке и гражданине?

Другое дело — административная практика. Большое недовольство возбуждали в сельском населении мероприятия об обязательной уплате 3-го снопа, а позже лишь 5-го снопа, из урожая собственнику земли крестьянами, завладевшими помещичьей землей, со времени Октябрьской революции, а также поборы на нужды Белой Армии. Здесь конечно вопрос идет о целесообразности и своевременности этого мероприятия, а не принципиально-правовой вопрос, ибо крестьянин стал как бы арендатором помещичьей земли, а всякая аренда возмездна.

Несмотря на приказ Деникина, запрещающий самоуправный захват и отобрание имущества бывшими владельцами (коров, лошадей и пр.) от крестьян и вообще от лиц, обладавших этим имуществом в момент прихода Добармии, помещики производили самовольно такие акты.

Все это свидетельствует о том, что не так то легко проводить в жизнь закон и приказ. Легче его написать — тем более в обстановке гражданской войны, с обострением страстей борющихся сторон.

Так же обстояло дело и с приказами, осуждающими погромы (антисемитские), грабежи и пьянство. Но все эти инциденты, конечно, ставились в вину правительству Деникина и не мало возбуждали население против него.

Национализм, одушевлявший Белое Движение — здоровое явление, не переходившее в шовинизм, вызывал враждебные чувства у национальных меньшинств Юга России. Эти чувства подогрелись всякого рода сепаратистами. В Дагестане даже

вспыхнуло восстание. Много Белых войск отвлекалось на борьбу с Петлюрой, на борьбу с Махно, вместо того, чтобы направить все силы на Москву.

Вообще же власть генерала Деникина, за исключением казачьих территорий Дона, Кубани, Терека, пользовавшихся некоторой административной автономией, была абсолютной. Особое Собрание, которое было создано в видах и целях, касающихся гражданской администрации или управления в 1918 году перед смертью генерала Алексева, было учреждением чисто совещательного порядка. В нем было 24 члена. Они делились на консерваторов и либералов (кадетов, т.е. членов партии народной свободы). (29 декабря 1919 года Деникин отменил его, заменив кабинетом (как бы министров), члены которого назначались им самим же.

В заключение следует остановиться на основных слоях русского общества, принявших то или иное участие в смуте 1917-1920 г.г. В отличие от смуты 17-го века, когда раздоры внутренние и внешний враг (Польша, Швеция) наконец вразумили народ (независимо от классовой принадлежности), заставив его объединиться в едином патриотическом порыве и разбить и изгнать врага) — в смуте 20-го века случилось худшее: отрезвления не наступило, против большевизма боролось, в основном, офицерство, — служилый класс; отчасти его поддерживала интеллигенция в лице студентов, гимназистов и пр. Крестьянство на Юге России ударилось в пугачевщину, в погромы помещиков и антисемитские (Махно), в центре, крестьяне, поделив помещичью землю, пробовали восставать против притеснявших их большевиков, но эти восстания были скоро подавлены, а интеллигенция зачастую придерживалась лозунга "ни Ленин, ни Колчак", тем самым затрудняя борьбу белых против большевизма. Об этом свидетельствует и Бунин, иронизируя над опасениями в Одессе со стороны некоторых интеллигентов, что белые не несут полной свободы слова, печати и пр., а между тем, ставился основной вопрос — "быть или не быть". Поэт Максимилиан Волошин укрывал в своем доме в Крыму как белых офицеров, так и членов большевистского ревкома. Так он "презрел суету быстротекущей минуты ради бесстрастной вечности". Марина Цветаева поэтесса, отказывалась делить русских, людей единой нации, на каких-то "красных" и "белых", она плакала и скорбела о тех и других:

Белым был — красным стал,
Кровь обагрила.
Красным был — белым стал,
Смерть побелила.

Илья Эренбург полагал, что происходящее — "не страшный кровавый бунт, не гигантская пугачевщина, а рождение нового мира". Даже поэтесса Ахматова, которая в "Реквиеме" горевала безутешно —

**Муж в могиле, сын в тюрьме
Помолитесь обо мне!**

осуждала гражданскую войну, ибо она велась людьми, принадлежавшими одному отечеству. Тем самым Ахматова в какой-то степени лила воду на большевистскую мельницу своим безвольным размагниченным пацифизмом.

Этим поэтесса действительно отмежевалась на время от Белого Движения, чтобы затем самой перенести на Родине те страдания, которые выражены в ее "Реквиеме".

Такова была судьба и настроение этой части интеллигенции и оно, конечно, психологически затрудняло борьбу белых.

Остановимся теперь кратко на том, чем стал большевизм к концу 1919 года и, в частности, во что превратилась Красная армия, с которой боролись белые.

В книге Гинса "Сибирь, союзники и Колчак" весьма ярко и точно изложено об этом в следующих немногих словах, что вполне относится и к разбираемому нами положению на Южном фронте, ибо враг был один.

"Большевизм к концу 1919 года преобразуется, была создана регулярная армия, построенная на началах дисциплины с отказом от добровольчества". Большевизм в 1918 году, скажем мы от себя, распустив императорскую армию по домам или вернее, санкционируя факт ее распада, принялся приглашать добровольцев красноармейцев из австрийских военнопленных, латышей, и даже китайцев, а также из деклассированных и опустившихся сельских и городских пролетариев, ходивших по базарам в красноармейской форме, предлагая к продаже свой солдатский хлебный паек и даже обмундирование; прошла одновременно также регистрация бывшего офицерства и приглашение их — пока добровольно — вступить в командный состав Красной армии. "В 1919 году уже совершен был переход к обязательной воинской повинности и мобилизации всех граждан мужского пола в возрасте от 18 до 40 лет. Была проведена централизация управления вместо "власти на местах". Начала создаваться новая коммунистическая аристократия — "актив", вместо "равенства всех", привлечение "спецов" — специалистов-интеллигентов — из рядов "буржуазии" и, в частности, старого офицерства в армию (уже в обязательном порядке, под страхом ареста). Добавим, что крестьянская масса, мобилизованная таким образом, оставалась неустойчивой, но у красных имелись ударные части, так: на смену матросов, латышских частей,

появляются курсанты вновь организованных военных училищ. Все это весьма затрудняло победоносное шествие белых и привело их к крушению в силу также численного превосходства и растянутости южного фронта, как было изложено выше.

КРЫМ. ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ

Мы уже выше вкратце упомянули о смене главнокомандующего Вооруженными силами на юге России генерала Деникина генералом Врангелем.

”Тяжелое наследство принял новый Главнокомандующий”, повествует в своем труде ”Пути верных” генерал-майор Лампе: англичане предъявили в своей ноте ультиматум: начать мирные переговоры с большевиками, ибо британское правительство не поддерживает продолжения вооруженной борьбы белых, но что оно будет ходатайствовать перед Советским правительством о сохранении жизни офицеров, солдат и частных лиц, принимавших участие в Деникинском движении, но оно отказывается от всякой ответственности за их судьбу, если они возобновят враждебные действия.

Другими словами, англичане прекратят всякую помощь со своей стороны. Врангель отказался идти на прямые переговоры с большевиками, отклонил ультиматум и приступил к упорядочению полученного им наследия (22 марта 1920 года по ст.ст.) ”Блестящий кавалерийский начальник, первый кавалер ордена Св. Великомученника и Победоносца Георгия, в самом начале войны, один из победоносных вождей белых в период командования южными армиями генерала Деникина, кумир офицеров, солдат и казаков, он ясно представлял себе положение, в которое попал; он был совершенно искренен, когда сказал при приеме власти главнокомандующего вооруженными силами юга России.

”Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения”. Он шел не к празднику власти— он возложил на свои плечи еще более тяжелый крест служения Родине, чем кто-либо из белых бойцов”. (Из того же труда генерала Лампе).

Расскажем вкратце об его облике, его прошлом.

Петр Николаевич Врангель (1878—1928 г.г.) происходил от шведских баронов. Фамилия Врангелей за долгие годы ее существования утвердилась в России, Швеции, Германии и Эстонии и получила широкое распространение. Он получил высшее военное образование, служил в Его Величества Конно-квардейском полку, отличился в Русско-Японской войне; во время 1-й мировой войны успешно командовал эскадронном и Казачьим дивизионом, один из первых присоединился к Донскому атаману Каледину в борьбе с большевиками, а после смерти Каледина присоединился к генералу Алексею

и Деникину. Он успешно сражался с большевиками в 1918 и 1919 годах на Северном Кавказе, а затем, как нами в предыдущем очерке сообщалось, был переведен на Царицынский фронт, особенно отличился при защите Царицына большевиками, а после неудач генерала Май-Маевского генерал Врангель был назначен командующим Доброймией при ее отступлении.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛЫХ ВОЙСК В КРЫМУ И МЕРОПРИЯТИЯ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ АРМИИ И ПОРЯДКА В СТРАНЕ

Положение войск казалось совершенно безнадежным. Дух 30.000—40.000 человек, перевезенных из Новороссийска, был сильно подорван вследствие отступления и ряда поражений, а также тем беспорядком, который имел место при эвакуации Новороссийска; положение с продовольствием на бедном хлебными запасами Крымском полуострове было тяжелое, не доставало снаряжения, патронов, повозок, седел для кавалерии, без чего не могла быть армия, а оставалась бы только толпа... Большую часть всего необходимого для армии можно было получить только от противника силой оружия, перейдя в наступление.

И вот началась исключительная работа... Армия приводилась в порядок. Генерал Врангель влил энергию в Белый лагерь, работал день и ночь и полностью реорганизовал военную и гражданскую администрацию, преобразил толпу беженцев в действительно брешьную силу.

Были приняты строжайшие меры против распутства, пьянства, дебошей — вплоть до повешения. Дисциплина стала строгой, даже суровой. Цель была достигнута, чему способствовал также гордый отказ генерала Врангеля выполнять требования английского ультиматума. Это ясно показало армии, что во главе ее стал решительный и достойный вождь. Для поднятия духа армии и всего населения 20 мая 1920 года (ст.ст) Врангелем был издан приказ:

"ВОЗЗВАНИЕ

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин приобретал в собственность обрабатываемую им землю, занялся мирным трудом.

За то, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина!

Помогите мне, русские люди спасти Родину.

Генерал Врангель".

В этом воззвании заключена глубокая вера в права белых! Имеется целая социальная программа.

В период подготовки армии к наступлению генерал Врангель принял меры, чтобы сделать Крым как бы образцом для всей страдающей под игом большевизма России. Он приглашал, искал людей, которые могли бы помочь ему в выполнении тех задач, которые он поставил перед собой, чтобы спасти Родину. Он связывался с политическими деятелями, финансистами, бывшими министрами и учреждениями, которые после революции были раскинуты по всей Европе. Так, например: стоя перед лицом совершившегося факта — большой аграрной революции, генерал Врангель и бывший царский министр земледелия Кривошеин решили пойти дальше министра Столыпина, согласились даже узаконить происшедший произвольный захват земли крестьянами, но с денежной компенсацией в пользу бывших землевладельцев. Это был шаг вперед по сравнению с неполными земельными проектами генерала Деникина.

Но следует отметить, что крестьянам, особенно на Украине, и этого было мало; сбитые с толку различными революционными лозунгами, они претендовали на право на землю помещиков без всяких компенсаций...

Был обнародован разработанный тщательно "Приказ о земле", но провести его не было суждено...

ВСПЫШКА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО ФАКТА НА ЮЖНЫЙ ФРОНТ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

25 апреля 1920 года (по н.ст.) произошла внезапная, но жестокая стычка между польскими и советскими военными частями у Житомира в Западной Украине и начались военные действия.

Генерал Врангель принял предложение о военном сотрудничестве с Польшей, которое ему предложила Франция, союзник Польши, с оговоркой "не касаться деликатных политических вопросов" до конца борьбы с большевизмом ("Воспоминания" генерала Врангеля).

Однако, быстрое отступление поляков в начале этой кампании из Западной Украины исключило какую-либо тесную координацию Польского и Белого фронтов.

Генерал Врангель весьма существенно помог полякам, удерживая крупные большевистские силы на Южной Украине, и на казачьих территориях, где большевики опасались вспышки восстания. Со своей стороны, поляки разрешили нескольким тысячам деникинских войск, которые перешли в Польшу ранее и были там интернированы, вернуться в Крым во Врангелевскую армию.

10 августа 1920 года, когда красное наступление на Варшаву достигло наивысшей точки, французское правительство подчеркнуло свою антисоветскую позицию, признав формально Врангелевский режим фактическим правительством юга России.

6 июня 1920 года (по н.ст.) (25 мая по ст.ст.) русская армия юга России начала наступление, которое было проведено блестяще.

В то время как лучшие силы генерала Врангеля, ветераны добровольцы, врезались через красные линии Перекопского перешейка, силы генерала Слащева высадили десант на берегу Азовского моря и заняли Мелитополь, центральный пункт Северной Таврии, граничащей с Крымом. В короткое время (2 недели) генерал Врангель занял всю Северную Таврию, удвоил свою территорию и приобрел область, богатую хлебом (зерном). Здесь он остановился, т.к. его армия была слишком мала, чтобы удержать обширные территориальные приобретения.

Контр-наступление красных в конце июня не удалось и было на голову разбито, а кавалерийский корпус красного партизана Жлобы был растрепан на куски. Положение в Северной Таврии таким образом определилось и стабилизировалось. Интересные подробности этого наступления содержатся в книге "Марковцы в боях и походах за Россию" (т.2). За недостатком места опускаем их. Можно упомянуть только, что, например, 1-й корпус при выходе в Северную Таврию взял в плен 3500 красноармейцев, 25 орудий, 6 броневиков. Так происходило пополнение вооружения маленькой армии генерала Врангеля.

Интересно отметить, что психологически координация действий с Польшей была все же противоестественна; так "у Марковцев сжалось сердце, когда они узнали, что поляки и петлюровцы, которым помогала Франция, признавшая также де факто политический строй Врангеля — захватили Киев..."

ДЕСАНТ НА КУБАНИ

В конце лета генерал Врангель решает наступать на территорию казачьих войск, занятую красными и, особенно, — на Кубань, ибо здесь была первоначальная база Белого движения и казалось разумным, что несколько месяцев красного управления страной и их репрессии воспламят дух кубанских казаков и выведут их из состояния летаргии, которая много способствовала поражению Деникина, тем более, что на 3 августа 1920 года, например, много повстанцев-казачьих партизанило в разных частях страны (цифра их приблизительно

исчислялась до 15.000 человек, а могло быть и значительно больше). У подножия Кавказских гор действовала "Армия возрождения России" во главе с генералом Фостиковым, (в Майкопском и Баталпашинском отделах Кубанской области).

Командующим экспедиционными силами на Кубани генерал Врангель назначил казачьего генерала Улагая, который был известен своею личной храбростью и безукоризненной честностью: он угрожал расстрелом каждому, кто украдет у населения хотя бы курицу... Силы генерала Улагая состояли из 7.000 бойцов пехоты и кавалерии, высадившихся успешно в станице Приморско-Ахтарской на побережье Азовского моря 13 августа 1920 года. Малые вспомогательные десанты были сделаны возле Новороссийска, на Таманском полуострове, а полковник Назаров, высадившись к западу от Таганрога, двинулся на Дон с надеждой на казачье восстание.

Сначала генерал Улагай имел успех. Он продвинулся свыше 50 миль вглубь Кубанской территории и 18 августа занял важную узловую станцию Тимошевскую в 35 милях от Екатеринодара, где началась паника. Советские, военные и гражданские, учреждения быстро эвакуировались, всюду жгли бумаги различных учреждений, накопившиеся у новой советской бюрократии в колоссальных размерах: множество их летело как чайки по улицам города. В некоторых трудах отмечается, что если бы генерал Улагай нажал на Тимошевской, то он смог бы легко занять Екатеринодар. Это могло бы иметь большой моральный эффект и повлечь м.б. соединение с армией Возрождения России генерала Фостикова в закубанских станицах или далее к Майкопу. Но конечно, это еще вопрос.

Между тем генерал Улагай не двигался и выжидал в ст. Тимошевской 2-3 дня, оглядывался на связь с базой в Приморско-Ахтарской, потерял время бить врага порознь, пытался проводить местные мобилизации.

Большевики сосредоточили уже раньше на Кубани до 30.000 бойцов. Оправившись от первого оцепенения в связи с десантом белых, они начали наступать на генерала Улагая, заставили его покинуть Тимошевскую, угрожая порвать коммуникации его в тылу. После ряда столкновений с переменным успехом к 7 сентября силы генерала Улагая были вытеснены с Кубани. Однако, генерал Улагай привел в Крым больше людей, чем взял с собой при начале вторжения на Кубань; дезертиры красных и беженцы превысили числом все потери в боях. Были вытеснены и остальные малые десанты, а силы полковника Назарова были уничтожены в бою при станице Константиновской. Сам Назаров спасся в Крым.

Главной причиной неудачи десанта надо считать нежелание большинства казаков рисковать своею жизнью и имуществом, поддерживая столь безнадежное начинание, имея ввиду превосходство (в 5 раз) сил красных.

Этот десант вызвал большое беспокойство в Москве и Лев Троцкий обрушился на Врангеля как "немецкого барона, ставленника французской биржи" и т.п. в выражениях столь популярных тогда.

БОИ ОПЯТЬ НА УКРАИНЕ

Теперь генерал Врангель решается идти на прорыв красного фронта в другом направлении — на Запад и на Север.

К этому времени — к концу августа и началу сентября 1920 года — сильно изменилось положение на советско-польском фронте. 16 августа можно считать поворотным пунктом в боях за Варшаву. Левое крыло 16 советской армии было вдребезги разбито поляками с потерей 10.000 пленных и 40 пушек и поляки оказались в тылу у советских войск, это было под Варшавой и Брест—Литовском. Положение советских войск было близко к катастрофе; часть советских войск перешла восточно-прусскую границу и там была интернирована; Брест Литовск опять захватили поляки. Буденный со своей конницей пытался спасти положение, но был разбит при Замостье 27 августа; также советские войска спешили очистить Восточную Галицию. Мирные переговоры возобновились и закончились военным перемирием уже 12 октября — в пользу Польши.

Поэтому, возвращаясь к положению конца августа — начала сентября 1920 года на Южном фронте следует отметить, что оно изменилось в значительной мере в связи с тем, что красные силы на западе были отброшены поляками и последние опять приблизились к границам Украины.

Отчасти используя это, армия генерала Врангеля стремится к переправе через Днепр и к движению в Западную Украину для установления контакта с русскими белыми силами, которые генерал Врангель пытался организовать на польской территории.

Независимо от этого, генерал Врангель наносил удары на Север и на Восток, его кавалерия доходила до Екатеринослава на Днепре и Таганрога на востоке, где был занят порт Мариуполь на Азовском море и даже отдельные рейды доходили до станции Синельниково к востоку от Екатеринослава.

Но все это были местные успехи.

Операция перехода через Днепр началась благополучно: белые войска перешли реку и лихой казачий генерал Бабиев занял город Никополь, но вскоре был убит в сражении, а его преемник не отличался по-видимому боевыми доблестями. Во всяком случае, в битве 13 октября (н.ст.) белые потерпели поражение и были вынуждены вернуться обратно, перейдя через Днепр с тяжелыми потерями.

Красные же удержали важный стратегический пункт на левом берегу Днепра у Каховки, откуда они могли легко ударить на подступы к Крыму через Перекопский перешеек и угрожали положению Врангелевской армии в Северной Таврии.

Об этих боях имеются интересные подробности в упомянутой книге "Марковцы в боях за Россию" (т.2). Там отмечается, что "Было взято 10.000 пленных (красных), бронепоезд, 27 орудий, но армия не смогла принудить противника очистить Каховку, столкнувшись с огромными силами..."

В этом же труде дается пояснение, что операция за Днепром была необходима, чтобы очистить Каховский плацдарм. Сказался большой недостаток сил у Белой Армии.

В общем, белые возвратились к положению начала сентября 1920 года.

"Затем пошли слухи о перемирии между Польшей и Советами, что заставило даже марковцев серьезно забеспокоиться. Теперь красные все силы, все резервы могут бросить на Южный фронт. В борьбе Русская Армия осталась одна и не сочтены ли ее дни?" (там же).

И действительно, сюда направили Буденновскую конармию (или ее остатки?). Старый коммунист и военный вождь Фрунзе, который боролся с Колчаком в Сибири, стал главным командующим Южного фронта. Были мобилизованы "курсанты", ("красные юнкера"), ударные части и др.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ЗА КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Генерал Врангель должен был теперь решить — готов ли он встретить удар красных здесь, в Северной Таврии или отступить за укрепленные линии позади Перекопского перешейка?

После совещания с генералом Шатиловым и генералом Кутеповым, он решил оказать сопротивление в Северной Таврии. Он знал очень хорошо, что стоит перед почти подавляющими, по своему превосходству, силами красных (137.000 против 35.000 белых — превосходство — в 4 раза) при этом красные имели существенное превосходство в орудиях и пулеметах, а в рядах Белой армии было много новых рекрутов из местных мобилизованных крестьян, беженцев и даже военнопленных Красной армии. Все это разбавляло силу старых ветеранов-добровольцев.

Таким образом, исход битвы в Северной Таврии от 28 октября (н.ст.) в течение нескольких дней можно было легко предвидеть. Фрунзе даже навяляя при помощи кавалерии, двигаясь от Каховки, не решит пути отступления бе-

лых, но этот план ему не удалось выполнить, и корниловцы, марковцы и дроздовцы с боями отошли за укрепления Перекопского перешейка.

Имея огромное превосходство в силах, красные, одновременно с лобовой атакой укрепленных позиций на Перекопском перешейке, обошли эти линии обороны и ударили в тыл белым.

Как это случилось? На названном перешейке — шириной от 5 до 10 миль в разных местах — было сооружено 3 линии обороны, а именно: 1-я линия проволочных заграждений к северу от города Перекоп; 2-я линия шла по Турецкому или Татарскому валу и была хорошо снабжена пулеметными точками, некоторые из коих были непробиваемы бомбардировкой даже тяжелой артиллерией; 3-я, так называемая Ушунская, линия обороны на южном конце перешейка была построена с использованием в этих местах малых озер. Другой путь подступа к Крыму, далее к востоку, шел с Чонгарского полуострова, который выдавался с материка и был соединен с северным берегом Крыма двумя узкими переправами.

Штурм последней твердыни белых начался 7-го ноября (н.ст.) 1920 года в 3-ю годовщину большевистского переворота. Генерал Врангель расположил лучшие добровольческие части на прямой обороне Перекопа. Защищаемые траншеями и пулеметными гнездами, они упорно отбивали лобовые атаки красных. Но 7-го ноября отборные части красной армии захватили первые две линии Перекопской обороны на фланге и в тылу, перейдя Сивашский залив, и атаковав отряд кубанских казаков под командой генерала Фостикова, которые защищали небольшой Литовский полуостров к юго-востоку от Перекопа. Контр-атака не удалась.

Опасаясь быть отрезанными и атакованными с тыла, добровольческие части в ночь на 8 ноября оставили Турецкий вал и отступили на Ушунские позиции. Здесь сражение продолжалось в течение 2-х дней без решающих результатов.

11 ноября был решающий день. Последним отчаянным усилием отборные части белых отбросили советские войска назад и теснили их почти до конца Литовского перешейка, но в это время красные силы на другом секторе прорвали Ушунскую линию обороны. Каждая воюющая сторона угрожала тылу другой. Дело решила 13-я дивизия Красной армии, перешедшая по импровизированному мосту с Чонгарского полуострова в Крым. Эта дивизия, несмотря на артиллерийский и пулеметный огонь, рассеяла белых на северном берегу Крыма и начала двигаться к Крымскому плато, угрожая белым в Джанкое. Красные наступали, не взирая на свои тяжелые потери, приближая финал, развязку.

Генерал Врангель понял, что дело потеряно и дал приказ о немедленном отступлении к различным крым-

ским портам. Пехота была посажена на подводы, а кавалерия прикрывала отход. Весь транспорт, годный для этой погрузки, поступил в его услужение.

Генерал Врангель провел эвакуацию весьма успешно и спокойно, в полном порядке, несмотря на нажим красных и помехи зеленых в горах. Крым покинуло 145.693 человека, включая войска, много членов их семей и гражданских беженцев, которые нашли приют сначала в Константинополе в Турции, а затем рассеялись по разным центрам эмигрантской жизни по всему свету. Так кратко заканчивают историю гражданской войны некоторые историки.

Значительно подробнее и с горячим патриотическим чувством описаны последние события в книге "Пути верных" генерала Лампе и в труде подполковника В.Е. Павлова "Марковцы в боях и походах за Россию" (том 2).

"В последний момент армия заняла позиции на исторической линии обороны, на которой русские полки дрались под Севастополем в 1854 году (т.е. 66 лет назад против англичан и французов). На этой же самой линии в последний раз на русской почве сражались белые русские против русских красных. В эвакуации приняло участие 150.000 русских, из которых 70.000 с оружием в руках сражались против красного зла, грозившего всему миру, и которое на время задержалось в России. Главнокомандующий генерал Врангель на борту русского крейсера объехал все гавани и ушел последним... В своем последнем приказе на последнем клочке русской земли он сказал: "для исполнения обязанностей по отношению к армии и населению сделано все, что было в человеческих силах", — он говорил полную правду. Также правдиво обрисовал он в том же приказе и будущее, которое ожидало армию: "Наши дальнейшие пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма у нас нет. У нас нет никакой казны. Откровенно говорю я каждому, что нас ожидает".

15 ноября (н.с.) 1920 года началось выполнение приказа по эвакуации, сначала гражданского населения, а потом и армий в гаванях Крыма. 15 ноября опустился занавес не только над семимесячной борьбой Русской армии генерала Врангеля, он опустился и над эпической борьбой, которую вели русские, верные своему долгу перед Родиной, русские белые против кровавого ига, овладевшего Россией на всех 4-х фронтах гражданской войны.

150-тысячная масса русских патриотов, новая плавучая Россия ушла в неизвестность. Сам генерал Врангель пишет в своих мемуарах так:

"Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний. Прощай Родина!"

Он был прав — он навсегда простился с Родиной: он умер на чужбине в 1928 году — 50 лет от роду.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать стихотворение, посвященное генералу Врангелю во время его нахождения как бы в полу-плёну на яхте во время стоянки в Константинополе после крымской эвакуации, горячее обращение израненных солдат и ожидание, что Армия его воскреснет:

” Два штандарта в Вашем тесном кабинете,
В сонных складках шелка — память славных дат.
Помните ли жест на конном стилизованном портрете?
Вам теперь осталась лишь любовь израненных солдат.

Вы ходить любили быстрыми шагами,
Но теперь так много заповедных черт.
Палубу тюрьмы так много раз измерили Вы
сами;

Ваш ”Корнилов” был куда просторнее;
Он ушел в Бизерт.

Помните ли ночь с кострами над Червленной?
Божьи звезды в небе с звездами ракет?
Площадь и собор? Привет Царицынской толпы
влюбленной?

В дни побед Вы были все такой же, как теперь аскет.

Помните дни мая, выход наш из Крыма?

Как за поездом бежали казаки?

А теперь, мачта Архистрага скрылась в клубах
дыма.

За чужой неласковой оградой — русские полки.

Ваши казаки под стражей сенегальцев,
И корниловцы в тоскливых лагерях.
Но с тех пор, как Ваша армия — лишь армия
скитальцев,

Даже русский ветер скован и не смеет дуть в степях.

И в тот скорбный миг, когда Вас победили,
Вашей Родины окрепли кандалы;

И свобода умерла в тот час, когда морские мили
Начали считать Вы, глядя на соленые валы.

Как я жду, чтоб Ваша армия воскресла!
Конница пойдет удилами звеня;
Вы оставите каюту и привинченные кресла,
В поле так весенне — сядете Вы на коня...

А пока штандарты в Вашем кабинете,
Спит и не проснулась память славных дат.
И живет лишь жест на конном стилизованном
портрете.
Вам осталась лишь любовь израненных солдат.
(Из романа Белогорского "Вчера").

Перечень источников и материалов к данному очерку:

1. Марковцы в боях и походах за Россию
т.2 подп. В.Е. Павлова
2. Пути верных А.А. Лампе
3. Русская революция Чемберлена
4. Воспоминания Врангеля
5. Очерки русской смуты Деникина
6. Отступление Деникина в 1919 году
Егорова
7. Вчера из романа Белогорского
8. Собственные воспоминания.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ 1918-1920 ГОДЫ

В предыдущих наших очерках мы более или менее подробно останавливались на решающей кампании, на основном кризисе гражданской войны на юге России в середине октября 1919 года, когда Деникинские передовые полки были уже в гор. Орле, менее чем в 400 км (250 миль.) от Москвы, а Сев. Западная армия генерала Юденича после неожиданно успешного наступления пролагала с боями свой путь к предместьям Петрограда. Пробил 12-й час существования Советской власти на Руси, быть или не быть... Правда, красное зло одолело вскоре правое дело, наступление белых захлебнулось на пороге победы..., но так было видно суждено претерпеть нашей родине, испить чашу страданий до дна...

Другой более ранний по времени величайший кризис Советской власти, советского режима имел место в 1918 году, когда войска Комуч'а (комитета Учредительного Собрания) при поддержке Чешского корпуса были уже в Казани и даже угрожали гор. Свияжску в направлении на Нижний Новгород и далее к центру (т.е. к той же Москве), когда губернии, окружавшие Москву, были охвачены волной местных восстаний, а красная армия находилась еще в хаотическом состоянии ее образования, в процессе перехода от разрозненных групп и отрядов недисциплинированных партизанских частей или небольших отрядов так называемой "Красной гвардии" и иностранных наемников из военнопленных австрийцев, венгров и пр., разбросанных по городам России — к более эффективной и дисциплинированной боевой силе. Вот к этому периоду гражданской войны и необходимо вернуться, дабы понять затем общее положение дел на Восточном фронте гражданской войны (в Поволжье, на Урале и в Сибири). Зарождение же гражданской борьбы, как мы знаем, началось сразу же после насильственного переворота большевиков 25 октября (по ст.ст) 1917 года и основоположником ее и начинателем был генерал Алексеев в Новочеркасске и Ростове-на-Дону на юге России, как было описано в предыдущих очерках.

СТИХИЙНЫЕ ВОССТАНИЯ НАРОДА И НЕКОТОРЫХ ДАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ 1918 ГОДА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

”Через полгода после того, как началось белое движение на юге России, такое же движение началось в районе реки Волги на Восточном фронте. Различные слои и классы населения, различные национальности поднимались против давления красной тирании, силой захватившей власть в стране. Принцип национальный протестовал против кровавого интернационала”, — так начинает свое изложение гражданской войны на востоке России генерал майор генерального штаба А.А. Лампе в своем сборнике статей ”Пути верных”. Действительно, вскоре после Октябрьского переворота 1917 года начались многочисленные восстания в деревне и городах на почве недостатка хлеба (в городе) и реквизиций красными хлебных запасов в деревне. Подвоз хлеба с хлебобродного юга и Приволжья почти совсем прекратился, транспорт был почти разрушен. В деревне были основаны комитеты бедноты (11 июня 1918 года по н.ст.) для отобрания хлебных запасов у ”кулаков” и зажиточных крестьян, для их раскулачивания и перевозки отнятого хлеба в город. Искусственно расслаивается деревня на враждебные друг другу части по принципу ”разделяй и властвуй”. Тогда было зарегистрировано 26 крестьянских восстаний в июле 1918 года, 47 в августе и 35 в сентябре 1918 года. Борьба за хлеб была ожесточенной до крайности, людей буквально разрывали на куски, били до смерти, сжигали заживо в этих мало известных миру схватках из-за корки хлеба. В городах положение было также весьма серьезное, даже критическое. Повсеместно начался красный террор после всплеск антибольшевистского характера, например, убийства левым эссером Блюмкиным и Андреевым немецкого посла-представителя Германии гр. Мирбаха 6 июля 1918 г. (н.ст.). Тогда же левые соцреволюционеры, помогавшие в октябрьские дни переворота 1917 года большевикам, арестовали (в 1918 году уже) помощника начальника ЧК (Чрезвычайной комиссии) Лациса, арестовали кратковременно самого Дзержинского — начальника ЧК, захватили в Москве конторы почт и телеграфов, но были разбиты, арестованы сами соцреволюционеры — левые, а частью рассеяны по стране и после этого партия левых эсеров сошла с исторической сцены.

Другое восстание против власти Советов произошло, тогда же 6 июля 1918 года в городе Ярославле, который был захвачен заговорщиками Савинковской организации под командой полковника Перхурова. Далее 8 июля ими был захвачен гор. Муром, а 7 июля было произведено нападение на г. Рыбинск на Верхней Волге.

Вместе с французским послом Нуленсом было на-
мечено савинковцами (правые эсеры) захватить города
Ярославль, Рыбинск, Кострому, Муром. Но предполагаемый
десант иностранной помощи на севере в июле не состоялся,
а имел место позже (2 августа 1918 года) в Архангельске,
но в столь ограниченном размере, что имел сравнительно
мало влияния на ход гражданской войны в России.

Повстанцы-савинковцы держались в Ярославле до 19
июля, после чего красные заняли город. Восстание было жесто-
ко подавлено и значительная часть города вместе со старин-
ными церквями была разрушена до основания артилле-
рийским обстрелом и бомбежкой и аэропланов. У красных
было превосходство оружия и численное превосходство
красной армии против нескольких сотен бывших
офицеров.

Полковник Перхуров спасся на лодке по Волге (позже
он был схвачен и расстрелян в 1922 году). Савинков также
спасся и направился в Казань. Повстанцы принуждены были
сдаться под защиту немецкого лейтенанта, который был в
Ярославле с большим количеством германских военноплен-
ных. Однако красные принудили немцев выдать 57 наиболее
активных повстанцев, каковые были расстреляны, а также
следственные органы ЧК захватили до 350 подозреваемых
участников восстания и предали их смерти (по слухам, то-
пили их на баржах на Волге и пр.). Борьба с партией соцрево-
люционеров и с бывшим офицерством разгоралась: 30
августа 1918 года один молодой офицер Кенигиссер застрелил
начальника Петроградского ЧК Урицкого, когда последний
направлялся к месту службы. Вечером того же дня стреляли
в Ленина, было сделано 3 выстрела у фабрики Михельсона,
Покوشение было сделано некоей Фани Каплан, которая от-
была в прежнее время тюремное заключение в Сибири, была
тогда анархисткой, а позже стала соцреволюционеркой.
Пуля попала в грудь и левое плечо. "Все это послужило пси-
хологическим стимулом для одного из самых жестоких
взрывов организованного революционного (массового)
террора, который знает история со времен французской
революции." (Воспоминания Гинса и в переводе Чемберлена
с английского "Русская революция").

ЧЕХОСЛОВАКИ И ДВИЖЕНИЕ БЕЛЫХ

Все эти восстания и выступления против большевистской
власти на Востоке России были разрозненные, а потому обре-
чены на неудачу. Необходимо было наличие военной силы, хотя
бы путем вербовки добровольцев. И вот на Восточном фрон-
те появляется чехословацкий корпус, который был создан

Русским правительством еще во время мировой войны в виде бригады, в которую впоследствии включились и военнопленные чехи и дезертиры Австро-Венгерской армии. Этот корпус насчитывал до 50.000 бойцов и сыграл положительную роль в деле образования белых вооруженных сил на Востоке России, т.к. он был единственной крупной организованной военной единицей во время большевистского переворота и в начале 1918 года. Заключение Брестского позорного мира между большевиками и немцами 15 марта 1918 года (ратификация договора) грозило чехам выдачей их Австро-Венгрии или Германии и полным уничтожением и потому они стали искать каких-либо путей избавления. Генерал Алексеев предложил чехам присоединиться к Добрармии, но они отказались сражаться за возрождение России (ничего не ответили), а присоединись они к белым на юге, и история пошла бы по другому пути... Наконец, в связи с изменившейся ситуацией на Западно-Европейском театре войны и в дипломатической среде чехословацкий корпус должен был по приказанию Французского командования двинуться на Восток в порт Владивосток для погрузки на суда с целью переброски их во Францию на фронт борьбы с Германией, если мирные переговоры Западных союзников с Германией, которые стали намечаться, не увенчаются успехом. Чехи грезили о самостоятельной и независимой Чехии, а Россия, спасшая им жизнь как дезертирам, была для них безразлична. И вот весной 1918 года двинулись чешские эшелоны по всей Сибирской ж.д. магистрали на восток к порту Владивостоку. 14 мая 1918 года в Челябинске на Западном краю Сибири произошло на первый взгляд не слишком большое недоразумение, вызвавшее затем вооруженное столкновение между чехами и большевиками.

ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, БОРЬБА ЧЕХОВ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ, ВОССТАНИЕ ПРОТИВ НЕЕ ОФИЦЕРСТВА И ДРУГИХ СИЛ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

В указанный нами день (14 мая 1918 г.) произошло столкновение группы венгерских военнопленных с чешскими солдатами из-за того, что один венгр ударил железным куском одного из чешских солдат (в Челябинске); завязалась обшая драка, а зачинщик драки - венгр был убит. Этот эпизод стал искрой, воспламенившей гражданскую войну на огромной территории России. Челябинский совет 17 мая 1918 года арестовал несколько чешских солдат. Чехи потребовали их освобождения, насильственно освободили их, захватили город и разоружили красногвардейцев. Тогда центральная советская власть из Москвы стала принимать меры к аресту, разоружению и роспуску отрядов чехословацкого корпуса.

”Каждого чеха, найденного на железной дороге с оружием — расстреливать на месте,— гласила телеграмма Троцкого от 23-25 мая 1918 года. Всюду начались по железной дороге вооруженные столкновения между чехами и советами как на востоке Европейской России, так и в Сибири и всюду жд. станции и города стали переходить в руки чехословаков, в частности, Самара 8-го июня 1918 года, центральный пункт на Средней Волге. Советы были не готовы для для борьбы и власть ведь была ”на местах”, они не могли противиться дисциплинированной армии .

С чехами соединились имевшиеся налицо так же, как и на юге России отряды добровольцев из русских офицеров, оставшихся верными солдат и казаков и патриотически настроенной школьной и университетской молодежи, которая стремилась к освобождению России от власти коммунистического интернационала, а также подпольные организации социалреволюционеров; последние так же, как и офицеры готовились и до выступления чехов. Во всяком случае, выступление чехов сдерживало напор большевиков и дало возможность собраться русским добровольческим группам. Но не следует и переоценивать роли чешского выступления ибо, как это отмечает Гинс в своей книге ”Сибирь, союзники и Колчак”:"Еще с марта месяца 1918 года во всех городах Сибири начались нападения на склады оружия и цейхгаузы и систематическое их ограбление. Это выполнялось офицерскими организациями”. Стало быть, сами русские люди уже готовились к борьбе с большевиками. Случайность выступления, начатого чехами, сказала сейчас же своей оборотной стороной медали, ибо еще не было продуманного до конца плана организации повстанческой власти, администрации, экономических мероприятий и т.п... Тот час же появилось несколько претендентов на власть, несогласованность действий политических партий. Все движение приобрело хаотический характер”. В общем, к лету 1918 года Сибирь еще не была подготовлена к свержению большевизма, ибо ни крестьяне, ни, тем более, рабочие не могли еще проникнуться враждебным к большевизму настроением, замечает Гинс в упомянутом выше труде, главе 2-й; не могло его чувствовать и казачество, весьма мало отличавшееся в Сибири от старожил-крестьян” и далее тот же писатель и видный член Сибирской администрации Управляющий делами Правительства Гинс так оценивает шансы антибольшевизма к лету 1918 года:” Рисковать выступлением, пока оно не началось в Европейской России было неблагоприятно. Слабонаселенная и лишенная промышленности окраина была бы не в состоянии справиться со взятой на себя задачей”. Ведь большевизм, полагает он же, не успел проявить себя в Сибири с отрицательной стороны — зверских расправ, продовольственных отрядов и реквизиций хлеба у крестьян и т.п.

Но возникает невольно вопрос, как долго надо было бы ожидать, пока население Сибири прочувствует "все прелести" Советского режима, и не будет ли тогда уже сделать это слишком поздно?

ЗАХВАТ ЧЕХАМИ И БЕЛЫМИ ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА И СИБИРИ

Как бы там ни было, все среднее Поволжье, Урал и Сибирь, по крайней мере, по железнодорожной магистрали, Дальний Восток к середине лета были очищены от большевиков. Так: Уфа на Урале была занята чехами 4 июля 1918 года, Симбирск был захвачен полковником Каппелем в одном из его рейдов 21 июля, затем пал Вольск, а 6 августа 1918 года армией Самарского правительства, т.е. Комитетом Учредительного Собрания (КОМУЧ-ем) была захвачена Казань комбинированной атакой с суши и с реки Волги. Захват Казани был особенно тяжкой потерей для Советов, т.к. золотой запас ценностью в 651 млн.руб. бывшего императорского правительства, перевезенный сюда для безопасности, был захвачен Комучем вместе с городом Казанью.

На другой день после падения Казани разразилось восстание против большевистской власти со стороны рабочих государственных заводов Ижевска к Северо-востоку от Казани в бассейне реки Камы. Здесь рабочие имели свои собственные дома с приусадебными участками и огородами, молочным скотом и пр. Они стали яркими сторонниками демократии под влиянием также агитации меньшевиков и соцреволюционеров, вознегодовали против позорного Брестлитовского мира, заключенного большевиками с немцами 15 марта 1918 года, ниспровергли Советы и установили демократическое управление (7 августа 1918 года). Некоторые видные большевики были перебиты, много других арестовано. Рабочие организовали местную военную силу. Их чувства отражались в воззвании к рабочим: "Товарищи рабочие! Большевики обещали вам хлеб, а дали всю восьмушку хлеба рабочим Петрограда и Москвы и тысячи вагонов хлеба Германии по Брестскому договору. Товарищи крестьяне! Вы знаете, как хлеб был взят от вас. Вы получили за него вместо денег штыки и пулеметный огонь".

Восстание отсюда перекинулось на Воткинские заводы и город Сарапул и продержалось до ноября 1918 года, когда рабочие повстанцы должны были отступить на Восток под давлением наступающих красных. Воткинские и Ижевские рабочие добровольно шли рекрутами в антибольшевистские армии и в дальнейшем упорно сражались за Колчака даже тогда, когда его режим уже был в состоянии распада (в конце 1919 года).

ФРОНТЫ БЕЛЫХ И КРАСНЫХ, ПРАВИТЕЛЬСТВА КОМУЧА, СИБИРСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Два правительства образовалось в результате первых успехов чехов в Приволжье, а именно: так называемый Западно-Сибирский комиссариат и правительство комитета членов Учредительного Собрания — КОМУЧА в Самаре.

Первый (Западно-Сибирский "Комиссариат") объявился 1 июня 1918 года после первых побед чехов. Инициатива исходила от 3-х лиц Маркова, Михайлова и Линдберга, бывших членов Всероссийского Учредительного собрания и председателя Томской Уездной Земской Управы Сидорова. Были немедленно же восстановлены демократические органы местного самоуправления, свободная торговля, население обеспечивалось продовольствием и обещали в кратчайший срок созвать Учредительное Собрание. Сибирь в данный момент получила полную автономию и имела бело-зеленый флаг, символ ее снегов и лесов.

Но вскоре комиссариат, руководимый партией социал-революционеров был заменен Правительством, возглавляемым Петром Вологодским, в составе 5 министров Сибирского правительства с политической программой умеренного либерализма без какой-либо примеси социализма. Эта смена режимов произошла 30 июня 1918 года. Все Советские декреты были аннулированы, полностью отменены и частная собственность во всех ее формах была восстановлена в Западной Сибири. Для борьбы с большевистскими силами на Урале были призваны рекруты на основе всеобщей мобилизации. Военный министр Гришин—Алмазов, молодой офицер, игравший руководящую роль при свержении Советов, говорил, описывая новую армию в Сибири: " без комитетов, съездов, митингов, без ограничений прав офицеров". Он строил армию на началах строгой дисциплины.

ПРАВИТЕЛЬСТВО КОМУЧА

В Самаре на Средней Волге возобладал более радикальный тип правительственного режима в духе программы социал-революционеров. Правительство это образовалось в Самаре 8 июня 1918 года в результате оккупации чехами этого города и разоружения красной гвардии. Вся гражданская и военная власть принадлежала 5 членам бывшего, распущенного еще

в 1917 году большевиками, Учредительного собрания в Петрограде (Брушвиту, инициатору приглашения чехов в Самару, Фортунатову, Климушкину, Вольскому и Нестерову), членам эсеровской партии. Советы были тотчас же распущены, были восстановлены земства и органы городского самоуправления. Их лозунгами были: "Единая, независимая свободная Россия", "Вся власть Учредительному Собранию". Был возглашен и восстановлен лозунг свободы слова печати, собраний", принцип не соблюдавшийся в пылу гражданской войны. Тысячи большевиков заполнили тюрьмы, а их восстания подавлялись с безжалостной строгостью. Много помог Комучу отважный и талантливый командир полковник Каппель с его налетами в тыл красных. Были заняты Уфа, Симбирск в июне 1918 года и, наконец, Казань в августе 1918 года. Подробности деятельности полковника, а затем генерала Каппеля В.О. см. в книге А.А. Федоровича (издание Русского дома в Мельбурне "Генерал В.О.Каппель").

ФРОНТЫ ПРОТИВНИКОВ ЛЕТОМ 1918 ГОДА

Тянулись от Перьми на Северном Урале до Оренбургских степей Средней Азии. На таком огромном пространстве было очень мало военных сил у обеих сторон (65.000 красных бойцов против приблизительно 50.000 чехов и русских антибольшевиков), причем одни вклинивались в расположение других и не было регулярной связи и координации действий у разных частей одной и той же армии. Перспективы Самарского правительства эсеров, несмотря на огромность занятой им территории, были не блестящи. Не было подъема народного энтузиазма, не было желания ко вступлению добровольцев в ряды Народной армии со стороны крестьянства. Ее поддерживали бывшие офицеры и интеллигенция. Ранний успех Народной армии (название армии КОМУЧа) объясняется в значительной степени дезорганизованностью и стихийностью образования военных сил у красных по началу, а также упомянутыми выше нами беспорядками и восстаниями в центре (Движение левых эсеров в июне месяце 1918 года) и попыткой командира Волжского фронта красных Муравьева (быв. члена партии левых эсеров) повернуть войска против Москвы в период восстания левых эсеров в Москве в начале июля 1918 года. Попытка Муравьева не удалась, но все это мешало стабильности красных сил. С введением в Красной армии дисциплины Народная армия стала терпеть потери и поражения.

Имело также очень большое значение и то, что правительство членов Учредительного собрания (КОМУЧа) не было популярно среди крестьян, которые, не терпя реквизиций продовольствия и мобилизации рекрутов в Красную армию, когда они были подсоветскими, вследствие отчасти агитации большевиков опасались возврата земли помещикам обратно с приходом антибольшевиков. А вообще-то крестьяне по своей отсталости и усталости от мировой войны держались взглядов примитивного анархизма: "не платить налогов правительствам и не давать рекрутов в армию", а потому призыв Самарского правительства рекрутов в армию был встречен крестьянами холодно и недоброжелательно.

Был также и антагонизм между режимом Самарского правительства и Сибирского правительства, они пререкались из-за отдаленных целей (Сибирское правительство считало себя автономным местным, независимым, а Самарское правительство считало себя Всероссийским), а также задерживали ж.д. грузы на транспорте и вели таможенную войну. Было еще 3-е правительство на Урале в г. Екатеринбурге.

УФИМСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ДИРЕКТОРИИ

Для налаживания необходимого единства между существующими 3-мя антибольшевистскими правительствами в значительной степени под давлением чехов было создано и открылось в Уфе 8 сентября 1918 года. Совещание из представителей Омского и Самарского правительств, а также и других политических организаций и местных властей. В этом Совещании участвовала и почтенная "бабушка русской революции" Брешко-Брешковская, уже сильно огорченная и разочарованная ходом русской революции, были и другие соцреволюционеры и соцдемократы-меньшевики, стоящие за социализм и демократию, были и члены партии народной свободы (так наз. "кадеты") и офицерство, которое подчеркивало необходимость прежде всего создания твердого государственного порядка и авторитетной власти. Уфимское Совещание открылось при неблагоприятной политической погоде: 10 сентября 1918 года Красная армия, реформированная и более дисциплинированная, чем раньше, перешла в наступление и под руководством Троцкого захватила Казань (на Средней Волге). Скоро в их руки попал Симбирск и создалась серьезная угроза Самаре,, столице КОМУЧа. Все это сильно ослабило позицию эсеров и усилило позицию либералов, офицерства в Уфимском сове-

щании. Наконец, был найден компромисс. Было создано новое Всероссийское Правительство — "Директория" из 5 лиц. В состав Директории вошли 2 умеренных социалиста Авксентьев и Зензинов, из них первый занимал в кабинете Керенского при Временном Правительстве пост министра внутренних дел, проявил преступную мягкость в отношении взбунтовавшихся большевиков, а второй т.е. Зензинов был крайне узких партийных взглядов (соцреволюционер) и неопытен в вопросах управления (по характеристике Гинса в его труде "Сибирь, союзники и Колчак". Остальные члены Директории были более умеренных взглядов, из них П.В. Вологодский был судьей, прокурором, затем адвокатом членом 2-й Государственной Думы, был избран председателем Сибирского казачьего войска, вся Сибирь знала его как безукоризненного, идейного, честного и смелого человека, выдающегося оратора и общественного деятеля, но он был уже не во цвете лет и сил. Тяжелые переживания при большевизме наложили на него'тяжелую печать (то же по Гинсу). Генерал Болдырев В.Г. был в Николаевской военной академии, имел отличия в Японскую и Мировую войну, дошел до командования корпусом, получил командование 5-й армией. За непризнание Октябрьского переворота и распоряжений Главковерха Крыленко был арестован, освобожден скоро и организовал в Москве вместе с генералом Алексеевым "Союз возрождения России". Генералу Болдыреву нужно было в Сибири еще создать себе авторитет и здесь в армии он был мало известен (из труда того же Гинса). Наконец, В.В. Виноградов, юрист, адвокат принадлежал к партии народной свободы, был человек умеренных взглядов в области политики, но поддавался иногда увлечениям в сторону социалистов подобно его другу, к.д. Некрасову, виновнику гибели генерала Корнилова при Керенском (тоже по Гинсу). Что же на деле представляла собою Директория? Каковы были ее первые шаги и характер ее деятельности?

Директория рассматривала себя как возродившееся Временное Правительство (1917 года), которое должно было функционировать до созыва в будущем Учредительного собрания, в каковом уже окончательно должен быть установлен порядок и форма правления (монархия или республика); поэтому Директория, как предполагалось, должна была обладать всей полнотой власти, т.е. быть безответственной и бесконтрольной, должна быть единым носителем верховной суверенной (державной) власти. Но на деле-то оказалась некоторая иллюзорность, некая только видимость власти. Вместо того, чтобы направлять энергию на борьбу с большевизмом, лучшие силы тратились на междоусобицу.

Началась борьба с Административным Советом Сибирского областного Правительства. С момента, когда Вологодский (председатель Директории) вернулся 18 октября 1918 года или по н.ст. по другим источникам 9 октября 1918 года, началось местонахождение Директории в Омске и продолжалось до ее падения 18 ноября 1918 года, т.е. всего в течение месяца с небольшим. Деятельность ее развивалась в атмосфере враждебности, заговоров и интриг.

С одной стороны, соцреволюционеры оказывали партийное давление на своих представителей Авксентьева и Зензинова, чтобы те действовали, исходя из программы и требований их лидеров, их вождей, с другой стороны, вследствие этого и вообще Директория была непопулярна в военной среде. Возгорелась горячая борьба из-за лиц, из-за министерских портфелей, например: была выставлена кандидатура Савинова (бывшего деятеля в кабинете Керенского) на пост министра иностранных дел, и отпала из-за враждебности к ней Авксентьева, члена Директории по старым между ними счетам и расхождениям.

Появился и сразу был признан как бесспорный и не имеющий конкурентов кандидат в военные министры адмирал Колчак, прибывший с Востока с намерением проехать затем к генералу Леникину, но в Омске ему оказали радушный прием и уговорили остаться для работы в Правительстве Директории. Были окончательно таким образом распределены министерские портфели, была сделана декларация о прекращении деятельности областных правительств, ранее независимых и представительных учреждений, о пересмотре функций власти, законодательства и об единстве Армии.

ПЕРЕВОРОТ 18 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

Скорый конец Директории можно было предвидеть с самого начала ее образования. Директория явилась в результате компромисса между правым и левым крылом антибольшевистской России, члены ее в общем-то люди умеренных политических взглядов, а компромисс, уступки и умеренность не популярны во время гражданской войны, в момент сдвигов и переворотов. Директорией были недовольны соцреволюционеры особенно их вожди в Екатеринбурге. С другой стороны, офицерство было сильно недовольно расхлябанностью, слабостью, колебаниями директоров и, в частности, имело место совместительство директоров, как органов Верховной власти с министерскими постами, что парализовало деятельность Совета министров, как исполнительного органа.

(Объяснение этого совместительства заключается отчасти в бедности Сибири квалифицированными чиновниками и общественными деятелями). Сгубили Директорию ее коалиционность (т.е. отсутствие единой власти), борьба течений внутри ее самой, слабость ее действий, половинчатость ее решений, отсутствие реальности и опыта в политике. Директория не следовала событиям. Жизнь шла мимо... Нависшая угроза переворота, вспышки негодования были ускорены изданием и распространением прокламаций Центра эсеровской партии, отражавших негодование центра партии против сдвигов вправо в политике и в Сибирской общественности. Одна из таких прокламаций, впрочем принадлежавшая уже еще более левому лидеру партии эсеров Чернову, призывала к подготовке партии активно противодействовать политике Директории.

Кризис назревал все более и левые члены Директории Авксентьев и Зензинов чувствовали себя как на вулкане, готовом извергнуться в любой момент, о чем они докладывали своим коллегам в Екатеринбург еще 30 октября 1918 г. Наконец, 17 ноября 1918 года совершился государственный переворот: Небольшая группа видных эсеров, включая Авксентьева и Зензинова была арестована на квартире тов. министра внутренних дел Роговского, где имелась охрана, но она была разоружена противобольшевистским отрядом полковника Красильникова. Вот как повествует о случившемся уже перевороте автор книги "Сибирь, союзники и Колчак":

"Разбудил (Гинса т.е. автора) рано утром 18 ноября секретарь Вологодского: "Вы ничего не знаете?" "Нет." "Директория арестована". "Сейчас экстренное заседание совета министров". Явились члены Совета Министров, приходит и Колчак. Он только что прибыл с фронта, куда поехал сейчас же по назначению его министром еще при Директории... Все стараются говорить о посторонних вещах. Вологодский открывает заседание, сообщает об аресте членов Директории и заместителей... Что же дальше?... Переворот для большинства присутствующих был совершенно неожиданным, но автор книги Гинс слышал от одного офицера, что все военные были бы рады видеть вместо Директории одно лицо. О перевороте ничего не знал и адмирал Колчак... Прения пошли по пути искания форм власти. Факт свержения Директории был признан. Восстановление Авксентьева и Зензинова казалось немислимым. Оставшиеся 3 члена Директории были бы суррогатом Директории. Форма Директории была скомпрометирована... Значит диктатура? Задал вопрос председатель. Тогда взоры всех обратились на адмирала Колчака. Называли правда кандидатов - генерала Болдырева и генерала Хорвата,

но они оказались менее популярными и не могли конкурировать с адмиралом Колчаком. Хотя близко Колчака не знали в Совете министров, но его имя было известно всей России. Произошла баллотировка. За адмирала Колчака были поданы все голоса, кроме одного. Так совершился переход к диктатуре или вернее адмирал Колчак принял на себя крест власти. Приводим дословно обращение его к населению со следующим воззванием: "Всероссийское Временное Правительство (Директория) распалась. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает и осуществлять великие идеи свободы, ныне провозглашенные ко всему миру. Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвами. Верховный Правитель Колчак 18 ноября 1918 года Омск".

А.В. КОЛЧАК, ЕГО БИОГРАФИЯ (вкратце).

Александр Васильевич Колчак — одна из наиболее ярких фигур нашего военного мира (повествует о нем, можно сказать, его биограф Гинс) хорошо известный не только в России, где его имя произносилось с благоговением; он был также известен и за границей и во время 1-й мировой войны, заслужил славу одного из наиболее храбрых и способных морских офицеров. Адмирал А.В. Колчак был особенно любим в русском флоте, в послереволюционное время он стал известен всей России как блестящий командующий Черноморским флотом, так как именно он сохранил флот дольше других от неизбежного разрушения. Его личность представляется как исключительно светлая рыцарственная честная и искренняя. Он был значительным русским патриотом, умным и образованным: ("Пути верных" Лампе).

А.В. Колчак был сыном инженера и своим продвижением по службе был обязан не какой-либо протекции, а только своим личным заслугам. За ним была слава отважного полярного исследователя, участника нескольких экспедиций в Ледовитый океан. В последней экспедиции он был уже самостоятельным начальником и получил золотую медаль от Акаде-

мии наук за отважную экспедицию 1912 года. В Русско-Японскую войну Колчак был в распоряжении адмирала Макарова; в Порт-Артуре командовал миноносцем, совершил ряд смелых нападений на сильнейшую эскадру противника, командовал батареями морских орудий на сухопутном фронте крепости. За Порт-Артур получил золотое оружие.

Во время войны с Германией Колчак отличился сначала в Балтийском море в боях с превосходящими морскими силами Германского флота, а затем в должности командующего Черноморским флотом обеспечивает господство России в Черном море. Во время революции, когда происходили волнения во флоте, особенно эффектно — сцена, когда адмирал бросил в волны свое Георгиевское оружие, спасая его от матросов-большевиков. Считая впоследствии еще при Временном Правительстве Керенского, что военные силы России разрушены, но Колчак предпочел выехать из России и отправился в Америку с официальным ответным визитом американским морякам. Перед свержением большевиков в Сибири адмирал просил англичан принять его на службу для участия в войне с Германией. Он получил предложение отправиться в Месопотамию, но по просьбе Российского посланника в Пекине, возвратился с дороги и принял участие в организации военных сил на Дальнем Востоке. После избрания Директории он направился к генералу Деникину через Сибирь, но в Омске ему предложили пост министра по военным и морским делам... Далее адмирал Колчак стал Верховным Правителем, как мы выше описали, неожиданно для себя, до последнего дня не зная о павшем на него жребии.

Как человек, адмирал подкупал своей искренностью, честностью и прямоотой. Будучи скромным и строгим к себе, отличался добротой и отзывчивостью к другим. Как администратор адмирал был лишен свойств неограниченного властителя. Войскам, желавшим видеть того "За кого они сражались" он сказал: "Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я — такой же солдат, как и вы". К некоторым недостаткам в характере Верховного Правителя, по свидетельству упомянутого нами Гинса, можно отнести, что он был человек кабинетный, замкнутый, очень часто становился угрюмым, неразговорчивым, а когда хворал, терял равновесие, обнаруживал крайнюю запальчивость, отсутствие душевного равновесия, он легко привязывался к людям, которые были возле него (м.б. не всегда оценивал их по достоинству). Была и несдержанность и неуравновешенность. Что-то глубоко трагическое чувствовалось в наружности и характере человека, который был выдвинут судьбой на первое место в антибольшевистской России. История бережно сохранит его имя и потомство будет чтить его память.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ И РЕЖИМ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА КОЛЧАКА

В первое время своей власти тяжело пришлось Верховному Правителю адмиралу Колчаку. Солдат душой, он целиком отдавал себя солдатскому делу, посещал казармы, которые были грязны, многие без печей, не оборудованы; части воинские, многие из них были необуты, полураздеты, осеннего призыва. Обо всем он проявлял заботу, сосредотачивая главное свое внимание на военных делах, подготавливая наступление — Пермскую операцию. Ему много мешали болезнь его самого, восстание в Омске (22 декабря 1918 года) с необходимым подавлением вооруженных рабочих большевиков, но имела место, к сожалению, излишняя жестокость и самоуправство отдельных воинских чинов, что произошло вопреки прямому желанию адмирала Колчака помиловать виновных, но это все повлияло отрицательно за границей. Имели место заговоры эсеров и пр. "Пожар не был потушен" замечает Гинс, Верховная власть не была однако деспотичной, она была законной, ограниченной рамкой действующих законов. (Подобно тому, как это было в строительстве государства у Петра Великого). 29 января 1919 года имело место открытие действующего Сената его "Присутствия" и Верховный правитель принес присягу служить Государству Российскому, не щадя жизни, а верховную власть осуществлять согласно законам Государства. Была проведена свобода торговли и отказ от регламентации цен на рынке. Были заботы о финансах государства, ибо большевики, покидая Сибирь в 1918 году, унесли с собой 167 пудов золота и 500 пудов серебра. Была осуществлена забота о трудящихся, о биржах труда, о больничных кассах, пособие иногда доходило по размеру до дневного заработка рабочего.

Была забота и в области культурной деятельности — народные Университеты и внешкольное образование. В области земельного регулирования — 3 апреля 1919 года было принято постановление, что урожай с помещичьей земли (в Европейской России) принадлежит тому, кто засеивал эту землю (в интересах продовольственной политики для армии и города и в интересах мелких землевладельцев — крестьян). В окончательном виде обещалось разрешение векового земельного вопроса в будущем Национальном Собрании, а до этого бывшие помещичьи земли (в Европейской России) сдаются в аренду крестьянам органами Государства. На эти земельные законы были большие нападки справа и слева (крестьяне например в большинстве случаев понимали аренду как признание государством земли "помещичьей").

Были успехи и в области строительства всего Государства Российского и дипломатические успехи, так: генерал Деникин уведомил, что он признает Верховную власть адмирала, на что Верховный Правитель адмирал Колчак ответил, что основные начала политики и военной программы Добрармии совершенно разделяются им и Правительством. 19 января 1919 г. Высокий комиссар Великобритании выразил горячее сочувствие к установлению свободного Русского государства (в Омске). То же выразил и Высокий комиссар Франции Реньо.

БОИ НА ФРОНТЕ МЕЖДУ УРАЛОМ И ВОЛГОЙ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1919 ГОДА

Ход борьбы был первоначально с колебаниями в ту и другую сторону. В возмещение к продвижению красных на юге от Волги в восточном направлении с занятием ими Уфы и Оренбурга—Сибирская армия правым крылом ее на Севере имела большой успех (согласно труду Чемберлена "Русская революция").

Как раз в это время, повествует Гинс, молодые Сибирские части совершили свой замечательный поход на Пермь. В конце декабря (23 декабря) 1918 года колонны белых войск сделали громадный Суворовский переход с боем при 25 градусном морозе по глубоким снегам. Войска генерала Пепеляева А.Н. взяли Пермь, захватили 8000 пленных, массу вооружения и военных запасов. Беглецы-красноармейцы, убегая, вносили панику в тыл. Генерал Пепеляев Анатолий Николаевич покрыл себя славой взятием Перми. Ему было тогда только 27 лет. На войну с Германией он ушел поручиком, окончив Павловское военное училище, во главе разведчиков и сотни казаков разбил 2 батальона германцев, вернул потерянные окопы и получил за это Георгиевский крест. В 1916 году он командует батальоном, при развале армии возвращается в родную Сибирь уже полковником. Здесь он организует офицерскую антибольшевистскую армию, которая весной 1918 года присоединяется в Томске к чехам. Вместе с их офицером Гайдай он идет освобождать Сибирь. Он вел такой же образ жизни как и солдаты, разъезжал каждый день по своим полкам, разговаривал с солдатами, пел с ними песни... и солдаты обожали его... он был очень популярен (по Гинсу).

И вот начались весной 1919 года крупные успехи, победы, триумф адмирала Колчака, который отбыл на фронт в феврале месяце 1919 года, был на передовых позициях, где серый солдат творил великое национальное дело, старался

ободрить солдат, обласкать. Оренбургские казаки бурно приветствовали его... Солдаты, когда Колчак бывал и на передовых позициях, воодушевляясь приездом своего вождя, идут в атаку, отбивают орудия, пулеметы, берут несколько деревень. Повсюду, где проезжал Верховный Правитель (Сибири) рабочие, купцы, крестьяне, духовенство подносили ему хлеб-соль, выражали восторг по поводу избавления от страшного ига и благодарили за спасение. На фронте начались крупные победы. В марте был взят Оханск.

Через несколько дней наголову разбитые красные в панике оставляют всю Каму и бегут к Вятке, а в марте месяце согласно телеграмме 14 марта 1919 года "После стремительного удара наших войск, красные в панике оставили Уфу". На Севере лыжники Сибирской армии вошли в соприкосновение с войсками Архангельского Правительства. Но признания де-юре Правительства адмирала Колчака союзниками все-таки не было и помощь их оставалась случайной и бессистемной. Однако все же создавалась уже серьезная угроза Приволжским городам Казани и Самаре на средней Волге в то время как Сибирская армия под командованием генерала Гайды достигла города Глазова Вятской губернии в июне 1919 года на полпути между Пермью и Вяткой.

ЗАТРУДНЕНИЯ НА ВОСТОЧНЫХ ФРОНТАХ

Мало-помалу начинаются однако сильные затруднения при продвижении белых (с апреля, в мае и июне 1919 года) на Восточном фронте. Сильно ослабляло армии адмирала Колчака (всего было 3 армии) постоянное соперничество в борьбе за запасы и недостаточность военного сотрудничества между ними. Не хватало снаряжения и инструкторов (офицеров, унтер-офицеров и пр.). Необученные рекруты обычно разбегались по домам при первой серьезной неудаче. У большевиков применялась в этих случаях агитация и жестокий террор. (по труду Чемберлена "Русская революция т.2).

Но и у Гинса в его повествовании в главе 15-й "За кулисами" прорываются ноты беспокойства, так: "уфимская операция оказывается неудачной. Противник вышел из петли и сохранил главные силы, но Красная армия продолжала отступать. Занят был белыми Белебей, приближались к Бузулуку; на реке Каме дошли до Чистополя, который захватили внезапным ударом. Эвакуированные из Самары учреждения стали готовиться к возвращению. Настроение было бодрое, полное надежд. Но вместе с тем чувствовалось величайшее напряжение. Начиная с конца марта, призыв следовал за призывом. В армию требовали не только солдат, но и офи-

церов. Призывы начали поглощать всю скудную интеллигенцию. С Россией боролась Сибирь. Нужда вопиющая чувствовалась в людях. Бросалась в глаза разительная бедность в интеллигентных силах, их не хватало всюду: в администрации, в прессе, в войсках.

Население крестьянское устало от войны, затяжная война приводила его в отчаяние, ему надоело возить без конца то красных, то белых, надоели постоянные мобилизации.

Вот именно инерция огромной массы населения (крестьянства), которая ничего не знала, ничего не понимала, и ничего не ценила и сыграла главную роль в затруднениях, а затем и в переломе хода событий на фронте. Это население видело, что у белых порядку стало больше, но власть ничего не могла ему дать, а только брала. Мануфактуры не получали, вместо чаю рабочие пили настои из трав. В Сибири еще не раскусили "прелестей" большевизма, не успели; лишь на Урале относились к нему как к "дьявольскому навождению".

ПЕРЕЛОМ НА ФРОНТЕ

И вот начался перелом на фронте и упомянутый нами Гинс драматически отмечает в своем труде "Сибирь, союзники и Колчак" в главе 17-й "на Урале", что на Самарском направлении наши войска потерпели большую неудачу. "Возможно, что будет оставлена даже Уфа" (в предгорьях Уральского хребта) — сказал адмирал Колчак с твердостью и суровостью, за которыми чувствовался подавленный стон. "Какой мученик, восклицает Гинс, можно только подумать, глядя на него и прощая ему всю нервозность. Но шапку Мономаха — терновый венец надел он на свою честную голову".

Перелом на фронте вполне обозначился, когда красные под командованием Михаила Фрунзе, который стал впоследствии военным комиссаром, нанесли сильный удар в левый фланг Западной армии, которая во время этого наступления красных редко и небольшими силами была развернута на обширном фронте. Причем, успеху красных много поспособствовало восстание в Украинском отряде армии адмирала Колчака, солдат, которые перешли на сторону красных. Штаб адмирала Колчака не смог парировать угрозу Фрунзе. Имело значение, конечно, количественное превосходство советских военных сил. Таким образом, в мае месяце Белый фронт перешел к отступлению от Приволжских степей к Уралу, а 9 июня 1919 года Красная армия заняла Уфу, форсировав реку Белую, начальный пункт наступ-

ления (белых). Затем, хотя, как выше было упомянуто, генерал Гайда на Севере занял город Глазов, вскоре отступление белых перекинулось и сюда. На крайнем юге длинного фронта на территории Оренбургского и Уральского казачеств белые также потерпели поражение и в конце концов попали в зажим между Красной армией с Запада и Туркестанских Красных сил, двигавшихся с юго-востока. Часть более решающая вышла из западни длинными и трудными маршами через безводные киркизские степи. Между тем на Севере был занят Златоуст 13 июля, а на другой день столица Урала Екатеринбург.

Правитель и Верховный главнокомандующий Колчак сместил генерала Гайдю, который направился во Владивосток в специальном поезде с богатейшей награбленной военной добычей. Был назначен генерал Дидерихс командующим его силами. Последний намеревался отступить несколько в Сибирь привести войска в порядок и остановиться на естественных рубежах защиты Западной Сибири, на реке Тоболе и др., но молодой начальник штаба Лебедев, чья самоуверенность и грубые ошибки уже повлияли неблагоприятно на ход всей кампании, добился согласия от впечатлительного адмирала Колчака на сложный маневр окружения и уничтожения врага в г. Челябинске. План этот требовал для исполнения строго дисциплинированную армию и опытных вождей военачальников, а силы белых были сильно истощены отступлением и боями, а некоторые части были б.м. деморализованы. Бои у Челябинска в последних числах июля и начала августа кончились поражением белых, было взято до 15.000 пленных красными.

Способствовал этому поражению также и переход рабочих Челябинского Депо на сторону Красных, которые и решили судьбу сражения в пользу последних.

ОТСТУПЛЕНИЕ И БОИ В СИБИРИ, СДАЧА ОМСКА (август, сентябрь, октябрь и ноябрь 1919 года)

Кратко последствия этого перелома на фронте и отступление белых так изложены А.А. Лампе в его Сборнике "Пути верных" (стр. 41).

" В конце мая 1919 года началось отступление, которое безостановочно развивалось и продолжалось до начала 1920 года, т.е. до того времени, когда прекратили свое существование остальные фронты белой борьбы и в конечном счете, привело к крушению Восточного фронта. Время от времени части переходили в наступление, но это не могло ничего изменить в общем положении — силы сдавали и не было никакой возможности их восстановить. В тылу были восстания. Разрушительная работа социалистов, которые не были

окончательно уничтожены, обнаружила свои следы. В ноябре 1919 года пал Омск, оставленный правительством адмирала Колчака. Чехи, как и прежде, "охраняли" железнодорожную линию. Их тогдашняя деятельность может быть правильно охарактеризована популярной тогда в армии песенкой, в которой были слова:

Наши с нашими воюют,
Чехи сахаром торгуют".

Остановимся несколько подробнее на отдельных моментах этого отступления. Вскоре после боев у Челябинска в конце июля, начале августа 1919 года осенью того же года стало очевидно, что существование режима адмирала Колчака было тесно связано с судьбой столицы его - г. Омска. Было сделано некоторое контр-наступление в последних числах сентября и отбили наступающие красные части от реки Тобола, но это не было решающим успехом и было последнее наступление. С середины октября Красная Армия, укрепленная новыми наборами рекрутов, опять двигалась на Омск, не встречая уже сильного сопротивления. Генерал Дидерихс - главнокомандующий, который ранее был при генерале Корнилове и Духонине генералом квартирмейстером и имел в Сибири также большой авторитет, хотел ввиду безнадежности контратак ускорить эвакуацию Омска, упорядочить ее, но адмирал Колчак имел неосторожность довериться и положиться на совет самоуверенного генерала Сахарова, командующего 3-ей армией, что Омск возможно будет удержать и назначил генерала Сахарова главнокомандующим. Скоро однако новый главнокомандующий убедился в невозможности защитить столицу Омск и от проведения его плана по защите Омска "как неприступной крепости" получилось еще большее замешательство и дезорганизация при отступлении. Красная Армия вошла в Омск 14 ноября 1919 года. Это не могло быть неожиданностью, ибо положение на фронте было слишком тяжелое, почти безвыходное: смерть безжалостно косила ряды бойцов, погода была отвратительна. Солдаты мерзли в окопах. Вновь мобилизованные солдаты, несколько тысяч человек были ненадежны, ибо мало верили в победу, а в гражданскую войну, кто наступал, тот и вел за собой массы. Нерадостные сообщения о крушении на Южном фронте генерала Деникина и на Западном фронте генерала Юденича не могли также ободрить сражающихся. Ведь главнокомандующий генерал Дидерихс в свое время по соглашению с командующими армиями генералом Сахаровым, генералом Лохвицким и генералом Пепеляевым решил уже отступить, не останавливаясь перед сдачей Омска. Было последнее заседание Совета министров с Верховным

Правителем. Правительство тронулось в путь еще 10 ноября, но вместо плановой эвакуации получилась бесплановая из-за непродуманного плана генерала Сахарова, как выше было указано.

ВОССТАНИЕ В ИРКУТСКЕ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО (выдача адмирала Колчака)

После падения Омска чехи выпустили меморандум, обратившись с ним к Союзным правительствам (Франции, Англии и др.) за позволением немедленно вернуться на родину и получить право предупреждать "насилия", с чьей бы стороны они ни исходили. Имелось ввиду, т.о. не только ускорение возврата чехов на родину, но и примирение с русской оппозицией (партией эсеров), "которая, казалось, придет к власти после свержения правительства адмирала Колчака". И не случайно неугомонный (скажем мы, авантюрист) генерал Гайда сыграл активную роль в попытке свергнуть генерала Розанова-представителя Правительства Колчака на Дальнем Востоке во Владивостоке 17 ноября 1919 года одновременно с опубликованием указанного выше меморандума. При наступлении Красной Армии, многие города еще до прихода ее захватывались партизанскими отрядами или местными восставшими силами. Наиболее значительным было восстание в Иркутске, где имели место усилия Пепеляева Виктора Николаевича и его преемника, премьер-министра Червен-Водали найти соглашение с местными представителями радикальной оппозиции. Но это не удалось. Восстание разразилось в ночь на 27 декабря 1919 года и после нескольких дней стычек и схваток и неуспешного посредничества местного Союзнического Представителя, командир гарнизона генерал Сычев покинул город и в городе 5 января 1920 года пришел к власти так называемый Политический Центр, организация, включавшая в себя всю оппозицию режиму Верховного Правителя без большевиков только. Было объявлено о будущем созыве Учредительного Собрания, о мире с Советским Правительством и т.п. Однако рабочие и солдаты, принимавшие активное участие в перевороте, больше симпатизировали большевикам, чем вождям Политического Центра, как показали последующие события (по труду Чемберлена "Русская революция").

Между тем, Верховный Правитель Колчак испытывал наносимые ему удар за ударом. Также, как и Правительство, повествует Гинс, он попал в ловушку. Его задержали в Нижнеудинске в декабре месяце 1919 года, куда он прибыл поездом, еще в ноябре месяце 1919 года, выехав из Омска, и оторвавшись от главных сил армии. Его лишили связи с внешним

миром, не позволили тронуться с места... Силы народно-революционной армии в Нижнеудинске были настолько слабы, что конвой адмирала и председателя Совета министров Пепеляева В.Н. без сомнения легко справился бы с ними, но доступ в город был закрыт чехами, которые вышли уже из роли охраны дороги и перешли на роль хозяев транспорта. Чешский генерал Сыровой оправдывал это тем, что он выполнял приказ из Праги: "уходить, избегая соприкосновения с большевиками". Солдаты конвоя, между тем, разлагались односторонним освещением фактов, вносили сомнения в их души. Когда адмирал, получив от Совета министров предложение отречься в пользу Деникина, а от союзников - принять охрану чехов, изъявил на это согласие, то солдатам предоставили свободу действий, и они покинули правителя Колчака. А ведь в поезде было достаточно вооружения и адмирал мог бы вполне положиться на свои силы, если бы ему было предоставлено продвигаться вперед. Но согласившись на чешскую охрану, привыкший к благородству и верности данным обещаниям, адмирал отклонил предложение преданных офицеров припрятать пулеметы и согласился на полное разоружение. Из своего поезда адмирал перешел в вагон 2-го класса под союзническими флагами и чешским флагом. Адмирал взял с собой из поезда всего 18 человек. По прибытии на станцию Инокентьевскую у самого Иркутска (15 января 1920г. по н.ст.) оказалось, что попали в западню. Чехи не скрывали уже, что поезд дальше не пойдет. Когда помощник чешского коменданта вошел в вагон и заявил, что адмирал выдается Иркутским властям (красным), Верховный Правитель схватился руками за голову и у него вырвался вопрос: "Значит союзники меня предают". Но сейчас же он овладел собой. Адмирала и Пепеляева В.Н. в первую очередь повели в тюрьму. Через реку Ангару их вели пешком. На городской стороне их ожидали автомобили. Решение выдать было очевидно принято заранее. О последних днях и минутах адмирала Колчака имеются воспоминания капитана 2-го ранга А.П. Лукина, приведенные и цитированные А.А. Федоровичем еще в 1960 году в его статье "Адмирал Колчак" (№ 21 "Единения" от 27 мая 1960 года) вот эта цитата в подлиннике:

"Семнадцать дней длился допрос, 6 февраля (1920 г.) он оборвался. 7-го в мутных сумерках зимнего утра в мрачном дворе Иркутской тюрьмы адмирала ждала группа вооруженных красноармейцев. Отворилась дверь. Смелыми, решительными шагами вышел Колчак. Спокойный и мужественный остановился перед лицом смерти. Но тут произошло нечто совершенно невероятное: красноармейцы отказались стрелять... Смятение охватило двор. Забегали люди. Колчак спокойно курил папиросу. Во двор выбежал чекист Итаев. На мгновение остановился, оглянулся и быстрыми шагами направился

к адмиралу. Наступила ужасная минута. Двор замер... Адмирал в упор смотрел в глаза палача. Итаев выхватил револьвер. Сверкнул выстрел — с лицом залитым кровью, упал Колчак...”

К сказанному можно добавить немного: расстрел Колчака был ускорен, возможно, тем, что оставшиеся части армии под командованием Войцеховского, преемника генерала Каппеля, умершего от воспаления легких (см. труд Федоровича А.А. "Генерал Каппель"), появились к западу от Иркутска в это время, в то время, как атаман Семенов был постоянной угрозой с Востока. Но злодеяние остается таковым, ибо не было суда, а следствие производилось скоропалительно. Вооруженной командой чекистов начальником был чекист Чудновский. После расстрела тела адмирала Колчака и Пепеляева бросили в прорубь реки Ангары. Так был предан и убит Верховный Правитель Колчак.

ФИНАЛ БОРЬБЫ

За падением Колчака последовала гибель большого числа Сибирского образованного общества и среднего класса людей. Толпы беженцев, чиновников Правительства офицеров, их семьи вместе с прочим народом, искавшие убежища от большевизма в Сибири, вынуждены были двигаться теперь дальше на Восток, где их ряды быстро редели от болезней, голода и холода (от Сибирских морозов). Следует упомянуть еще, что Политический центр, пришедший на смену Правительства адмирала Колчака, просуществовал недолго, уже 21 января 1920 года подавлением Иркутских коммунистов из среды местных рабочих и солдат, этот политический Центр отрекся от власти в пользу революционного комитета, который состоял из 4-х коммунистов и 1-го левого социалистического революционера (по труду Чемберлена).

Продолжение описания отхода армии адмирала Колчака содержится в названном выше труде Федоровича о Ледяном походе в книге "Генерал Каппель", а заканчиваем здесь данный очерк в немногих словах следующим (из труда Чемберлена): Сибирь была свидетельницей ужасных сцен зимнего отступления армии генерала Колчака, во время беспорядочной эвакуации Омска, благодаря затору и пробке на железной дороге, созданной чехами, которые спешили уходить из России любой ценой. 200 поездов с беженцами и семьями офицеров были просто остановлены на морозе и получили название "поездов смерти". Оставшиеся зачастую без пищи, горячего и медицинской помощи несчастные люди погибали в огромном количестве. Особенно свирепствовала эпидемия тифа; тела умерших едва успевали похоронить из-за

боязни заразы. Оренбургские казаки с женами и детьми под командой атамана Дутова шагали тысячи миль по пустыням Центральной Азии, только чтобы спастись от большевиков. Из 150.000 бежавших только около 30.000 удалось пережить, когда они пересекали границу Китайского Туркестана. Трагедия меньшего размера случилась с Уральскими казаками, которые ринулись на юг через пустыни Средней Азии в Персию. Каждая ночевка была кладбищем, коротко сообщает генерал Акулинин (по Мельгунову). Сильным доказательством размаха лютой большевистской революции явилось это множество людей, которые согласны были терпеть всяческие лишения, рисковать даже самой жизнью своей, только бы не быть под советским игом. Их этих жертв социального переворота и классовой войны Сибирь получила свою долю полностью (по Чемберлену).

Для полноты сведений о гражданской войне на Востоке России считаю необходимым кратко сообщить читателям по информации господина Федоровича А.А. о финале этой борьбы, продолжавшейся на окраинах Сибири и Дальнего Востока — в феврале 1920 года армия бывшего адмирала Колчака под командованием генерала С.Н. Войцеховского ушла в Забайкалье, где была до ноября 1920 года (в численном составе около 30.000 бойцов). В ноябре 1920 года отошли в Китай и по Восточно-китайской железной дороге приехали в Приморье под командованием генерала Гр.Аф. Вержбицкого; в январе 1921 года прибыли в Приморье. С января 1921 года по май месяц того же года жили на положении беженцев, а в мае 1921 года произвели переворот. Образовалось Временное Белое Приамурское правительство во Владивостоке во главе со С.Д. Меркуловым, бывшим членом Государственной Думы. Белая власть держалась (последнее время возглавляемая генералом Дидерихсом) до октября 1922 года, когда после боев с Красной армией под командованием Уборевича (впоследствии казненного Сталиным) отошли за границу.

Так окончилось Белое движение на Востоке России.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ

Через 9 месяцев после начала Белого движения (прибытия генерала М.В. Алексеева в Новочеркасск к Донскому атаману, Каледину 2-го ноября 1917 года) вспыхнуло восстание русских патриотов в Архангельске, где на Крайнем Севере России образовался новый фронт противобольшевистской борьбы, в то самое время, когда на юге Добровольческая армия достигла гор. Екатеринодара во 2-м Кубанском походе и Екатеринодар был взят белыми (2-3 августа 1918 г.), а на востоке Правительство Омска еще до передачи власти адмиралу Колчаку вело успешные бои и организовывало армию в Сибири (2-я половина 1918 года).

В начале борьбы здесь главную роль играли англичане. Причиной вмешательства Англии было опасение Германской угрозы и стремление создать в России, на ее территории новый фронт вместо уничтоженного позорным миром в Брест-Литовске 23 февраля 1918 года. Кроме того, англичане опасались, что Архангельск и Мурманск могут стать базами германских подводных лодок, и что Германия сможет захватить большие склады военного снаряжения, которые были образованы ранее во время мировой войны. Интересовались англичане и лесом, росшим в громадном количестве на Севере России. В середине лета 1918 года на Севере появились русские офицеры и политические деятели; они имели некоторые связи с французскими и английскими посольствами в России. К началу августа 1918 года все было готово и ожидался только сигнал к восстанию, которым должен был руководить капитан 2-го ранга Чаплин, живший в Архангельске как морской офицер. 1-го августа появились над городом английские гидропланы, как вестники английского десанта. (Десант был английский, потому что державы Антанты считали, что Север России находится в сфере английского влияния.) Большевики стали в панике отходить на юг.

2-го августа русские добровольцы разоружили большевиков; дело было сделано при помощи нескольких орудий, попавших в их руки... Новое правительство возглавил старый революционер Чайковский. Английские силы в Архангельске были слишком малы, чтобы предпринять наступление на юг, на Москву, но было лишь символическое впечатление подобно интервенции, предпринимаемой одновременно на Дальнем Востоке, что указывало как бы на полную изоляцию Советского режима. Состав Правительст-

ва был в политическом отношении исключительно пестрым, что впоследствии привело к большим осложнениям во внутренней жизни области и приводило неоднократно к переменам в составе представителей власти.

Десант английский под командованием генерала Пулл был очень малосильным, а потому русские вновь сформированные части не имели возможности продвигаться достаточно легко на юг. Театр военных действий в Северной области, бедной средствами, лишенной в достаточной степени путей сообщения и с малочисленным населением имел, конечно, второстепенное значение в борьбе белых за освобождение России. В случае успеха военные силы Севера могли оказать непосредственную помощь другим белым фронтам, т.е. правому флангу восточного фронта адмирала Колчака и левому флангу западного фронта генерала Юденича. Все усилия русского командования были направлены на то, чтобы достигнуть связи с армией Колчака и передать ей запасы боевого снабжения, заготовленного при помощи англичан. В разграбленной чехами Сибири был большой недостаток в снабжении. Была неизбежная несогласованность в действиях всех белых фронтов, которые были отрезаны один от другого бесконечными пространствами, была своеобразная политика "помогавших" им представителей бывших союзников России, была инертность английского командования на Севере России (см. упомянутый ранее труд А.А. Лампе "Пути верных").

Все это привело к неудачному исходу борьбы здесь, а окончание мировой войны в октябре 1918 года лишило англичан какого-либо интереса к начатому при их помощи предприятию. Еще была надежда весной 1919 года в успешный период наступления адмирала Колчака на плодотворное сотрудничество с англичанами, но отступление армий Верховного Правительства на Восток имело для судьбы Северного фронта решающие последствия. Англичане стали готовиться к отъезду. В августе 1919 года в годовщину основания Северного фронта правительственная власть здесь перешла к генералу Миллеру, погибшему позже 22 сентября 1937 года в Париже, а в сентябре того же 1919 года англичане окончательно покинули своих союзников, т.е. белых, предоставив их своей собственной участи. А в это время армии генерала Деникина победоносно заняли, — Киев и Курск. Таким образом, белая власть, просуществовав на Севере один год, была обречена пасть. Англичане при уходе своем оказали давление на русское командование белых и старались убедить его в необходимости распустить войска, обещая увезти за границу наиболее ответственных офицеров и жителей. Эта агитация повлекла за собой тяжелые дни восстаний, что неблагоприятно отразилось на судьбе области. Но северные русские полки белых не поддались уговорам англичан.

Перед уходом был нанесен русскому делу удар и очень чувствительный. Опасаясь как-будто, что белые не вынесут удар красных и снабжение тогда попадет в руки большевиков, англичане утопили перед уходом своим все имущество, т.е. находившееся в гаванях снабжение, в море; после их ухода, добровольцы должны были добывать необходимое снабжение со дна моря, конечно, значительно попорченное водой. В конце 1919 года началась ликвидация Северного фронта, затрудняемая суровой северной зимой.

Отступление проходило на путях к Архангельску и Мурманску с большими потерями, делаясь добычей красных и морозов. Только немногим удалось достигнуть северных гаваней, погрузиться на суда и уйти в Норвегию, где, передохнув в специально для того созданных лагерях, расплыться потом на чужбине без работы, без средств, связей, поддержки, оставив своих родных и друзей на произвол и суд большевистского ЧЕКА. Последний путь "верных" на Севере был по берегу Белого моря от Архангельска к Мурманску.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ

Хотя и отделенные один от другого значительными пространствами все же в какой-то степени Южный, Восточный и Северный антибольшевистские фронты окружали большевиков, воздавших в центре России или вернее захвативших там правительственную власть. На Западной границе остался большой промежуток на протяжении многих километров, что очень ослабляло положение белых и в центре этого промежутка находились армии Польши. Если бы Польша присоединилась бы к общему антибольшевистскому фронту, то круг бы замкнулся и левый фланг войск Деникина дотянулся бы до Польских армий и м.б. история пошла бы по-другому пути..., но никогда никакие польские части не принимали никакого участия в общем противобольшевистском движении и может быть это было тем якорем спасения, на котором удержалась Советская власть во время наступления белых. Первый шаг для образования белого фронта в Прибалтике был сделан Германским командованием в Пскове в начале октября 1918 года в то время, когда на юге, незадолго до того в Екатеринодаре, наконец, занятом добровольцами умер основоположник Белого движения генерал Алексеев, на Востоке будущий верховный правитель России, адмирал Колчак, еще как военный министр Сибирского Правительства прибыл в Омск и на Севере было образовано временное Правительство во главе с Чайковским.

10 октября 1918 года с официального разрешения Германского командования в Пскове и ближайших к нему городах были открыты вербовочные бюро, призывавшие русских офицеров вступить в ряды "Северной Армии", во главе которой должен был стать граф Келлер, популярный русский генерал от кавалерии, но он был зарублен в декабре 1918 года на одной из площадей Киева украинскими самостийниками вместе со своим адъютантом в то время, когда он был задержан революционным отрядом. Во главе новых формирований стал генерал Вандамм. Германское командование помогало юной армии снабжением оружия, денежными средствами обмундированием. К концу первой недели одно Псковское бюро отметило приток 1500 добровольцев, из которых 40% были офицеры, остальные солдаты. Удар делу нанесла революция в Германии.

Новое революционное правительство Германии не имело желания продолжить начатое дело и Германские силы спешно очистили Псковскую область под давлением Версальских победителей. Безо всякой внешней помощи, не закончив свою организацию и формирование Русской белой Армии, ей пришлось одной вести борьбу против большевиков. В ноябре 1918 года под давлением большевистских сил русская молодая белая армия вынуждена была отступить вместе с германцами в Эстонию, где она соединилась с новой армией Эстонской республики и подчинилась ее командованию. Белая армия в Эстонии так же, как и армия Северного фронта подпала под английское влияние... Во главе с генералом Родзянко "Северный корпус" (белых) в союзе с эстонскими войсками перешел в наступление, продвигаясь на восток, имея кровавые бои с большевиками. В мае 1919 года корпус генерала Родзянко занял Псков, где зародилась первоначально армия. И вот Верховный Правитель России адмирал Колчак назначил главнокомандующим Западным фронтом генерала Юденича, известного своими победами на Кавказе во время Мировой войны. 13 октября 1919 года Северно-Западная армия перешла в наступление, которое подготовлялось еще в сентябре рядом боевых столкновений. Это наступление было вызвано координацией действий, ибо армия Деникина победоносно в это время продвигалась к Москве и англичане обещали помощь флотом левому крылу белой армии. Наступление велось с большим воодушевлением и разворачивалось с успехом и во второй половине октября 1919 года колонны Белой армии достигли летних стоянок русской императорской армии и заняли Павловск, Царское село, Красное село. Солдаты уже видели купола Петроградских соборов, казалось, что преследуемая цель близка и без сомнения будет достигнута. Полки горели желанием сразаться. Жители освобожденных городов и деревень встречали белых с восторгом. Но всякое

напряжение сил имеет свои пределы. 23 октября 1919 года один из полков в центре боевого фронта не выдержал и отошел... Силы других полков сдали, они тоже начали отходить, резервов не было. Инициатива перешла к красным, которые имели в своем распоряжении неисчерпаемую массу запасов в человеческом и материальном снабжении всей России. Сыграли свою роль и бронепоезда красных, действующие успешно в богатом железнодорожными путями Петроградском районе.

При повороте счастья образ действий Эстонского правительства сделался неприязненным в высшей степени. Был один эпизод: гарнизон Советского Укрепленного пункта "Красная Горка" вел уже переговоры с белыми и готов был перейти на их сторону, но посланная ими депутация для окончательных переговоров, попала не к русским, а к эстонским войскам, завязался спор между ними, депутация настаивала на том, чтобы сдаться только русским белым. Эстонцы настаивали, чтобы сдача была сделана им. В результате эстонцы расстреляли депутацию. Вследствие этой бессмысленной жестокости за большевиками остался этот весьма важный укрепленный пункт. (По тем возможностям, которые имелись впоследствии при обстреле Кронштадта во время восстаний моряков). Англичане также не сдержали своего обещания – содействовать своим флотом, что поставило бы большевиков в весьма затруднительное положение. Красное командование сосредоточило резервы на флангах белых и послало в бой все свои силы до курсантов включительно. Террором мобилизованные красноармейцы должны были наступать, т.к. были понуждаемы пулеметным огнем в их спины. Началась неизбежная таким образом перемена и в начале ноября 1919 года началось отступление белых на запад. 14-го ноября 1919 года белые не имели в своем распоряжении – ни одного города и были прижаты к эстонской границе... агония белой армии. Прижатая к границе белая армия была перегружена семьями бойцов и гражданскими беженцами. Жестоко страдали все от холода, голода и сыпного тифа. Командование должно было согласиться на все условия эстонцев. Пропущенные на эстонскую территорию, бойцы были вынуждены работать на лесных работах в тяжелых условиях и, заплатившись своим здоровьем, а многие и жизнью. В это время (3 января 1920 года) было заключено уже перемирие между красными и Эстонией. (Весь вышеизложенный материал по Северо-западному фронту взят из книги А.А. Лампе, генерала-майора генштаба "Пути верных". Ниже приведем освещение отдельных моментов наступления Юденича на Петроград, пользуясь данными из труда Вильяма Генри Чемберлена "Русская революция" т.2 гл.33, в каковой книге уделяется много внимания также и обстоятельствам, имеющим место в Советском лагере, а также цифры для оценки шансов успеха г.Юденича).

В тот момент, когда все военные ресурсы Советского Союза были сконцентрированы на подготовке контратаки против продвигающихся сил наиболее грозного врага, генерала Деникина, Северо-западная армия генерала Юденича предприняла внезапную и неожиданную атаку на Петроград. Северо-западная Армия числила только 18.500 бойцов против 25.500 седьмой Красной армии, которая прикрывала на прямом пути подходы к Петрограду.

Коммуникации (сообщения) армии Юденича в случае приближения к Петрограду были под угрозой перерыва их со стороны другой Красной армии (15-й Армии), которая находилась далее к югу. Сам город Петроград насчитывал население почти в один миллион даже после ухода части населения от голода и на фронт. Здесь были десятки тысяч коммунистов и так называемых "сочувствующих". Революционный дух таких районов рабочего населения, как например, Выборгская сторона, был известен. Генерал Юденич поэтому имел гораздо меньше шансов, чем его противники, получить подкрепления в ходе кампании. Другая Белая сила на Балтийском участке, оперировавшая в Латвии под командованием полковника Бермонта, вместо того, чтобы сотрудничать с генералом Юденичем повернула против гор. Риги в это время с попыткой ниспровергнуть существующее Латвийское правительство. Это отвлекло Эстонскую армию и Британские военные корабли, которые крейсировали в Финском заливе, к гор. Риге для того, чтобы контролировать властные намерения Бермонта и поэтому увеличивались подозрения Эстонского правительства относительно дальнейших намерений С-З Армии, в случае его успеха во взятии Петрограда.

Тем не менее, желание подорвать мирные переговоры, которые происходили между Советской Россией и Эстонией и помочь, с другой стороны, продвижению генерала Деникина к Москве привели вождей Северо-Западной Армии к риску наступления. Британские военные представители ободряли предприятие и выражали надежду, которая не осуществилась, на обширное сотрудничество с частью британских военных кораблей. В то время как основные факторы в имеющейся в то время ситуации были неблагоприятны для генерала Юденича, некоторые обстоятельства помогли сделать первые шаги его наступления очень успешными. Седьмая армия, хотя и превосходящая численностью белую армию, была разбросана на длинном фронте и ее военная бдительность ослаблялась вследствие мирных переговоров с Эстонией. Качество сил не было высоко у красных и ее начальник штаба полковник Лундквист сносился с Северо-западной армией, передавая ценные информации о расположении Красных войск и о слабых пунктах в линии защиты. Наступление началось при благоприятных предзнаменованиях, когда г. Ямбург был взят внезапной атакой 11 октября 1919 года (расстояние меньше, чем 100

миль от Ямбура до Петрограда) и через неделю генерал Юденич был почти у ворот "Красного Питера", как рабочие называли тогда столицу России — Петроград. Седьмая Советская армия откатывалась в беспорядке, вид английских танков (у белых) вносил деморализацию среди необученных рекрутов Красной армии. "Наши части в панике отступают при одном лишь появлении вражеского кавалерийского патруля", — сообщает один красный командир. Затем случилась ошибка или промах (со стороны белых), состоящий в том, что некий командир 3-го пехотного дивизиона Белых войск, заняв станцию Гатчино в 30 милях от Петрограда 16 октября 1919 года, ослушался полученного приказа — занять станцию Тосно на Николаевской железной дороге, соединяющей Петроград с Москвой, горя желанием участвовать самому во взятии Петрограда. Этим замедлением в захвате железнодорожной станции по Николаевской железной дороге воспользовалось Красное командование и стянуло туда достаточно воинских сил, чтобы отбить попытку белых захватить ее несколькими днями позже. Это была уже стратегическая ошибка, т.к. из Москвы были двинуты в помощь защитникам Петрограда "курсанты", т.е. юнкера красных офицерских школ. Натиск генерала Юденича на Петроград создал трудную проблему для Советского руководства. При обычных условиях войска могли бы быть быстро отправлены к атакуемому городу с других фронтов. Но южный фронт (генерала Деникина) был такого решающего значения, что не могло быть и речи о его ослаблении. Ленин например говорил, что лучше отдать Петроград, чем ослабить хоть на йоту концентрацию сил против Деникина. Троцкий кинулся туда, выработал план даже уличных боев в Петрограде, если войска генерала Юденича войдут в город с постройкой баррикад на улицах, пулеметных гнезд, метания гранат и пр. Но до этого дело не дошло, 20 октября 1919 года Красные были отброшены до Пулково (в десяти милях от Петрограда). Это была последняя линия защиты у окраин Петрограда. Уже поговаривали на следующий день побывать на Невском проспекте (среди наступающих войск), но красные упорно оборонялись на Пулковской позиции. 21 октября был переменный момент боя, новые атаки были отбиты и захвачены пленные из войск г. Юденича, а 23 октября белые были сбиты от ближайших пригородов Петрограда: Павловска и Царского села. Войска генерала Юденича с контингентом бывших офицеров сражались в основном с упорным мужеством согласно свидетельству Советских наблюдателей и историков. Но уже не было больше сомнений в исходе боев за Петроград. Если город не мог быть взят с первого размаха внезапно, он не мог быть взят вообще. У генерала Юденича не было достаточно сил, чтобы вести осаду или вынести продолжительную борьбу на истощение сил противника. Еще до конца октября генерал

Юденич продержался в Гатчине, надеясь на взрыв восстания внутри Петрограда, но 15-я Красная армия, двинувшись с юга, заняла г. Лугу с угрозой прервать линии отступления для войск генерала Юденича. Он эвакуировал Гатчину 3 ноября, Гдов — 7 ноября и Ямбург, начальный пункт наступления 14 ноября 1919 года. Армия белых ушла в Эстонию, где была разоружена, интернирована и скоро расформирована.

ЗА РУБЕЖОМ

Белые фронты т.о. прекратили свое существование. Бойцы белых рядов, русские "верные" были вынуждены покинуть пределы своего отечества и находились уже на чужбине. Участники боев на восточном фронте временно задержались на Дальневосточной окраине России и делали последние попытки удержать последний кусочек русской земли свободным от красной волны, затопившей всю Россию. Но эти попытки носили уже местный характер и не имели того значения для всей страны, каковой могла иметь успешная деятельность генерала Врангеля в Крыму. Наконец, коммунистическая власть распространилась также и на Дальний Восток до Желтого моря и Тихого океана и последние бойцы армий адмирала Колчака оказались в Японии и в Китае. Бойцы Северного фронта генерала Миллера попали в Норвегию и распространились затем по всей Европе. Из Эстонии после тяжелых работ в лесах Эстонии бывшие бойцы ушли в соседние страны. Все фронты рассыпались и только вывезенная генералом Врангелем из Крыма армия осталась объединенной и вместе с беженцами, которые присоединились к армии, образовала "плавающую Россию" в водах Босфора и Мраморного моря. Англичане уже раньше оставили армию генерала Врангеля и отказали ей в какой-либо помощи в тяжелые дни очищения Крыма. Армия эта попала в распоряжение французских оккупационных войск того времени в Турции и французы в трагическую минуту эвакуации помогли Белой Армии, но зато в их руки попали все запасы, которые взял с собой Врангель из России до морских судов (флота) включительно. Генерал Врангель выполнил свой долг и спас людей, которые ему доверились от произвола большевистских палачей. Последние заняли Крым и уничтожили всех, кто по каким-либо причинам не имел возможности уйти вместе с армией. Такая же судьба постигла и тех,

кто остался, поверив большевистским обещаниям, провозглашенным по радио и их агентами в Крыму. Венгерский палач Бела Кун, которому Троцкий поручил ликвидацию Крымского фронта, казнил до 15.000 человек, как военных, так и из числа гражданского населения.

Французское командование предложило генералу Врангелю обеспеченную жизнь в Западной Европе, а он решительно отказался "уйти на покой", продолжая считать себя вождем белых и надеялся, что когда-либо лучшие элементы русских "верных" смогут быть еще использованы для продолжения борьбы против коммунистической власти в России. Французы уговаривали русских солдат и офицеров покинуть ряды армии и рассеяться по Европе, а то еще переселиться куда-либо подальше, например, в Бразилию для работ на кофейных плантациях. Но солдаты и офицеры остались верными своему вождю и армия была переселена на остров Лемнос и в Галлиполи. Генералу Врангелю удалось в 1922 году расселить армию в Балканских странах Югославии и Болгарии. В 1924 году 1-го декабря был основан Русский Общевоинский Союз, объединявший всех тех, кто боролся в белых рядах за свою родину и не примирился с властью международных проходимцев в России. 25 апреля 1928 года генерал Врангель скончался в Брюсселе, куда он переселился после тяжких страданий от последствий болезни, определить которую не смогли лечившие его русские и бельгийские врачи.

Его должность принял следующий после него по старшинству генерал Кутепов, его ближайший сотрудник и создатель той части Крымской армии, которая пошла на полуостров Галлиполи. 26-го января 1930 года генерал Кутепов бесследно пропал на людной улице Парижа. Генерал Миллер, командовавший ранее Северным фронтом, встал во главе белых и 22 сентября 1937 года, также в Париже и также при свете дня генерала Миллера постигла участь генерала Кутепова и опять при хладнокровном попустительстве французской полиции. 23 марта 1938 года на должность начальника Русского Общевоинского Союза вступил генерал Архангельский (умер 2 ноября 1959 года). 25 января 1957 года приказом Русского Общевоинского Союза ген.-лейтенант Архангельский назначил начальником того же Союза бывшего первым помощником и заместителем его генерального штаба генерал-майора Алексея Александровича Лампе (труд коего нами цитируется).

Таким образом, Русский Общевоинский Союз является по сей день (написания его труда) законным наследником и преемником Российских Императорской и Белых армий.

28 мая 1967 года в Париже скончался начальник Русского Общевоинского союза генерального штаба генерал-майор Алексей Александрович Лампе, один из ближайших помощников генералов Врангеля и Архангельского, от которого принял должность 27 января 1957 года.

В обязанности Начальника РОВ Союза вступил генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский (Распоряжение 197 от 19 мая 1967 года).

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ БЕЛЫХ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

1) Стратегическое преимущество красных.

Они подобно Германии в Европейскую войну вели борьбу по внутренним операционным линиям и по кратчайшим путям, перебрасывая свои войска с одного фронта на другой. Но это не было непосредственной причиной неудачи вооруженного выступления белых (пример: недостаточность охвата сил красных белыми хотя бы путем объединения сил Деникина и Колчака) (по книге Лампе "Пути верных").

2) Упреки в отсутствии идеологии и неприятие правых или левых лозунгов не указывают однако причины неудач белых (тот же источник).

3) Свокорыстие союзников при оказании помощи белым. Когда события на полях Франции сделал русский фронт излишним (октябрь 1918 года), союзники уходили и оставляли белых без помощи, например в Сибири, на Северном фронте, ибо союзникам была нужна только противо-Германская Россия, а потом?

4) Нельзя не признать, что в политике белых не все было благополучно; так было с окраинами, ибо непризнание самостоятельности Эстонии и Финляндии, было несомненно ошибками. То же было и с непризнанием поляков генералом Деникиным, что сделало последних постоянными противниками белых. Было бы целесообразно признать Украинского Гетмана и пр. (тот же источник).

5) Тыл у красных был неисчерпаемый источник людского резерва и материального, а у белых тыл свешивался в море. Таким образом, белым все время приходилось добывать пополнения, стбивая их от противника. (тот же источник — Лампе).

6) Пропаганда. Бичем белого тыла была красная пропаганда, которая была поставлена лучше, чем пропаганда у белых. Да и сами лозунги были очень уже заманчивы для малосознательной толщи народа, ибо что можно еще больше обещать, как лозунг: "Грабь награбленное!", "все дозволено" и настоятельные обещания "рай на земле". Влияла и специфическая техника интеллигенции (левой, конечно) в лозунге их: "Ни Ленин, ни Колчак" и пр. (тот же источник).

7) Социалисты были всегда естественными врагами белых и тем самым помогали красным, для которых они были во многих отношениях своими (там же).

8) В "воспоминаниях" протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского содержатся 2 важные указания на причины неудачи белых, это — темнота и отсталость крестьянства. "Мужик наш, наш простой народ, оказался не тем, чем мы представляли его: разбушевавшись, он натворил за эти три года много грязных и ужасных дел (о махновщине будет сказано несколько ниже)".

Но мы-то лучше ли оказались в это время? Вспомните про спекуляции, хищения, грабежи и грубый, безудержный эгоизм, охвативший всех нас!.. Мы хуже их, ибо от нас больше требуется, чем от них" и далее протопресвитер повествует: "Грабежи спекуляция, нахальство и бесстыдство, разложили дух армии... Взятничество открыто процветало"... и далее приводятся примеры. По этому вопросу упомянутый генерал Лампе приводит такие соображения, но уже другого рода — грабеж всегда на войне был и с ним велась борьба приказами генерала Деникина и расстрелами генерала Врангеля и все-таки добровольцы генерала Врангеля, покинувшие Крым, пришли в лагеря Галиполи, Лемноса и Кабаджи голыми, нищими, то же было и с участками белой борьбы на всех ее фронтах, но не грабежи были причиной неуспеха. (А о героических подвигах и характере офицерства как в настоящем, так и в прошлом будет сказано подробно в конце настоящей статьи).

9) Первой и основной причиной неудачи вооруженного выступления белых полагает упомянутый генерал Лампе, было настроение населения тех областей, по которым шло наступление белых, ибо окраина Руси не знала еще большевизма, его практического применения к обывателю. Они не испытали еще "прелестей советского рая". Население ждало от белых восстановления порядка и нормальных условий жизни, а не думало, что армию надо прокормить, давать подводы, лошадей, запасы и, наконец, людей. Население таким образом восстанавливалось против белых. отсюда в связи с красной пропагандой распространялись среди населения нелепые гео-

рии о "насаждении старого режима", о "возвращении земли помещикам" и потому полуголые и голодные русские офицеры изображались как "помещики" и "слуги банкиров". Недостатки в сфере управления и финансовых мер, а также земельных распоряжений принимались за злонамеренность, а помощь-то населения белым часто не шла далее пожелания: "Помоги вам, Пресвятая Богородица!" Белые работали в "белых перчатках", насаждали законы и призывали к их исполнению и не получали от распущенного демагогией населения сочувствия. А красные действовали дубиной, террором. Белые не сумели или не смогли быть фашистами, подобно итальянцам, которые с первого же момента своего бытия стали бороться методами своего противника (красного террора).

К сказанному генералом Ламше и протопресвитером Шавельским можно лишь добавить: незнакомство или незнание народа интеллигенцией, в широком смысле слова, рознь и непонимание между культурной частью городского населения и в том числе офицерства с одной стороны и простонародья (крестьян и рабочих) с другой и отрыв их от культуры и отсталость нашего простонародья сыграли решающую роль в борьбе белых с красными, появилась махновщина, зеленые партизаны, стихийная третья сила, грозившая анархией всей стране. Поэтому считаю необходимым остановиться несколько подробнее на махновщине, свирепствовавшей на юге России с диким лозунгом: "бей красных, пока не побелеют, белых, пока не покраснеют".

БАТЬКО МАХНО И МАХНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Данные: в романе А.Н. Толстого "Хождения по мукам", в "Воспоминаниях" Паустовского и некоторые свидетельские показания очевидцев).

Много рассказов ходило в народе про батьку Махно. Говорили, что, будучи на каторге в Акатуйской тюрьме, он много раз пытался бежать, но был накрыт в дровяном сарае и топором бился с солдатами. Ему переломали прикладом все кости, посадили на цепь и три года он сидел на цепи, молчал как хорек, только день и ночь стаскивал и не мог стащить с себя железные наручники. Там на каторге он подружился с анархистом Аршиновым—Мариным и стал его учеником.

Родом Нестор Махно был из Екатеринославщины (родился в 1889 году) из села Гуляй-Поле, сын столяра. Бить его начали с малых лет, когда он служил в мелочной лавке и тогда же прозвали хорьком за злость и карие глаза.

Когда после порки он ошпарил кипятком старшего приказчика, мальчишку выгнали. Он подобрал себе шайку — лазил на бахчи, в сады, хулиганил, жил вольно, покуда отец не отдал его в типографское дело. Там будто бы его увидел анархист Волин, ставший через 18 лет начальником штаба и ученой головой всего дела у Махно. Мальчик будто бы так понравился Волину, что тот стал его учить грамоте и анархизму, отдал в школу и Махно сделался учителем. Но это не верно. Махно учителем никогда не был и вернее полагать (полагает Толстой А.Н.), что и Волина он узнал лишь впоследствии, а с анархизмом познакомился через Аршинова на каторге. С 1903 года Махно опять начал пошалить в Гуляй Поле, но уже не на бахчах и огородах, а по барским поместьям, по амбарам лавочников. То уведет коней, то очистит погреб, то напишет записку лавочнику, чтобы положил деньги под камень. С полицией у него в то время велась странная и пьяная дружба. Махно стали серьезно побаиваться, но мужики его не выдавали, потому что, чем ближе подходило время к революции 1905 года, тем решительнее Махно досаждал помещикам. И когда, наконец, запылали усадьбы, когда крестьянство выехало распахать барскую землю — Махно кинулся в города на большую работу. В 1906 году он напал с молодцами в гор. Бердянске на казначейство, застрелил 3-х чиновников, захватил кассу, но был выдан товарищами и попал в Акатуй на каторгу (яркий пример при обсуждении вопроса целесообразности отмены смертной казни бандитам). Через 12 лет, освобожденный Февральской революцией он снова появился в Гуляй Поле (где-то недалеко от Днепропетровска или Екатеринослава), где крестьяне, не слушая двусмысленных распоряжений Временного Правительства, выгнали помещиков и поделили землю. Махно помянул о старых заслугах и был выбран товарищем председателя в волостное земство. Он сразу взял крутую линию "на вольный крестьянский строй", на заседании земской управы объявил земцев "буржуями" и "кадетами", разгорячась в споре, застрелил тут же, на заседании члена Управы и сам назначил себя председателем и районным комиссаром. Временное правительство ничего с ним поделать не могло. Через год пришли немцы. Махно пришлось бежать... В Москве встретился он с анархистом Яковом Алым и др..., один из них стал впоследствии вождем Махновской анархии. Махно вернулся на Украину и махнул прямо в Гуляй Поле. В родном селе он собрал пятерку надежных ребят. С топорами, ножами и обрезам засел в овраге близ экономии помещика Резникова, вырезал ночью семью, а дом поджог. Не теряя времени, хорошо вооруженный и на коне он вместе со своей пятеркой врывается на хутора, зажигает их с 4-х концов, пополняет свой отряд, с бешеной страстью кидается из одного конца уезда в другой

и очищает его от помещиков и, наконец, делает налет на усадьбу магната-помещика Миргородского, который выдавал дочь за гетманского полковника. Махно проникает на свадебный пир, одетый в форму вартового офицера, раздалась стрельба и поголовная резня, а затем грабеж с погрузкой награбленного на телеги и с поджогом дома.

Мужики спохватились... Запылали усадьбы, скирды пшеницы. Партизанские отряды редко нападали на пароходы и баржи с хлебом для Германии. Волнения перекинулись на правый берег Днепра. Сотни карательных отрядов рассыпались по стране и тогда Махно с небольшим хорошо вооруженным отрядом стал нападать на австрийские войска. В то время армия б.Махно была еще невелика. Ядро ее состояло из 2-3 сотен отчаянных голов. Здесь были и черноморские матросы и фронтовики, кому нельзя было по разным обстоятельствам показаться в родной деревне, и мелкие "батьки" (атаманы шаек) со своими отрядами, влившиеся к Махно, и люди без роду и племени и анархисты с бомбой в одном кармане и с томом Крапоткина в другом. Анархисты стали ездить за батькой (Махно) в обозе, пить с ним спирт, говорить удивительные ему слова, до которых он был страстный охотник, про историю и про славу. За ними следовали как за командирами тачанки с добычей — ящик коньяку, бочонок с золотом, мешок с одеждой. На длительных стоянках они раздобывались публичными домами веселых девиц и устраивали афинские ночи, уверяя батьку, что такой подход к половому вопросу раскрепощает быт, что касается сифилиса — то это мелочь и вздор, когда осуществляется абсолютная свобода. Махно называл своих анархистов "ползучими гадами", не раз грозил их перестрелять, но все же терпел их как людей книжных и хорошо понимающих, что такое мировая слава.

У армии не было постоянной ставки. По мере надобности армия перебрасывалась из конца в конец губернии на конях и тачанках. Когда задумывали налет или предстоял бой, Махно слал гонцов по деревням, а сам в людном месте говорил зажигательную речь, после чего его подручные кидали в толпу штуки сукна и ситца. В один день ядро его армии обрастало мужиками-партизанами. Кончился бой и добровольцы также быстро разбрелись по селам, прятали оружие и будто они не они, стоя у ворот, лениво почесывались, когда мимо громыхла германская артиллерия в поисках врага. Австрийцы и германские отряды, преследуя Махно, всегда ударяли в пустоту и всегда в тылу у них оказывался этот вездесущий дьявол. Партизаны, как древние кочевники не принимали боя, рассыпались с воем, свистом и пальбой на конях и тачанках, и, собравшись снова там, где их не ждали, нападали невзначай...

В следующий момент разгора гражданской войны на Украине, к моменту ухода германских оккупантов с Украины (в декабре 1918 года после длительной оккупации с апреля 1918 года), когда Петлюра сбросил гетмана Скоропадского, сел с Директорией в Киеве, объявил самостоятельную республику.

С Севера прицелились на Украину большевики и надвигались с Днепра петлюровцы, заняли только что Екатеринослав (уже недалеко от резиденции Махно Гуляй поле) с Крыма и Кубани — добровольцы (белые). Кто из них для Махно опаснее? В какую сторону повернуть пулеметные тачанки "все четыре колеса", нужно было для Махно решать не мешкая, армия редела, в ней начиналось шатание. Ядро его армии "черная сотня имени Кропоткина", рубаки, отбившиеся от всякой работы, ради разгульной воли на конях (вроде Разиновщины и Пугачевщины в прошлом Русской истории), они кричали: "А захочет батько продать нас большевикам-зарубим его перед фронтом и только... Вон уж Петлюра забрал Екатеринослав, а мы все ждем. Проелись вчистую, босы и голы, скоро нам в степи с волками выть... братва, даешь Екатеринослав!" И вот Махно гулял; в добытой после налета на Бердянск, в гимназической форме колесил на велосипеде напоказ всему городу, или вместе со своим адъютантом Каретником, пел песни под гармонь, шатаясь на улице, или появлялся на базаре злой и бледный, ища ссоры, но все от него прятались, зная как легко у него из кармана вылетает револьвер... По всему Гуляй-Полю шли разговоры, что батько Махно за последнее время стал много пить и как бы не пропил армии. Но только немногие догадывались, что он хитрит. Был он хитер, скрытен, живуч, как стреляный дикий зверь... Махно пил спирт, не теряя разума, нарочно дурил и безобразничал — глаз его был остер, ухо чуткое, он все знал, все видел, злоба кипела в нем...

Таков Махно и махновское движение или махновщина-партизанщина по роману А.Н. Толстого "Хождения по мукам".

К сказанному можно добавить и отметить, что здесь имеются, конечно, некоторые неточности в смысле исторической подлинности всех вышеупомянутых фактов, но они не имеют особенно существенного значения при сличении их с данными, проверенными присяжными историками каким был Вильям Генри Чемберлен в его известном труде "Русская революция" с привлечением и с ссылкой на подлинники факты и материалы. Махно родился в 1889 году в бедной крестьянской семье, рано осиротел и был первоначально пастухом и сельским батраком, а также обучался и плотницкому делу. Сидел он в Бутырской тюрьме в Москве (а не в Сибири) за убийство одного чиновника и был осуж-

ден в 1908 году, а после освобожден по амнистии в марте 1917 года. Далее после борьбы с германскими оккупантами на Украине он в сотрудничестве с большевиками захватывает Екатеринослав, забрав его от Петлюровцев (на этом месте заканчивается наше описание его "подвигов" по А.Н. Толстому).

Произошло это в последние дни 1918 года, а далее Махно ведет партизанскую войну совместно с большевиками против белых на Юго-востоке Украины. Затем Махно порывает связь с большевиками, обвиняя их как "политических шарлатанов" с их комиссариатами и ЧЕКА, с их насилием над рабочим народом. Его лишают командования, и он покидает красных, чтобы бороться с отрядами большевиков около Елизаветграда. Когда же наступление генерала Деникина летом 1919 года достигает апогея, Махно притаился временно где-то в сельской местности. Далее, он убивает своего союзника атамана Григорьева рукой своего помощника, Симона Каретника, внезапно и шайка последнего (Григорьева) присоединяется к отряду Махно. Осенью 1919 года махновское движение достигает своего зенита. Он вырвался из окружения белых около Умани в Западной Украине и бросился в свои родные южные степи, призывая к крестьянскому восстанию против "золотопогонников", т.е. белых. Ситуация была для него весьма благоприятна, т.к. в это время генерал Деникин все свои силы бросил в поход на Москву, оставив в тылу малые гарнизоны. Махно опустошал тыл белых армий с силами от 40 до 50 тысяч человек. 11 октября он захватил порт Бердянск на Азовском море, забрав там 16 пушек, 2000 снарядов и пр. затем занимал гор. Александровск, Никополь, Мариуполь и др. города, а также важные узловые станции ж.д. как Лозовую, Синельниково, временно отрезав совершенно фронт белых от их баз снабжения, угрожая даже на своих пулеметных тачанках гор. Таганрогу, где находился генерал Деникин с его штабом. В октябре 1919 года махновцы опять вступили в Екатеринослав и объявили торжество режима анархии. Таким образом, Махно своей партизанщиной весьма содействовал расстройству тыла белых армий. Держался он не школьной ученой стратегии, а прибегал ко всяким хитростям, например: переодевал своих "хлопцев" в гетманскую полицейскую форму еще ранее в 1918 году, пользуясь знанием паролей проскальзывал через фронт Красной армии и пр. Но его успехи осенью 1919 года были, конечно, кратковременны. Отступающие силы генерала Деникина быстро прогнали его из Екатеринослава. Когда белые очистили Украину, Махно кинулся с крестьянами-партизанами на заготовительные продовольственные отряды красных и на чекистов, восстанавливавших советский режим на Украине. Во время Польско-

советской войны в 1920 году Махно отказался идти совместно с "советами" на Польшу, устремившись в родные края — Поле, где долгое время нападал на железнодорожные станции, грабил пищевые склады, разрушал железные дороги и телеграф. Генералу Врангелю Махно отказал в помощи против красных и даже повесил представителя генерала Врангеля, ведшего с ним переговоры. Более того, он временно стал опять помогать красным в борьбе с генералом Врангелем во время его сентябрьского наступления в 1920 году. Махно сыграл вспомогательную роль в окончательном поражении белых в ноябре месяце 1920 года и вот, не ожидая очередного отпадения Махно от красных, последние неожиданно набросились на него в его резиденции Гуляй Поле и против его кавалерии в Крыму. Сам Махно скрылся, но значительная часть его сторонников была перебита в Крыму, равно как погибли и члены его анархической шайки и в том числе известный Попов, левый социреволюционер, который поднимал восстание в Москве против большевиков в июне 1918 года.

Началась последняя фаза повстанческой деятельности Махно. Правда, ему еще раз удалось захватить Бердянск, где он перебил 83 коммуниста, затем он метался по Украине, доходил до Донской области, до Курской губернии, пытаясь поднять крестьянские восстания и бороться за "свободные советы", но ситуация была уже иная. Борьба советов с белыми была закончена и все силы красной армии устремились к поимке и ликвидации Махно и махновщины, да и крестьяне устали от бесконечных его налетов туда и обратно, от этой "перманентной революции". Число его бойцов уменьшилось до 250 человек, когда он после безнадежных стычек пересек реку Днестр и ушел в Румынию в 1921 году. Конечно, Махно был не только партизан в его борьбе с белыми и красными, но и мародер и бандит, хотя последнее оспаривается упомянутым выше автором "Русской революции" Чемберленом. Но описание встречи с Махно, приводимые нами ниже из книги К. Паустовского в его "Повести о жизни" в т.1-м из его автобиографической повести, (как бы "Воспоминаний" Паустовского) говорит определенно о Махно, как о параноике, бешеном садисте, ненормально злобном человеке. Вот эта встреча в цитате:

Это был период, когда денкиницы уже отступали в 1919 году от Орла, а Махно временно потерпел неудачу на Украине под Голтой и "тикал" на Гуляй-поле тремя эшелонами — поездами по железной дороге через станцию, где остановился писатель Паустовский. И вот, наконец: "Поезд замедлил ход. Дежурный по станции беспомощно оглянулся, но вдруг подобрался и замер. Мы отшатнулись от окна и приготовились бежать. Но поезд не остановился. Он плавно и медленно шел мимо вокзала и мы увидели открытую платформу... развевал-

ся черный флаг с надписью "Анархия — мать порядка". По всем четырем углам платформы сидели около пулеметов махновцы в английских табачных шинелях. На заднем сидении из красной сафьяновой кожи полулежал в ландо шуплый маленький человек в черной шляпе и расстегнутом казакине, с зеленым землистым лицом. Он положил ноги на козлы и вся его поза выражала лень и томный сытый покой. В опущенной руке человек этот держал маузер и поигрывал им, слегка подбрасывая его и ловя на лету. Я увидел лицо этого человека, и тошнота отвращения подкатила к горлу. Мокрая челка свисала на узкий сморщенный лоб. В глазах его — злых и одновременно пустых, глазах хорька и параноика-поблескивала яростная злоба. Визгливое бешенство, очевидно, не затихало в этом человеке никогда, даже и теперь, несмотря на его вальяжную и спокойную позу. Это был Нестор Махно.

Дежурный (по станции) отдал Махно честь, при этом заискивающе улыбался как бы униженно молил о пощаде, в страхе за свою нищую жизнь в беспомощной попытке разжалобить дикого зверя.

"Махно лениво вскинул маузер и даже не взглянув на дежурного и не целясь, выстрелил. Почему — неизвестно. Разве можно догадаться, что придет в голову осатанелому изуверу.

Дежурный нелепо взмахнул руками, попятился, упал на бок и начал биться на перроне, хватая себя за шею и размазывая кровь. Махно махнул рукой. Тотчас пулеметная очередь хлестнула по асфальту перрона и ударила по дежурному. Он несколько раз дернулся и затих..."

Махно был очень популярен в народе. Помню мои хорошие знакомые, близкие мне люди, проезжая в 1920 году станцию Лозовую и далее на юг в пассажирском поезде недалеко от Лозовой услышали вдруг выстрелы и тот час же все пассажиры повалились на пол, чтобы их не достали пули при обстреле поезда. "Это махновцы, партизаны!" — раздались тревожные крики. Была, по-видимому, ложная тревога или отдаленная лишь угроза, но все были перепуганы призраком появления махновцев. На станциях железной дороги при долгих в то время остановках в очередях за водой у будки или у тумбы с водой слышны были только разговоры и рассказы о "подвигах" батьки Махно, как он переодетый торговал на базарах сыром (творогом) или капустой, а под конец распродажи исчезал, предоставив кому-либо доканчивать продажу творога. Внизу на дне кадушки или под капустой находили записку: "Кто капусту или сыр покупал, тот батьку Махно видал". Привлекал он расположение народа, разбрасывая часть награбленного - куски сукна и ситца в деревнях или городах в тылу или пленных, продержав неко-

торое время в зное и духоте в степи, вдруг доставлял им тачанки с арбузами и все пленные накидывались утолять жажду на арбузы, прославляя батьку Махно и многие из них после этого вступали в ряды его отрядов.

По рассказам и по слухам испытывали махновцы и национальность пленных, заставляя великороссов — москалей или, как они их называли "кацапов" выговорить слово украинское "поляница" (каравай хлеба), а евреев заставляли сказать слово "кукуруза". В итоге, все же можно заметить, что все эти "подвиги" и издевательства махновцев характерны более для юга России, для Украины, в памяти какового населения были еще живы восстания против польских панов и др., а ближе к центру в губерниях Орловской, Курской и др. крестьяне великороссы сочувствовали освободителям Белой армии и, слыша издали пушечный гул, особенно, старые и пожилые крестьяне, снимали шапки и, крестясь, говорили: "Это Деникин пашет Русскую землю!"

— X —

В заключение очерков по гражданской войне считаю нужным подвести итоги, но не тягучими, может быть, даже скучными, логическими выводами и рассуждениями присяжного историка или еще тяжеловеснее, социолога, а бросками отдельных изречений, сравнений, эпитетов, полных чувства, сожаления, негодования и гнева, насмешника, словом чувства, наболевшего у патриота, участника белого движения, одним из которых был автор известной книги, романа Н. Белгородского "Вчера". Привожу выдержку из упомянутого автора в подлиннике:

"Что это была за война (гражданская) ?

Народа, то-есть русских мужиков, эта война никак не разожгла и была для него или для них как хомут на корову. Никакого социализма или коммунизма в деревнях даже не разумели. Они, мужики, занимались другим: поделили помещичью землю, заграбив, что было в господских усадьбах, заели своих хуторян и выменивали за мешок муки золотые часы да брошки из мрущих с голода городов.

Стрелять же из винтовок, стреляли только по принуждению, которого не умели и не хотели наложить на них мы, но которое великолепно накладывали "товарищи". При первой возможности мужичий народ, то-есть красная пехота бросал оружие и шел в плен.

Так воевали мы не супротив "народа", а с большевиками. Мы, в основе своей русские офицеры, Победили большевики. Почему? Главным образом потому, что мы не сумели поднять за себя деревенский народ, а "товарищи" взяли его в силки. Это главное, но несколько внешнее. Глубочайшая же причина лежит, быть может, в том, что по воле Божией, всему

человечеству суждено утонуть в социал-коммунизме на Марксов лад до Вашингтона включительно. Волна нахлынет на Париж, Лондон и Нью-Йорк с Вашингтоном даже не из Москвы, утомившейся, а из Красного Китая, и вслед за тем, быть может, светопредставление по Апокалипсису. (Здесь уместно сделать примечание, что уважаемый автор смотрит черезчур уж пессимистично. Следует отметить, что его пессимистичное пророчество есть только одна из возможностей будущего, а воля провидения на языке познавательном, на языке науки (истории, социологии, теории вероятности и т.д.) суть тенденции, которые могут быть парализованы другими противоположными тенденциями, а потому всякие прогнозы и предсказания в области истории и обществоведения весьма условны и только приблизительно вероятны в гораздо меньшей степени осуществления, чем например, в предсказаниях погоды) ... Писан этот роман Белгородского в 1963 году.

— X —

Про тех, кого удалось победить, продолжает автор романа "Вчера", можно с легкостью говорить все, что угодно: наемщики капитала, "Богатеи и помещики", "полицейские шкуры", "гады и изверги" со всеми ругательными добавлениями, что только есть в красном словаре..., чтоб зачернить дегтем. Все это пошло от победивших "товарищей". Но это ложь. Но правда в чем же? Кто мы такие "белые" офицеры и младшие братья наши юнкера и кадеты? Мы — не помещики, но военная часть всего русского общества — сей совокупности его от предводителей дворянства, председателей губернского земства, судейских, докторов и помощников присяжного поверенного (адвокатов) вплоть до бастующих студентов.

Но, как известно, русское образованное общество уже более ста лет жило с большим устремлением не только к прогрессу, но и к фригийской шапочке (т.е. к республике). А позже, по крайней мере, в студенческой толще — и к социализму со всеми его крайностями. Часто, очень часто, русские "господа" и "полугоспода" любили быть левыми. Понятно, свой особый климат был и в армии, т.е. среди офицеров — верность присяге и преданность престолу. В войну в полки влилось огромное количество молодежи, вчерашние студенты, в университетах, бывшие пригостишками-социалистами. Но не все — Бакунины.

А затем полки и перед полками кадетские корпуса с училищами ведь имеют силу накладывать свою офицерскую печать и на всех пришедших (очень верно!!!). Так, до самой революции среди офицеров русских жила еще верность трону.

И далее... даже впоследствии — однако и при ослаблении узких монархических Романовских чувств в офицерской среде офицеры русские были глубоко верны нашей России, той России, в которой мы родились, за которую бились наши деды и прадеды и которая была Российской империей. Эту нашу Россию большевики размалывали на нет. И в защиту нашей России мы пошли воевать против большевиков.

”Богачи, богатеи” — не забывайте, у кого набиты карманы, тот чаще всего ищет, куда бы запрятаться и как бы сбежать. Для стояния под пулями надо другое и можно пари держать — у большинства из тех, кто пал в бою на Дону, в Крыму и в Туркестане не было верно даже одного рубля сверх жалованья.

”Капиталисты” — за всю войну я не видел ни одного военного. Банковских воротил, фабрикантов или Московских купцов, а у купцов тоже ведь есть сыновья.

”Наемники капитализма” — должно означать, что воевали мы будто бы по найму и приказу иностранных правительств, которые якобы равнозначущи банкам. Насчет приказа — сплошная ложь. От начала до конца воевали мы по нашей воле, а не по чужой. Помощь, чужая помощь — в размере, скажем, не грандиозных и легко оцениваемая. Немецкая — на Украине и на Дону — для вывоза хлеба (в Германию).

Английская — купленная, с уплатой деньгами за танки и сколько-то аэропланов, за батареи с мулами и за все штаны и за все куртки. Французская ... Не хочется говорить. Всякий, кто хочет, может прочесть, как в компании с чехами из военнопленных, выдали они адмирала Колчака. Могут прочесть и сами французы. Вывод такой: капитализм — ложь, богачи — ложь, помещики и монархисты — отчасти.

Остается ”офицерство”. Иначе говоря, про душу со всеми ее недостатками. Всякое государство (и всякое общество добавим мы от себя) несет в себе все. Сколько угодно отвратной дряни было и среди русских всех положений и оттенков от землемеров и присяжных поверенных (адвокатов) до камергеров со шталмейстерами (придворные звания). В соответствии с этим, много скверности, бурбонства, узости и подхалимства и в нашей армии. При всех своих пороках, общество русское возрастало и выходило всю нашу культуру со всеми ее иногда благородными взлетами. (Это надо крепко зарубить себе на носу всем хулителям русской интеллигенции). А русская армия — ее офицеры — это не просто неизбывное хамло из лживо-реалистических описаний Купринских в его ”Поединке”, но еще князь Андрей (в ”Войне и мире” Толстого), знамена, что в боях пронесены до Парижа, Севастополь, не захотевший сдаться (1854-55 г.г.), Баязет (в русско-турецкую войну 1877-78 г.г.), Плевна и Шипка (тогда же в

Болгарии). Если же вспомнить неудачи, то это — Порт Артур, продержавшийся против атак вот этих самых японцев не два, как Английский Сингапур, а семь с половиной месяцев с 13/26 мая и до 20 декабря 1904 года или 2 января 1905 года (н.ст.). Бояться сравнений не приходится ни с кем. И такие, как есть, были мы русские офицеры, в семнадцатом году — самое лучшее из всего, что было в нашей России.

Большевистский переворот. Предверие к их большевистскому (позорному) Брестскому миру (4 февраля 1918 года) и этот самый мир. Над Россией — товарищи комиссары, наши смертельные враги.

И нельзя выкинуть из бывшего: много и много из русских военных во всех чинах стало сразу же подлизываться к новым господам жизни и понанимались к ним "военспецами".

Но мы — верные Русской России воины — взяли за оружие. Те из нас, кому удалось, собрались на Дону и были первыми, кто пошел в огонь. В офицерских полках, где рядовыми бойцами стояли мы, офицеры. Сражались со всею доблестью, но при всей доблести оставались в каждом из нас и его личные пороки с недостатками (однако).

Нигде в мире, после средневековья рыцарского не было никого и ничего подобного и ничего сравнимого...

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	3
Агония демократии перед ее концом	6
Подготовка большевиков к восстанию	8
Троцкий—Бронштейн,	9
Восстание	10
1-й очерк	
Южный фронт борьбы 1917 г.	15
Зарождение Алексеевской добровольческой организации на юге	15
Добровольческая армия	17
2-й очерк	
Южный фронт борьбы 1918 г.	27
Формирование и снабжение армии	28
Формирование в Ростове	28
Начало боевых действий	29
Смерть атамана Каледина и вопрос об эвакуации Ростова	30
Эвакуация Ростова	
Атака Екатеринодара	33
Карта 1-го Кубанского похода	34
Второй поход на Кубань	36
Армавирские и Ставропольские бои	39
3-й очерк	
Южный фронт борьбы 1919 год	41
Карта продвижения белых армий в Донецком бассейне летом 1919 года и линии фронта на 10 марта и в октябре 1919 года	44
Объединение власти во всероссийском масштабе	45
Дальнейшее наступление Добрармии	45
Взятие красной крепости Курск	46
Сентябрь 1919 года	47
Кризис на фронте	48
4-й очерк	
Поход на Москву, отступление и Крым	51
Рейд Генерала Мамонтова	52
Южный фронт	52

Крым. Генерал Врангель	59
Исходное положение белых войск в Крыму и мероприятия генерала Врангеля по восстановлению армии и порядка в стране	60
Вспышка советско-польской войны и влияние этого факта на южный фронт генерала Врангеля	61
Десант на Кубани	62
Бои опять на Украине	64
Последние бои за Крымский полуостров	65
5-й очерк	
Восточный фронт борьбы 1918-1920 г.г.	70
Стихийные восстания народа и некоторых даже социалистических партий в начале и середине 1918 г. против советской власти	71
Чехословаки и движение белых	72
Вооруженное столкновение, борьба чехов с советской властью, восстание против нее офицерства и других сил на Востоке России	73
Захват чехами и белыми Поволжья, Урала и Сибири	75
Фронты белых и красных, правительства Комуча, Сибирские правительства	76
Правительство Комуча	76
Фронты противников летом 1918 года	77
Уфимское совещание и образование директории	78
Переворот 18 ноября 1918 года	80
А.В. Колчак. Его биография	82
Политические успехи и режим правительства адмирала Колчака	84
Бои на фронте между Уралом и Волгой весной и летом 1919 года	85
Затруднения на восточных фронтах	86
Перелом на фронте	87
Отступление и бои в Сибири. Сдача Омска.	88
Восстание в Иркутске и предательство	90
Финал борьбы	92
6-й очерк	
Северный фронт борьбы	94
Северо-западный фронт борьбы	96

Э п и л о г

За рубежом	102
Причины неудачи белых в гражданской войне	104
Батько Махно и махновское движение	106

Напечатано типографией "Единение"

All rights reserved

**Printed by
Unification Printers & Publishers Pty. Ltd.
16-18 Marsden Street, Camperdown.
Sydney. 2050. Australia.**